

СЕРГЕЙ

ЛУКЬЯНЕНКО

ЗАСТАВА

ПОГРАНИЧЬЕ

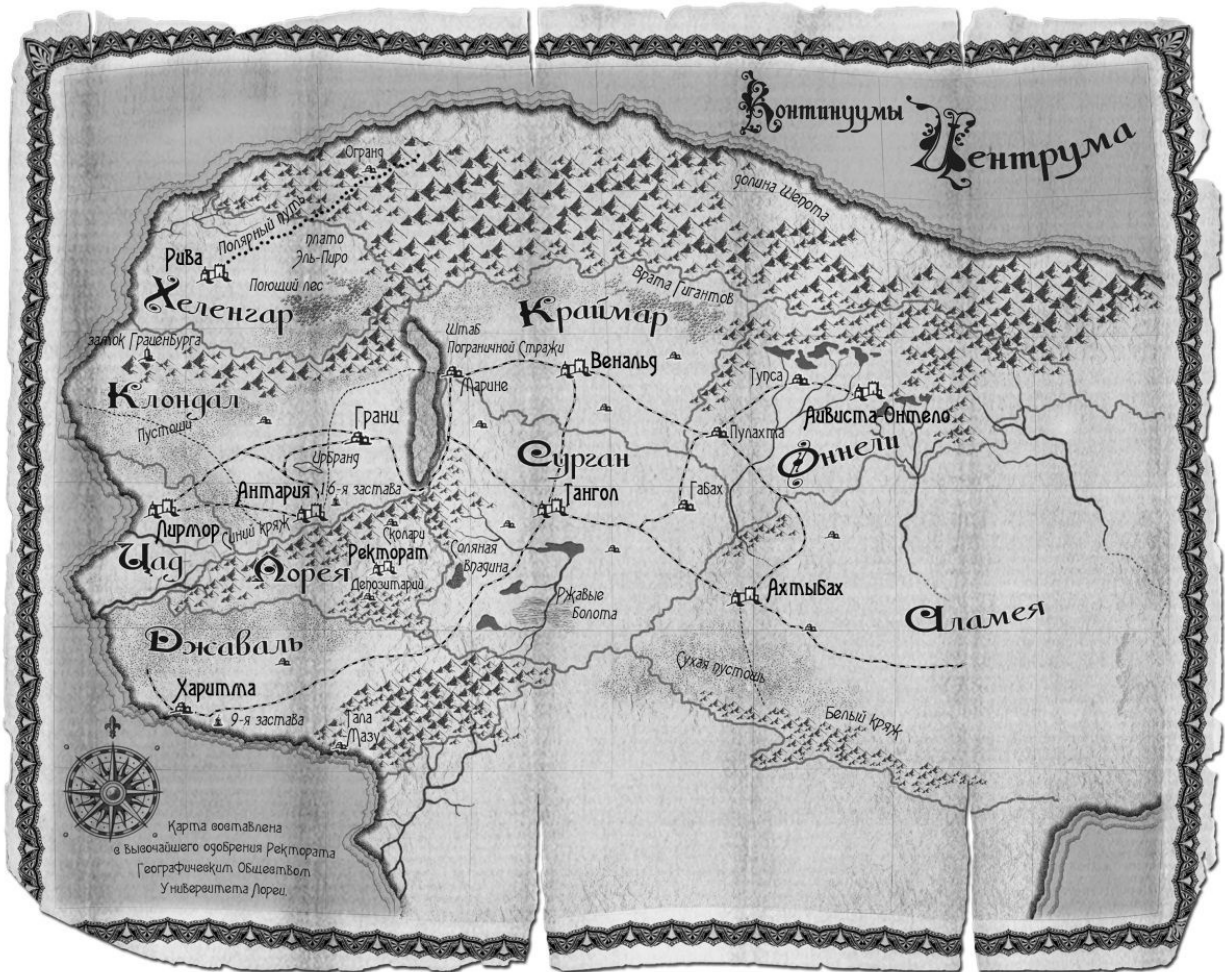
Annotation

Центрум. Центральный мир вселенной, окруженный лепестками других миров, среди которых и наша Земля. Когда-то Центрум был велик и силен, но катастрофа отбросила его в прошлое. Здесь, на перекрестке тысяч и тысяч цивилизаций, несет свою вахту Корпус пограничной стражи, охраняющий границы между мирами... Выбор у землянина, случайно оказавшегося в Центруме, невелик: стать контрабандистом или пограничником. А отличия между этими профессиями порой тоже невелики... Но рано или поздно приходится решать – что такое для тебя пограничная служба. Потому что Земле грозит беда, когда-то пришедшая в Центрум...

- [Сергей Лукьяненко](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Эпилог](#)
-

Сергей Лукьяненко
Застава

Пролог

К ночи потеплело.

Я давно уже понял, что погода в Центруме капризна и подчиняется каким-то своим законам. Посреди зимы и трескучих морозов могло выдаться два-три по-летнему теплых дня, а летом – выпасть снег и завывать вьюга. Но то, что к вечеру я перестал трястись от холода, к местным климатическим причудам отношения не имело.

Просто кончился пронизывающий ветер и перестал моросить мелкий заунывный дождик. Если бы у меня был градусник, то, скорее всего, я бы убедился, что температура изменилась только субъективно. Но и это радовало.

В горах темнеет позже, чем на равнине, но зато и стремительнее. Я до последнего надеялся закончить все сегодня, но, когда на небе начали загораться первые яркие звезды, понял, что пора готовиться к ночлегу.

Вечер застал меня почти у гребня перевала, еще бы полчаса – и я перевалил бы через Синий Кряж, формально отделявший Клондал от Лореи. К счастью, именно формально – до тех мест, где можно было наткнуться на лорейских инспекторов, было еще добрых полсотни километров.

Пологий склон – не самое удобное место для ночлега в горах, хоть и не такое опасное, как ущелье. Но ветра не было, дождь перестал, каменистая почва была умеренно влажной. Я снял с плеча автомат и положил на большой плоский камень, скинул рюкзак, достал из него кусок брезента, расстелил на более-менее ровном участке. Сверху положил кошму – плотный коврик из шерсти. Не лучшая замена туристической «пенки», но приходится пользоваться тем, что может дать Центрум. Расстелил спальный мешок, достал пакет с остатками дневного рациона и, сидя на кошке, доел твердое копченое мясо и сухари. На маленькой спиртовке вскипятил кружку кофе.

Как ни странно, но мне было даже уютно. Видимо, организм радовался тому, что кончились дождь и ветер. Облака сползли вниз, к подножию гор, но в разрывах туч я видел слабые отсветы над Гранцем – центром металлургии Клондала. Потом они угасли – то ли наползли тучи, то ли на заводах пригасили газовые факелы. Я попивал кофе, грыз твердый как камень кусковой шоколад и смотрел на звезды, чистые и яркие.

Люблю звездное небо в Центруме.

Спать хотелось все больше. Я стянул наколенники, подложил их в изголовье спального мешка. Можно было, конечно, лечь. Но я хотел дожидаться того, кто следил за мной уже с полчаса.

За спиной послышался шорох. Я осторожно приподнял правую руку. Шорох стих.

– Мир, – сказал я. – Ночлег. Еда.

Несколько секунд мой преследователь колебался. Потом тихий, нечеловеческий голос прошептал:

– Мир. Ночлег. Еда. Друг.

– Не-враг, – уточнил я. Не стоит брать на себя лишних обязательств.

– Не враг, – покорно повторил мартыш.

Вот тогда я обернулся, уже не стараясь двигаться нарочито медленно. Глаза почти привыкли к темноте, а звезды давали достаточно света, чтобы рассмотреть гостя.

Мартыш был крупным – почти с метр ростом. Он и впрямь напоминал земную мартышку, только передвигался обычно на двух ногах, был больше и тяжелее. Ну и еще, конечно, умел разговаривать.

– Шоколад, – сказал я. – Сухари. Яблоко.

Мясо мартыши не ели. Вроде бы они лопали насекомых, хотя где они их находили в горах – ума не приложу.

– Яблоко, – сказал мартыш, осторожно приближаясь. Хвост у него был поджат и подрагивал между ног. Он боялся. Не то чтобы на них кто-то часто нападал, все-таки уродов, охотящихся на говорящих существ, немного даже среди людей. Даже среди земных людей. Но всякое бывает.

Я протянул мартышу яблоко. Маленькая лапка, похожая на руку ребенка, опасливо протянулась и схватила подарок.

– Человек, – сказал я. – Другой... черт, это ты не поймешь... Человек. Не-я. Перевал.

Мартыш замер, держа яблоко у рта. Он напряженно думал. Если тот, за кем я гонюсь, успел с ним «подружиться», то мартыш ничего не скажет. Но вряд ли маленькое беззащитное существо рискнуло приблизиться к кому-то при свете дня.

– Человек, – согласился мартыш. – Перевал. Вечер.

Какой умник! Он даже понял, что меня интересует. Похоже, я отстаю совсем чуть-чуть.

– Молодец, – сказал я.

В общении с мартышами – одна трудность. Они произносят (и, похоже, понимают) только существительные. Глаголы, даже простейшие – «есть», «пить», «идти» – пролетают мимо их сознания. «Глагол. Загадка.

Тайна» – выражаясь их языком. Некоторые вроде бы способны освоить прилагательные и числительные. Но глагол для этих маленьких забавных приматов – тайна за семью печатями.

– Еда. Сон. Утро, – сказал я. Встал, стянул «сидушку», положил рядом со спальным мешком.

Вы думаете, в горах самые нужные вещи – альпеншток, черные очки, горные ботинки? Ну, если вы штурмуете Эверест по снежным полям – то да, наверное. А вот если гонитесь за человеком на высоте две-три тысячи метров, вам надо быстро идти и, временами, стрелять – то куда важнее будет «сидушка» на попе, наколенники и удобные горные кроссовки. Честное слово! Споткнетесь и приложите коленом о камень – поймете это раз и навсегда.

– Вода, – робко сказал мартыш.

Я вздохнул. Воды у меня было мало, а вода в горах – дефицит еще тот.

– Вода, – согласился я, доставая из рюкзака литровую флягу. Вболтнул, оценивая остаток. Открыл, сделал глоток, протянул мартышу. Тот пил деликатно, не касаясь горлышка своими здоровенными обезьяньими губами, а запрокинув флягу надо ртом. Так пьют воду жители жарких и грязных стран... ну и, как выяснилось, воспитанные обезьянки.

Если бы я пошел в горы дома, я не брал бы дурацкую металлическую флягу. Обошелся бы легкими пластиковыми бутылками. Выпил, выбросил... ну, или прибрал обратно в рюкзак, если жалко природу. Веса – грамм, не бьется, не гремит... Многие вещи в повседневной жизни просто не замечаешь, пользуешься ими как данностью.

– Вода, – сказал мартыш, возвращая флягу. На дне ее еще чуть-чуть булькало, я закрутил пробку и спрятал флягу в рюкзак.

– Сон, – сказал мартыш.

– Сон, – ответил я.

Вот и поговорили. Но что тут поделать, так уж у них мозги устроены...

Заснул я спокойно и крепко. Мартыш – лучший сторож, спит он очень чутко, слух и ночное зрение у него превосходные. Если появится опасность, он, конечно, даст деру. Но меня разбудит – визгом или толчком. Это у них в генах.

А вы думали, я с говорящей обезьянкой поделился едой и водой из альтруизма? Из благодарности за информацию. Ради спокойного сна.

Ну ладно... из альтруизма тоже.

Мартыш повозился на камнях рядом со мной, потом привалился к спальному мешку. Шерсть у них замечательная, они могут спать на голых

влажных камнях. Но если рядом есть тепло – то кто же им не воспользуется?

* * *

Утром, как я и ожидал, рядом никого не оказалось. Мартыш ушел тихо и незаметно, еще до рассвета. Там, где он спал, был аккуратно выложен маленькими камешками спиральный узор. В центре узора лежал мутно-зеленый отполированный камешек. Я поднял его и повертел в руках. Не изумруд, конечно. Хризопраз. Это не я такой умный, это общеизвестный факт – «узор благодарности» мартыши завершают хризопразом. Камень недорогой, но красивый, а этот еще и был хорошо отполирован.

Я спрятал камешек в карман. Мартыши носят их в защечном мешке, но они очень чистоплотные... существа.

Погода продолжала радовать. К утру, конечно, стало совсем уж холодно, градусов пять, не больше. Но небо было чистым, восток нежно розовел, ветра не было. Быстро собравшись, я пошел по склону вверх, к седловине. Честно говоря, мне изрядно надоела эта погоня.

И еще не перейдя перевал, я понял, что погоня закончилась. На меня потянуло запахом табака.

Я повел плечом, сбрасывая автомат с плеча в руки, потом скинул рюкзак – вернусь за ним позже. Пригнулся и быстрым шагом преодолел метров двадцать – после чего резко выпрямился.

Нарушитель был метрах в двадцати от меня. Сразу за седловиной склон круто уходил вниз, там он и устроил лагерь, когда его застала темнота. Поставил маленькую палатку возле вросшего в землю валуна, на спиртовке – такой же, как у меня, – кипятил то ли чай, то ли кофе. Ну а сам в этот момент щедро орошал валун, свободной рукой держа у рта сигарету.

Ситуация – просто лучше не придумаешь.

Я взял автомат наизготовку и пошел к нему. Секунд через десять нарушитель меня услышал и резко повернулся.

– Freeze! – крикнул я. – Стоять! Alto! Halt!

В общем-то я не сомневался, что он русский. Мне подсказывали это врожденная наблюдательность, жизненный опыт, природное чутье и торговая марка «Экспедиция» на палатке.

Ситуацию нарушитель оценил вмиг.

– Братан! – завопил он, поспешно застегивая штаны. Сигарета выпала у него изо рта. – Люди! Ура! Радость-то какая!

Я подошел ближе и остановился в нескольких шагах. Повел стволом автомата и сухо велел:

– Покажи запястье правой руки.

По его поведению уже все было понятно, но вдруг...

Нарушитель скривился. Это был мужчина, молодой, лет двадцати пяти, самой заурядной внешности, с грубоватым лицом, чуть искаженным плохо спрятанной мыслью «я тут самый хитрый, любого обьегорю!» К моему сожалению и одновременно огорчению – лицо было незнакомым. Ни в одной картотеке такой физиономии я не встречал – ни на четких черно-белых снимках, ни на рисунках, сделанных художниками по описаниям...

– Зачем? – спросил мужчина. – Что ты в меня стволом-то тычешь? Где я? Ты кто?

Я усмехнулся. Когда это в первый раз – то не так все происходит, совсем не так...

– Я хочу проверить, нет ли на тебе татуировки, – любезно сообщил я. – Стволom в тебя я тычу, чтобы ты не наделал глупостей. Ты на перевале между Клондалом и Лореей. Я – поручик Пограничного корпуса территории Клондал. Звать меня ты можешь Иван. Просто по той причине, что это не мое имя.

Нарушитель скривился и показал запястье. Татуировки на нем не было. Ожогов, грима, каких-то признаков того, что татуировку пытались свести, не было тоже. На это у меня взгляд наметан.

– Какой раз в Центруме? – спросил я.

– Где-где? – мужчина скривился. – Я в поход шел и заблудился. Что такое Центрум?

Он ломал комедию. Я это понимал. Он понимал, что я понимаю. В общем – все было как всегда.

– Хорошо, – сказал я. – Согласно уставу Пограничного корпуса я должен объяснить тебе ситуацию и предоставить выбор. Ситуация проста – ты, вольно или невольно, открыл врата с мира Земля в мир Центрум. Это не является преступлением, но является проступком. Поскольку я вынужден исходить из того, что ты жертва случайности, – наказания не последует.

– Какие врата... – пробормотал мужчина мрачно.

– Не знаю. Большие, маленькие... У тебя есть ровно три выбора. Выбор первый – ты идешь со мной на заставу, получаешь регистрацию, подписываешь таможенные правила и в дальнейшем их соблюдаешь. Выбор второй – я делаю тебе татуировку о том, что ты имел первичное задержание, после чего ты отправляешься домой и больше никогда сюда не

возвращаешься. Выбор третий – ты идешь со мной на заставу, заполняешь анкету, мы посылаем ее в Штаб Корпуса и после одобрения ты получаешь шанс стать пограничником. Понятно?

– Я на флоте служил, – сообщил мужчина. И продемонстрировал мне левую руку, на которой синела звездочка, вытатуированная между большим и указательным пальцами. – Землю топтать не привык.

– То-то шел так медленно, – усмехнулся я. – Ну, что выбираешь?

– А ничего, – усмехнулся морячок. – Что, зёма, договориться с тобой никак не получится?

– Хочешь предложить взятку? – уточнил я.

– Нет, – вздохнул мужчина. – Вижу, что только усугублю... Ну, бывай, застава...

Он свел руки над головой, сцепил пальцы, как-то хитро вывернул кисти... и, кажется, что-то прошептал.

Такого быстрого и красивого открытия врат я еще никогда не видел!

А самое обидное было то, что врата открылись аккурат между нами – витающий в воздухе двухметровый круг, маслянисто-блестящий, радужный, будто диковинно расплюснутый мыльный пузырь...

Стрелять сквозь врата было бесполезно. С этой, внешней стороны пуля, скорее всего, от ricoшетит или расплывется в лепешку – такое вот свойство у врат...

Через миг врата исчезли, а вместе с ними и «морячок».

– Вот зараза, – сказал я. Но если честно, то с облегчением. Выбери он визит в Корпус – и мне пришлось бы двое суток конвоировать его до ближайшей заставы, каждую секунду опасаясь удара в спину.

А убивать, тем более земляков, я не люблю.

Без уважительной причины, разумеется.

Вначале я вернулся за своим рюкзаком. Потом выпил кофе, который готовил «морячок», собрал палатку, привязал к рюкзаку. У него, как у всякого контрабандиста, рюкзак был увесистый, на самой грани разумного. Конечно же, я заглянул в него.

Батарейки. Полный рюкзак батареек! Всех размеров и форматов. В основном «пальчиковые», но были и «мизинчиковые», и большие цилиндрические для фонариков, квадратные, миниатюрные «таблетки»... Ну да, в Лорее этот товар весьма востребован. А моральные нормы у местных ученых мужей весьма гибкие, контрабанду они не любят только в том случае, если контрабандист идет не к ним, а к конкурентам...

Конечно, мне такая уйма батареек была не нужна. Но не бросать же все! Я прикинул вес – вроде как смогу пронести. Врата у меня получалось

открывать очень средненькие, даже можно сказать – посредственные. Но как-нибудь пройду.

Жалко только, что я не могу сделать это так легко и незатейливо...

Вздохнув, я огляделся, убедился, что врагов поблизости нет, и принялся раздеваться.

Догола.

Глава 1

Если твоя работа связана с частыми отлучками на неопределенное время, то кота или собаку ты не заведешь. Даже с черепахой будут проблемы, впрочем, я не люблю черепах. Остаются только рыбки.

Я постоял секунду в полумраке своей квартиры, глядя, как мигает на стене лампочка сигнализации. Бросил на пол свой рюкзак, рюкзак с трофеями, тюк с одеждой, автомат, свернутую палатку. Помахал руками, восстанавливая кровообращение, и пошел к пульта охраны. Быстро набрал на клавиатуре код. Надпись «тревога» на маленьком дисплее исчезла.

Все, я дома.

В квартире было жарко и душно. Неудивительно – я не был дома три дня, все это время она простояла запертой. Первым делом я спрятал оружие в потайной ящик, затем включил кондиционер, а потом пошел глянуть на аквариум. Все было в порядке – свет горел, автоматическая кормушка помаргивала зеленым огоньком, рыбки преспокойно плавали, креветки-фильтраторы сидели возле фильтра, растопырив сетчатые лапки. Самые флегматичные существа на свете, по сравнению с ними даже ленивцы непозволительно суетливы. Сидят себе на потоке воды, ловят то, что несет течение, забрасывают в рот... Хорошо тем, кто так устроился – сидеть на течении и ждать, что тебе принесет.

Убедившись, что дома все в порядке, я пошел в душ. Благо и раздеваться не надо. Постоял под водой теплой, окатился водой холодной, потом пустил горячую... Намылился душ-гелем с запахом кофе, а потом вымыл голову мятным шампунем. Водичка с меня стекала не то чтобы черная, но ощутимо серая, грязи было столько, что гель не сразу начал мылиться.

После душа я побросал свои вещи в стиралку, включил ее и отправился на кухню. Все три дня в Центруме я тосковал по самой обыкновенной яичнице с помидорами. С этим добром в Центруме проблем нет. Но так уж получилось, что я сразу по прибытии рванул за контрабандистом и гнался за ним трое суток, а яйца и помидоры – не тот продукт, который потащишь с собой в рюкзак. Убегал «морячок» бодро, про «медленно шел» я ему соврал исключительно в воспитательных целях.

Пока тушились помидоры и репчатый лук, я проводил ревизию холодильника, мимоходом включив автоответчик телефона и краем уха прислушиваясь, что он бормочет. Важных звонков не было. Звонили два

приятеля и одна подруга. Все – с привычным в последние годы вопросом: «Тебя опять в командировку угнали?» Звонил робот с телефонной станции, угрожал отключить связь за просроченный двадцатирублевый счет. Может, отключить стационарный телефон? Кому он нужен в эру мобильных? Звонили и бросили трубку несколько чудаков, из числа тех, кто ненавидит разговаривать с автоответчиками... На мобильном было несколько пропущенных звонков от мамы и парочка незнакомых номеров, на которые я вообще перезванивать не собирался.

Я нарезал подсохший и окаменевший в холодильнике хлеб, распарил его в микроволновке и принялся разбивать над сковородой яйца. Автоответчик продолжал бормотать чужими далекими голосами.

– Иван...

А вот этот голос был мне знаком! Я замер с последним неразбитым яйцом в руках.

– Меня зовут Александр... мне кажется, мы с вами знакомы... – человек замялся. – Виделись в... в Центруме. Если ошибся – простите великодушно. Если нет... позвоните мне... когда вернетесь... Есть важный разговор. Мой номер...

Вот те на!

Я машинально разбил над сковородой последнее яйцо, выругался, когда понял, что уронил скорлупу, вытащил ее, накрыл сковороду крышкой. Ну надо же...

Александр был свой человек. Коллега. Пограничник. Начальник.

Более того – он был с нашей заставы и из нашего наряда, один из семи людей, живущих на Земле, а работающих вместе в Центруме.

И самое главное – это он три года назад наткнулся на меня, совершенно обалдевшего от попадания в другой мир. Успокоил, объяснил происходящее, отвел на заставу, уговорил стать пограничником, взял в свою команду.

Не доверять ему у меня не было никаких причин. И разыскать меня он, в общем-то, мог без особых проблем – он знал мое настоящее имя, возраст, день рождения и даже какой институт я закончил. Я тоже мог его найти. Совершенно случайно я знал его фамилию – Бобриков. Достаточно редкая фамилия, чтобы поиск в интернете занял минут пять.

Но это было не принято. В Центруме одна жизнь. На Земле – другая. Не смешивать и не взбалтывать.

Бросив на стол пробковую подставку, я водрузил на нее сковородку, взял вилку и принялся за еду. По времени Центрума это был завтрак, по времени Земли – обед.

Зачем же он мне звонил?

Первая мысль у меня была – «не перезванивать». Нет, не уходить «в несознанку», а при встрече в Центруме посмотреть укоризненно, так, чтобы сам все понял.

А потом я бросил вилку и, даже не убрав тарелку с остатками яичницы, бросился одеваться.

...Бобриков наткнулся на меня часа через два после того, как я впервые открыл портал в Центрум. Я уже успел пройти все положенные новичку стадии – озирался, орал, бегал кругами, щипал себя до синяков (хотя и никогда не думал, что реальный человек может таким способом проверять, не спит ли он), впадал в отчаянье и истерически хохотал. Выбросило меня посреди холмистой степи, на горизонте виднелись невысокие горы, а в километре – небольшая рощица. И все это было наполнено таким пьянящим запахом трав, такой неслыханной чистоты воздухом, что голова кружилась без привычных городских миазмов.

Встретились мы совершенно случайно, хотя Бобриков и пытался потом рассказывать: «было у меня предчувствие» и «чего-то вдруг потянуло пройти через рощицу...» На самом деле он делал обычный обход железки – от стрелки, ведущей к заброшенному руднику в предгорьях Саарнского хребта, и до шестнадцатого пограничного секрета. Места эти были спокойные, зато близко к одной из слабых точек, не проходило и года, чтобы здесь кто-нибудь случайно ни высказывал.

Бобриков увидел следы моих босых ног на глинистом берегу маленького родника (я там пил, дойдя до рощи) и, как он потом рассказывал, сперва решил, что в Центрум попал дикарь. Либо каким-то чудом вынесло из Африки-Азии-Латинской Америки, либо (что в Клондале случалось еще реже) из какого-то примитивного мира. Впрочем, когда Бобриков нашел меня, я уже успел соорудить себе нечто вроде набедренной повязки и обуви. Да, в Центрум я попал голым, но в руках-то у меня было большое банное полотенце. Двумя кусками я обмотал ноги, остатки пустил на символическую набедренную повязку. Когда пограничник меня увидел, я как раз был занят изготовлением дубины – острым камнем обтесывал сучья на здоровенной ветке. И выглядел таким спокойным, что, пока не долбанул камнем по руке и не высказал мирозданию все, что по этому поводу думаю, Бобриков продолжал размышлять, дикарь я или нет.

– Бог в помощь! – окликнули меня со спины. Я подскочил, перехватил дубину поудобнее... и растерянно уставился на старика.

Бобрикову (имя, конечно, я узнал много позже) тогда было под

семьдесят. Сейчас – уже «за». Выглядел он, впрочем, вполне бодро – крепкий, пусть и немолодой дядька, не седой и не лысеющий (потом я узнал, что шевелюра – предмет его особой гордости), в старом брезентовом плаще, с ружьишком за спиной... Старичок-егерь. Или старичок-охотник. В любом случае я готов был его расцеловать – мир вокруг меня, только что казавшийся безлюдной бесконечной степью, внезапно ожил.

Но Бобриков мой порыв уловил и легким движением сбросил с плеча двустволку. Я замер. Старичок-егерь оказался маньяком-убийцей?

– Руки покажи, земляк, – вполне миролюбиво сказал старик. – Дубину народной войны брось, не нужна она тебе. А руки покажи.

Я бросил недоделанную дубину и поднял руки.

– Правое запястье, – уточнил старик.

– Смотри, разве я мешаю? – разозлился я.

Бобриков, стоя метрах в пяти от меня, пристально изучал мою руку. Потом кивнул и забросил ружье на спину.

– Не сердчай, земляк. Места здесь такие... осторожность нужна. Первый раз в Центруме?

– А что это такое? – переспросил я.

– Ну, мир такой, – усмехаясь, ответил старик. – Ты ж вроде молодой, фантастику должен читать...

– Никому я ничего не должен, – пробормотал я, опуская руки. – Может, я неграмотный... Дед, ты хочешь сказать, что это параллельный мир?

– Нет, не параллельный. Центральный, – разъяснил старик. – Параллельные миры – они параллельно один другому, верно? А центральный – он как сердцевина у ромашки. Остальные миры – лепесточками вокруг. Дошло?

– Не верю, – упрямо сказал я.

– А когда в портал сигал – куда ожидал попасть? – усмехнулся дед.

– Какой портал? – заорал я. – Я мылся. В душе. Потом вылез, вытираться стал... и оказался здесь.

Бобриков нахмурился.

– Так не бывает, мил-человек. Портал должен быть. Ты его открыл – случайно. И шагнул в него.

Я снова попытался вспомнить, что же произошло за мгновение до того, как я перенесся из ванной комнаты.

– Я вытирался, – упрямо повторил я. – Потом... потом назад шагнул...

– А, – усмехнулся Бобриков. – Понятно. Зеркальный портал, он же тыловые ворота... ну если совсем уж по-народному – заднепроходное отверстие. Редкая штука, смешная... но случается.

– Слушай, дед, у меня голова кругом идет, – взмолился я. – Ты или стреляй, или объясни по-человечески!

Вместо ответа Бобриков скинул рюкзак, порылся там, достал чистые, но явно ношенные семейные трусы и протянул мне.

– Держи, лишенец. Стираное, не волнуйся.

Мне было не до брезгливости. Я натянул дедовские трусы (чуть маловаты, но, к счастью, Бобриков был крепкий старик), потом принял из его рук металлическую флягу. Глотнул. Как я и подозревал, это оказалась не вода. Совсем не вода!

– Что за... – просипел я, возвращая фляжку.

– Напиток местный. Зря кривишься, не хуже вискаря. Сейчас костерчик разведем, побеседуем...

На костер пошла недоделанная дубина и набранный в роще валежник. Уже потом я узнал, что рощи и леса в Клондале редки, можно сказать – наперечет, и прятаться в зарослях – не лучшая идея. А тогда сидел, разинув рот, и слушал неторопливый рассказ Бобрикова.

– Я – пограничник. Что это такое – объяснять можно долго, а можно и вообще не объяснять, и так все понятно. Мы охраняем проходы между разными мирами. Ловим контрабандистов и случайных нарушителей, вроде тебя.

– И таких много?

– Изрядно. Или ты думаешь, что открыть портал – уникальная способность?

Я пожал плечами.

– Портал, или врата – как тебе больше нравится, штука нехитрая. Их может открыть любой. Это, очевидно, некое неотъемлемое свойство всякого разумного существа. А ведут порталы только в Центр... – он, видимо, подметил выражение моего лица и смиловился: – Ну и обратно. Так что миров-то много, но попасть из любого ты можешь только в один. Центральный. Мы его так и зовем – Центр.

– Но почему про это не знают все? – поразился я. – Если уж любой может открыть портал...

– Ну... есть детали, – признал старик. – У многих людей порталы существуют доли секунды. Или настолько малы, что человек в них пройти не может. Или же условия их возникновения столь вычурны, что никогда в жизни человеческой не случаются. Вот тебе, к примеру, надо раздеться догола, начать вытираться полотенцем... – старик задумался, – нет, полотенце тут ни при чем. Скорее, тебе надо делать движения руками, словно вытираешься. И наверняка что-то еще. Вот этим, мил-человек, ты и

будешь ближайшие дни заниматься – вспоминать, что делал, когда открыл проход в Центр, и пытаться это повторить. Потому что иначе... – он пожал плечами.

– Я останусь тут навсегда? – тихо спросил я.

– Да нет, не останешься, если не захочешь, – поморщился Бобриков. – Отведу я тебя домой. В смысле – на Землю. У меня портал три секунды держится, успеем вдвоем проскочить. Но остаток жизни ты будешь вспоминать про иной мир, где побывал, тосковать, пить горькую и раскаиваться, что решил вернуться. Спорим?

Спорить я не стал.

– Ну или оставайся здесь, – продолжал Бобриков. – Работу найдем. Хотя у нас, в пограничниках, хоть у местных. Тут нормальное отношение к землянам.

– Тут что, своя жизнь есть? – почему-то поразился я. – Люди?

– Люди, – кивнул старик. – Вполне приятные для общения.

– И по-русски говорят, конечно, – съязвил я.

– никоим образом.

Фантастики я читал не слишком много. Но кое-что вспомнилось.

– Тогда, наверное, я чудесным образом изучил их язык, пройдя через ворота?

– Через врата, они же порталы, – поправил старик. – Нет, не угадал. Язык у них свой, корни на слух немного похожи на латинские, но в принципе – ничего общего с земными языками.

– Тогда мне тут ничего не светит, – сказал я. – Туп я к языкам, даже английский толком не выучил.

– Это ты раньше был туп, – ответил старик. – Первые проходы через врата действуют на человека как мощный стимулятор. Двое-три суток ты можешь впитывать знания как губка. Если постараться – через три дня спокойно заговоришь на клондальском. Кстати, когда вернешься на Землю – рекомендую подучить английский... и вообще все, что тебе хотелось выучить, но никак не давалось. Только с умом распорядись этими днями. При каждом новом прохождении эффект слабеет и к пятому-шестому разу сойдет на нет. Так что сам выбирай, что тебе больше в жизни пригодится – кун-фу или умение складывать оригами. Ты кто по профессии-то будешь?

Я помедлил секунду. Бывали ситуации, чаще при общении с женским полом, когда моя профессия «звучала» хорошо. Но тут явно был иной случай...

– Я музыкант.

– Музыкант? – старик посмотрел на меня с состраданием. – Этого

добра тут и своего хватает. Будь ты военный, инженер, врач – мог бы хорошо обустроиться в Центруме. А что за музыкант-то? На скрипке играешь или на фоно?

«Фоно» меня покорило. Было в этом свойском наименовании инструмента что-то насмешливое.

– Такое ощущение, будто других инструментов никто не знает, – буркнул я. Но Бобриков ждал, и я ответил: – Могу и на фортепьяно, дело нехитрое... Барабанщик я.

– Ударник? – уточнил старик.

– Мы себя ударниками не называем, – объяснил я. – Барабанщик.

Старик покачал головой.

– Нет, не годится. Вы у себя в ансамблях как хотите называйтесь, а тут тебя будут ударником звать. Звучит красивее. В рок-группе стучишь?

– Дятел стучит, – я начал злиться.

– Извини, – кивнул старик. – В рок-группе играешь?

– Ну... по-всякому, – уклонился я от ответа. – Вообще-то я литаврист, по образованию. Но могу и на цимбалах, и на барабанах... В группе, конечно, больше на драмзе...

Но мой собеседник уже не слушал. Он ржал, тихонько, по-стариковски, всплескивая руками и подхихикивая, когда воздуха не хватало для полноценного гогота.

– Литаврист и цимбалист! Я тебя увидел когда, решил, ты опытный специалист по выживанию... такую дубину сооружал! А ты... ты барабанную палочку ладил, да?

Я молчал, глядя в костер. Очень хотелось треснуть весельчака по ушам. Без всякой палочки. Так... будто тарелками... Но, во-первых, он был человек пожилой, во-вторых – вроде как спас меня и объясняет что к чему... А в-третьих, у него было ружье. Это, пожалуй, самый убедительный довод против.

– Ты извини, – сказал Бобриков, просмеявшись. – Просто вспомнилось... кто это такой – человек, тусующийся с музыкантами? Ответ – ударник!

– Спасибо, очень смешно, – сказал я. – С месяц этого не слышал.

Бобриков посерьезнел.

– Ладно... не бери в голову. Прости дурака... Тебя как зовут-то?

– Иван.

Он опять рассмеялся.

– Ну надо же... Запомни две вещи. Во-первых, мы не называем своих имен. Никому. Даже друзьям. Понимаешь, почему?

– Чтобы нас не нашли на Земле? – предположил я.

– Верно. Так что между собой пользуемся прозвищами. У меня вот очень оригинальное – Старик. А для других мы – Иваны. Русские мужчины все Иваны, женщины – Маши. Американцы обычно Джоны, хотя встречаются оригиналы... Американки – Мэри. Ну и так далее. Рекомендую так и называться.

– Ничего, что меня так и зовут?

– Повезло, считай, – кивнул Старик. – Привыкать не надо. Ну так что решил, ударник? Могу тебя отправить домой. На запястье только придется татуировку поставить... черную окружность. Не бойся, почти не больно! Это будет означать, что ты случайно побывал в Центруме, тебя вернули домой и ты обещаешь больше сюда не соваться... а если уж и сунешься – то сразу пойдешь сдаваться пограничникам. Если бы я поймал тебя на контрабанде, но ты не сопротивлялся, то на первый раз поставил бы другую татуировку – заштрихованный черный круг. Это означает, что в Центруме ты отныне вне закона и тебя могут убить без суда и следствия.

– А у тебя какой кружок? – спросил я.

Бобриков поднял руку. На коже был черный круг с крестиком внутри.

– Пограничник. Как видишь, случайно побывавший в Центруме может получить значок пограничника. А вот нарушитель – уже никак. Свести эту татуировку невозможно.

– Но тот, кого вы отпустили с пустым кружком, может сам наколоть внутри крест, – заметил я.

– Верно. Но не советую. Эмблема пограничных войск – только первая ступень опознания. Есть еще жесты, – он усмехнулся, – целый язык жестовый, полезная штука в секрете... Есть пароли. Много чего есть, Иван. Ну, так что ты решаешь? Отправить тебя домой?

Я представил себе ресторан, в котором вечером буду сидеть за ударной установкой и стучать по барабанам, пока Гоша поет по заказу пьяных посетителей какой-нибудь чужой хит... И усмехнулся. Нет, не буду я вечером там сидеть. Рок-группа «Угол падения» может искать другого барабанщика.

– Веди меня на свою заставу, дед. С детства мечтал быть пограничником.

– Старик, – поправил меня Бобриков. – Дед – это совсем другой человек... ты его увидишь. А я – Старик.

– И много тут... наших? – поинтересовался я.

– Пограничная стража на девяносто процентов состоит из жителей других миров, в большинстве – землян, – сообщил Бобриков. – В разные

местности Центрума чаще попадают жители из того или иного мира. Здесь, в Клондале, большинство – европейцы и русские. Но люди обычно тусуются со своими. Есть застава австрийская, есть французская, есть польская...

На заставу мы пришли к вечеру – хоть Старик и одолжил мне запасные шерстяные носки, но это была плохая замена обуви. И к этому моменту я уже кое-что понимал о мире, где оказался...

Глава 2

Жил Бобриков в самом центре, в Большом Гнездниковском переулке, месте в московском табеле о рангах весьма почетном. Здесь обитала богема, большей частью кинематографическая (впрочем, тогда в ходу было еще слово «синематограф»), до революции, да и при советской власти квартиры здесь получали люди не случайные, так или иначе заслужившие правительственную любовь. Но и сейчас здесь жить неплохо... особенно если большую часть времени проводишь совсем в ином мире. Удивительно, конечно, как Бобриков сохранил свое жилище в лихие девяностые годы, когда простой народ из центра Москвы расселяли на окраины, превращая старые дома в элитные – для бандитов, депутатов и прочих уважаемых граждан.

Я позвонил в домофон, вошел в чистенький подъезд, вежливо кивнул консьержке – та окинула меня бдительным взглядом, но спрашивать ничего не стала. Поднимаясь на седьмой этаж, подумал, что надо было бы что-то захватить... ну, не торт, наверное... бутылку...

Когда я вышел из лифта, дверь в квартиру Бобрикова уже была открыта. И сам он стоял на пороге, улыбаясь, все такой же седенький, сухощавый, каким я его всегда привык видеть. Только не в охотничьей или туристической одежде, а в мятых брюках, когда-то «выходных», а нынче «домашних», и футболке – веселенькой, молодежной, с какими-то драконами, сцепившимися в схватке.

– Привет, Ударник! – радостно сказал Старик. – Заходи. Ты последний, наши все собрались.

– Наши? – удивился я.

– Наша застава, – пояснил Бобриков. – Ну чего вылупился? Я всех позвал.

– Ну и дела, – только и ответил я, входя.

– Проходи, проходи, не разувайся, у меня все просто... – поторопил меня Бобриков.

Вслед за ним я зашел в просторную, хоть и захламленную старой мебелью гостиную. Меня приветствовали радостными возгласами и смехом.

Здесь действительно была вся наша застава. Все пять человек кроме меня и Бобрикова.

...Застава, куда привел меня Бобриков, располагалась километрах в десяти от Антарии, столицы Клондала. Антария и по земным меркам была городом немаленьким, почти миллион населения, а уж для Центрума – это гигантский мегаполис. Понятное дело, что города не растут из земли будто грибы – и за десять километров от любого земного райцентра ты увидишь дороги, поселки, вынесенные за город склады и заводы, линии электропередач... С Антарией все было иначе. Сухая холмистая равнина – не то степь, не то лесостепь (если воспринимать всерьез редкие чахлые рощицы) – была безлюдна и пустынна. Никаких следов цивилизации не было, пока не начало темнеть – тогда на горизонте, в предгорьях, появились огни.

– Компактно они тут живут, – заметил я.

– Не то слово, – засмеялся Бобриков. – Местность такая! Почва бесплодная, воды мало... так что сельского хозяйства нет и в ближайшее время не предвидится. Прирост населения небольшой, а если уж кто-то решит податься на поиски лучшей жизни, так не огород станет городить, просто уедет.

– Не может большой город существовать в изоляции, – упрямо сказал я. – Нужна инфраструктура. Сколько, ты говорил, там народа? Миллион?

– Почти, – кивнул Бобриков. Шел он легко, быстро, я хоть и моложе его в два раза, но едва успевал. – Плюс-минус сто тысяч. А изоляции у него никакой нет, тут ты прав, сам по себе он бы не выжил.

Я хлопнул ладонью по голым плечам, сгоняя назойливую мошкарку. Та вроде бы не кусалась, но охотно липла к коже, видимо, ей был по вкусу соленый человеческий пот.

– Но тогда откуда-то должны привозить... – начал я. И замолчал – потому что услышал и увидел ответ на свой вопрос.

Прямо по степи неторопливо ползла исполинская серая щетинистая «гусеница». Валили вверх клубы черного дыма, то усиливаясь, то ослабевая. Послышался перестук колес.

– Мать моя... – выдохнул я. – Это же бронепоезд!

– Он самый, – сказал с довольным видом Бобриков. – «Король Атинг», если не ошибаюсь. Был у них в незапамятные времена такой фольклорно-исторический персонаж... или не был, кто его разберет? Что-то вроде нашего Артура, только без круглых столов и Грааля.

«Гусеница» приближалась. Это был самый натуральный бронепоезд,

как в фильмах про первую мировую войну. Серые листы тяжелой брони, заклепки с блюдце величиной, забранный решеткой прожектор впереди, стволы пулеметов и пушек, торчащие во все стороны... Паровоз, тендер, две или три открытых платформы с какими-то грузами – и десяток вагонов с орудиями. Бронепоезд проходил от нас метрах в трехстах. Приближаясь, он дал короткий гудок – вверх ударила струя прозрачного пара. Старик помахал бронепоезду рукой, я тоже невольно поднял руку в приветственном жесте.

А следом за бронепоездом пошли составы. Пять длиннющих составов, уже без всякой брони и пушек, просто грузовые вагоны. Поезда шли, на мой взгляд, до опасного близко друг к другу, но, видимо, так здесь было принято. Замыкал этот странный железнодорожный караван еще один «бронепоезд», только совсем крошечный – паровоз, тендер и один вагон.

– Вот так и снабжают Антарию, – сказал Бобриков. – Тут много веток сходится, везут отовсюду. Это еще не самая оживленная трасса... Ну, пошли!

Мы двинулись вперед и миновали пути – на вид самые обычные, одноколейные, с просмоленными черными шпалами и блестящими отполированными рельсами. Поезда укатили к горам, а мы двинулись под углом к путям, к небольшому холму, на вершине которого темнело каменное строение, обнесенное высоким забором. Была там и сторожевая вышка, только на ней никого не было.

– Застава, – сказал Бобриков. – Шестнадцатая пограничная застава Клондала. Добро пожаловать!

– И много вас тут? – спросил я со скепсисом.

– Ты будешь седьмым, – усмехнулся Бобриков.

– Если буду, – уточнил я.

– Да куда ты денешься, – засмеялся он. – Я тебя насквозь вижу. Будешь ты у нас седьмым, Ударник...

– Ударник! – завопил Дед. – Живой! А-а-а!

Он бросился ко мне и, под всеобщий хохот, буквально повис на шее. Я обернулся на Старика, потом посмотрел на остальных – Ведьму, Кальку, Иван Иваныча, Скрипача. Дед болтался на мне, поджав ноги, чтобы не мешали работать живым грузом.

– Вы чего-то налили ребенку? – поинтересовался я. – С чего такая экспрессия?

– Ну что ты, Ударник, как можно, – возмутилась Ведьма. – Мальчику четырнадцать лет, зачем ему пить алкоголь? У него своей дури много.

Я отцепил от себя дурачащегося Деда, отодвинул на расстояние вытянутой руки и с любопытством на него посмотрел.

– Ты чего, Ударник... – смутился подросток.

– Да прикольно вас всех видеть, – сказал я. – Такими вот... обычными.

Здесь, на нашей обычной Земле, все мы и впрямь выглядели совершенно заурядными. Я всегда гадал, чувствуется ли по мне тот образ жизни, который я веду? Судя по товарищам – ни в малейшей мере.

Деду и впрямь было четырнадцать. И был он совершенно обычным подростком – джинсы, кроссовки, умеренно длинные волосы, какой-то плеер, прицепленный к карману рубашки. Обычное лицо, еще детское, но уже с рождающимися в нем мужскими чертами. Такие подростки могут быть как примерными учениками, гордостью родителей и учителей, так и абсолютными раздолбаями и хулиганами, а то, увы, и бандитами. И то, что Дед с десяти лет ходит порталами в Центр, уже два года как заслужил право на работу в одиночку, а год назад хладнокровно убил человека – пусть даже это был бандит, первым стрелявший в него, – никак на нем не отразилось. Пацан и пацан.

Ведьма и Калька сидели рядышком в одном кресле, достаточно широком, чтобы вместить сухонькую старушку и хрупкую девушку. По сравнению со Стариком Ведьма, конечно, молода. Ей чуть-чуть за шестьдесят. Но у нее такой вид... старушечий. Нет, это не неухоженность, дряблость кожи, неопрятность одежды или седина. Волосы она красит, одевается стильно, за собой следит, кожа у нее гладкая. (И я подозреваю, что дело тут не в дорогих земных кремах, а в кое-какой контрабанде, которую мы обязаны пресекать в Центруме... и уничтожать. В конце концов, вымазать крем из вытяжки желез стеллеровой коровы на собственное лицо – это ведь тоже способ уничтожить контрабанду?) Но что-то в Ведьме вопиет: «Я старуха! Я вредная злая старуха! Хуже, чем Шапокляк! Почти как Гингема!» Таких очень легко представить склочной соседкой, неприятной дальней родственницей или учительницей-мегерой, но никак не доброй старушенцией, нянчащей внуков. Но на самом деле Ведьма не злая. Она и не добрая, конечно. Она обычная. Просто так выглядит.

Калька совсем другая. Ей двадцать с небольшим. Она хрупкая, с по-детски собранными в две короткие косички волосами, у нее светлое чистое лицо с большими наивными глазами. Она даже в Центруме предпочитала ходить в платье, а сейчас на ней было что-то совсем уж вольное, короткое и воздушное. В ответ на ее улыбку хочется немедленно улыбнуться в ответ.

Я думаю, вы понимаете, что хулиганам лучше не сталкиваться с ней

лоб в лоб в темном переулке. И издалека при свете дня ей лучше не угрожать – Калька владеет снайперской винтовкой почти так же хорошо, как и ножом.

– Девчонки, вы, как всегда, неотразимы, – сказал я.

– А ты, как всегда, щедр на комплименты, – усмехнулась Ведьма. Калька промолчала, только улыбнулась.

Мужчины сидели на потертом кожаном диване. Иван Иванович поднял в приветствии руку и улыбнулся. Большого, увы, от этого молодого рыжеволосого парня ожидать не стоило. Иван Иванович – немой. Почему – не знаю. Обычно немота связана с глухотой, но он слышал прекрасно, любил музыку, но на все вопросы отвечал лишь улыбкой и виновато разводил руками. И вообще был умным хорошим парнем, но «с особенностью». Мы с этим свыклись. А вот пойманные им контрабандисты обычно очень нервничали, когда их конвоировали в гробовой тишине... Я пожал Иван Ивановичу руку, потом поздоровался со Скрипачом. Увы, Скрипач моим коллегой не был. Прозвище он получил за поразительное сходство со «скрипачом» Гедеваном Александровичем из классического фильма «Кин-дза-дза». Ну, точнее, с актером Леваном Габриадзе в молодости... Скрипач к своему сходству относился с терпеливой иронией, не обижался на фразу «Скрипач не нужен» и вообще порой был готов процитировать своего экранного двойника.

– Рад тебя видеть, Ударник, – сказал Скрипач.

– Взаимно, – кивнул я. Подумал и плюхнулся рядом с ним. Это явно было место Деда, но пацан благоразумно не стал качать права и занял второе кресло рядом с женщинами.

Стоять остался только Старик. Вид у него был донельзя благодушный, словно у отца большого дружного семейства, неожиданно собравшегося после долгого перерыва.

Впрочем, в какой-то мере так оно и было.

– Я очень рад, что пришел Ударник, – сказал Бобриков. – Я рискнул назначить время встречи, не ожидая его возвращения из Центрума. Но Иван Антонович не подвел моих ожиданий.

Все зашевелились. Скрипач присвистнул. Ведьма улыбнулась. Только Дед, похоже, не понял, что произошло.

– Старик, я бы попросила не называть... – начала Калька.

– Прости, Галина Розанова, спортсменка и просто хорошая девушка, но я вынужден отклонить твою просьбу, – твердо произнес Бобриков. – Давайте снимем маски. Все мы Иваны да Марьи... но среди нас есть настоящий Иван – Иван Антонович Переславский, известный нам как

Ударник. Он музыкант... в прошлой жизни. Играл на ударных инструментах.

Ведьма пожала плечами:

– Все это знают... ну, про профессию... Все что-нибудь да знают.

– Теперь мы будем знать все и всё, – сказал Бобриков. – Продолжу с себя. Бобриков Александр Валерьевич. Ныне на пенсии. Жена умерла, дочь и сын взрослые, живут отдельно. По профессии... – он сделал паузу и улыбнулся, – токарь.

– Чего? – искренне удивился Дед. – Ты – токарь? Старик, ты – токарь?

– Можно подумать, что я сказал «Дед Мороз», – усмехнулся Бобриков. – Токарь я. Детали точил на станке. Некоторые до сих пор у нас над головой летают, знаете ли.

То, что Бобриков работал на космос, Деда с его профессией несколько примирило. Но он все равно смотрел на Старика с искренним удивлением. Дожили... встретить токаря – приключение большее, чем попасть в другой мир!

Хотя скажу честно – в кругу моих друзей-знакомых тоже нечасто встречался пролетариат. И для токаря Бобриков был на удивление начитан и интеллигентен... видимо, и впрямь в СССР в свое время ухитрились вывести некоторое количество «рабочей интеллигенции», после заводской смены читавшей книжки, а не пьющей пиво под игру в домино.

– Кстати, Дед, я советовал бы тебе меньше пропадать в Центруме и все-таки освоить хоть какую-то профессию в нашем мире, – небрежно сказал Бобриков. – Хоть бы и токаря. Пригодится, Рома Дедюлин, воспитанник школы-интерната, состоящий на учете в полиции как склонный к загадочным и длительным побегам.

Дед вскинул голову – и его лицо вдруг стало почти взрослым. Но голос сорвался на тонкий мальчишеский, и это смазало эффект.

– Обязательно это было говорить?

– Да, – твердо сказал Старик. – Обязательно, Рома. То, что у тебя нет родителей и ты воспитываешься в детском доме, никак тебя не компрометирует, уж поверь. Я сам детдомовский, между прочим. А склонность к побегам – тем более, мы-то знаем, куда ты бегаешь. Но в силу обстоятельств, о которых я сейчас расскажу, нам нужно лучше узнать друг друга.

– Куда уж лучше, – хмыкнула Калька.

Или теперь лучше называть ее Галькой?

Бобриков загадочно улыбнулся ей. Потом сказал:

– Лично у меня вызывало удивление, каким образом ребенку удастся

постоянно уходить в Центр. Должен же кто-то беспокоиться по поводу его исчезновений? Пришлось выяснять... Продолжим, Ашот?

Скрипач встал и откашлялся.

– Ашот Саркисян. Бизнесмен... да хрен с этим бизнесом... три фуры есть, в аренде крутятся, грузы возят, мне хватает!

– А говорил – не грузин! – засмеялась Калька.

– Я армянин! – возразил Скрипач. – Что еще сообщить? Был женат, разведен, дочь растет в Тбилиси.

– А говорил – армянин! – совсем развеселилась Калька.

– Дочь в Тбилиси! – огрызнулся Скрипач, садясь. Повернулся ко мне и зачем-то пояснил: – Жена была из грузинских армянок. А я, между прочим, коренной москвич!

– Тише, тише! – поднял руку Бобриков. – Теперь наш Иван Иванович... он же Петр Петрович Хмель.

Видимо сбрасывая внезапное напряжение, захохотали все. То ли от превращения Иван Ивановича в Петра Петровича, то ли от фамилии. И сам «Иван Иванович» улыбнулся.

– Программист, живет с мамой, неженат, – продолжил Бобриков.

Петр Петрович Хмель вежливо раскланялся и сел.

– С такой фамилией и отзываться на банальное «Иван Иванович»! – вздохнула Ведьма. – Нет, друг! Отныне ты Хмель!

Иван-Петр Иванович-Петрович развел руками – «не возражаю».

– А про меня что скажешь? – спросила Ведьма.

– Про тебя ничего, – сокрушенно ответил Бобриков. – Потому и встречу тебя назначал в Центруме, а не как всем остальным... Ну?

– Ирина Игоревна Барина, – сказала Ведьма, помедлив. – Работала в федеральной службе безопасности. В... ну, скажем так – службе наружного наблюдения. На пенсии.

Повисла мертвая тишина. Потом Калька хихикнула и сказала:

– Бабушка... Бабушка-наружка...

– Ребятки, дорогие! – проникновенно сказала Ведьма, даже не отреагировав на Калькину остроту. – Работала! Еще со времен СССР! И это никакого отношения к нам не имеет! Чисто земные дела!

– Точно на пенсии? – подозрительно спросил Скрипач. – Говорят, у вас с работы не уходят...

– Еще как уходят, – фыркнула Ведьма. – Да бросьте вы! Меня иногда и сейчас привлекают, если надо... в особых случаях. Но это земные дела! Повторюсь!

– Я вам верю, Ирина Игоревна, – церемонно сказал Бобриков.

– Спасибо, Александр Валерьевич! – прижав руку к груди, произнесла Ведьма.

Как ни странно, но снятие масок и взаимное представление прервал Дед. Подросток досадливо махнул рукой и сказал:

– Ну ладно, Старик, ты всех нас вычислил, ты вообще жутко умный. Хоть и слесарь.

– Токарь! – строго поправил Бобриков.

– Пусть токарь, я в этом не разбираюсь... – ничуть не смутился Роман. – Ты скажи, зачем ты нас собрал здесь, в Москве? Я, как ты знаешь, из Смоленска на электричках ехал! А ребенку моих лет одному передвигаться между городами очень трудно и опасно!

– Молодец, Дед, юмора не потерял! – одобрила его Ведьма. – Старик, колись! Устами ребенка глаголет истина! Зачем мы здесь?

Бобриков откашлялся.

– Друзья мои... соратники! Я собрал вас здесь...

– Сейчас он скажет, что мы должны спасти мир, – громко, на всю комнату, прошептал мне Скрипач. – Так всегда говорят, я знаю, я в кино видел.

– Мне кажется, ни Центр, ни наш мир в спасении не нуждаются, – так же театрально ответил я.

Бобриков замотал головой.

– Я не о спасении миров, Иван Антонович... Отнюдь! Я о наших шкурах! Спасать надо именно их!

Глава 3

Когда мы поднялись на холм, где стояло здание шестнадцатой заставы, уже совсем стемнело. Только на горизонте светило, все разгораясь, зарево над Антарией. Почему-то чувствовалось, что это не электрический свет. Если бы меня попросили это доказать, я бы только развел руками. Но то ли спектр света был чуть иной, то ли угадывалась в нем какая-то мягкая ровность, непривычная для электричества, – но я был абсолютно уверен, что улицы местных городов освещены не лампами накаливания.

У ворот заставы мои ощущения подтвердились. Здание окружал высокий, метра в два с половиной, деревянный забор, сверху опутанный колючей проволокой. Ворота были непривычно узкие, видимо, ни автомобили, ни повозки внутрь не заезжали. А сбоку от ворот висел маленький колокол с огрызком веревки и фонарь.

Фонарь был простецкий, вроде как кованный, но без всяких украшений. Сугубо утилитарная вещь. А еще он был газовый. Под мутноватым стеклом пряталась широкая трубка, увенчанная сетчатым кружком, на котором плясал язычок яркого белого пламени. Фонарь был щедро засыпан сушеной мошкаррой – видимо, чистили его не слишком часто.

Старик подмигнул мне и несколько раз дернул за веревку. Колокол надтреснуто звякнул. За оградой залаяла собака – надрывно, но опасливо.

– Пограничный пес? – попытался я пошутить.

– Да просто шавка приبلудная, – отмахнулся Старик. – На колокольный звон лает – уже хлеб отработывает. Давно надо колокол поменять.

– Рынду у начальства попросите, – вторично пошутил я. Увы, то ли у Старика было плохо с чувством юмора, то ли он давно не следил за российской жизнью.

– Попросишь у них... Начальство в пограничной страже очень условное, Ударник. Большею частью сами кормимся.

Это не слишком отвечало моим представлениям о пограничной службе, но уточнять я пока не стал. За воротами послышался шум, и недружелюбный женский голос спросил:

– Кого принесло на ночь глядя?

– Меня принесло, Ведьма! – весело откликнулся Старик. – Открывай... я с гостем. Парень скакнул в Центр прямо из душа, без штанов!

– Тогда спешу! – ехидно ответила та, кого называли Ведьмой, и загремели засовы. Я хоть и был в трусах (и обрывках носков), но почувствовал себя голым и жалким.

Ворота приоткрылись, и в узкой щели я увидел ехидную старую каргу. Вот именно так я ее мысленно охарактеризовал, хотя ничего особо зловещего не было ни в лице, ни в одежде. Пожилая женщина сухощавой комплекции, с аккуратной прической, в дорогом спортивном костюме... Разве что здоровенный пистолет в руке мог вызвать опасения. Но честное слово, как раз пистолет был самой милой деталью ее внешности! Удивительный человеческий типаж – «вредная бабка», причем «вредная» у таких начинается с младенчества, а «бабка» – лет с тридцати!

– А что, хорош! – беззастенчиво оглядев меня, сказала Ведьма. Приоткрыла ворота пошире. – Ну, заходи, гость нежданный...

– Я не напрашивался, – буркнул я в ответ. Ноги ныли и кровоточили, мошкара все-таки, похоже, кусалась, и кожа зудела. – Мне ваш централ на фиг не сдался!

– Центрум, – поправила Ведьма. – Централ – он Владимирский, тут просто Центрум... А ты ершистый. Как звать-то?

– Ваней, – ответил я.

– А ты как его назвал? – спросила Ведьма Старика.

– Ударник он.

– Коммунистического труда? – Ведьма снова противно засмеялась.

– Музыкант. На всяких тарелках играет.

С мерзким хихиканьем и каким-то гнусным бормотанием себе под нос Ведьма пошла к зданию заставы. Старик за моей спиной запирает ворота.

– Ну и... – я замялся.

– Стерва? – негромко уточнил Старик. – Да нет, Ударник. Она хорошая. Это ее манера людей проверять – кто и как долго вытерпит.

– Я уж точно недолго!

– Поживем-увидим, – пожал Старик плечами. – Эй, Ведьма! Баньку бы истопила!

– Если пошевелитесь, то успеете помыться, горячая еще! – отозвалась она, не оборачиваясь. – К нам Дед заявился, я его отмывала.

– Тогда поспешим, – обрадовался Старик. – Баня, она с дороги лучше всего!

С этой мудростью я спорить не стал и, с любопытством оглядываясь, пошел вслед за ним по двору. Смотреть особо было нечего – кирпичное здание заставы, не очень большое, приземистое, но при этом двухэтажное, с плоской крышей, из которой торчало несколько печных труб. Из одной

шел дымок. Рядом с домом стояла деревянная вышка, метров шесть-семь высотой, с маленькой крытой площадкой наверху. Вид у нее был совершенно простецкий и затрапезный, такие скорее ожидаешь увидеть где-нибудь в поле, с дремлющим под вышкой стареньким сторожем, чем на пограничной заставе. Никого на вышке не было, а лестница выглядела такой шаткой, что я бы поостерегся лишний раз подниматься. Перед зданием стоял флагшток, на котором вяло обвис грязно-белый флаг. Чуть поодаль – деревянный сарай, рядом небольшая поленница дров, в сторонке, как положено, деревянная баня. Перед баней стояла здоровенная бочка, к которой была прислонена лесенка. Из конуры, устроенной прямо у входа в здание заставы, побрехивал, не высовываясь, пес – но уже потише, видимо решив, что впущенные внутрь временно исключаются из числа врагов.

Баня была правильная. Чистый предбанник, лавки, стол с еще горячим самоваром. Парная человек на шесть, действительно не успевшая остыть, и вода еще была в избытке. Интересно, как они сюда воду таскают, на вершину холма? Неужели ведрами? Старик быстро разделся и, довольно побряхтывая, направился в парную. Я – следом.

Единственное, что смущало, – внутри опять же не оказалось никакого освещения, в парную свет шел через крошечное окошко, выходящее в предбанник, где Старик зажег масляную лампу. Мы сидели на полках, медленно отмокая и расслабляясь. Потом Старик сходил за тазиком, в котором замочил какие-то травы, поддал пару. Я почувствовал, что израненные ноги принялись кровоточить, но решил не обращать на это внимания.

– Ложись, веничком пройдуся, – сказал Старик.

– Спасибо... – искренне ответил я, вытягиваясь на полке.

– Спасибо не отделаешься, второй веник для меня, – усмехнулся мой спаситель. – Ну... держись, Ударник!

Я держался. Парил Старик жестко, но тело отзывалось на взмахи веника с благодарностью. Никогда раньше я не был особым любителем бани. Но и совершать марш-броски по пересеченной местности мне раньше не доводилось...

– Старик, а электричества тут нет? – спросил я. – Не придумали еще?

– Придумали, но нету! – отхаживая меня веником, ответил Старик.

– Это как же?

– А трудно тут с электричеством, Ударник. Видишь ли, тут пластмасса не живет.

– Какая пластмасса?

– Да любая. Поливинилхлорид, полиэтилен, эпоксидка... даже

целлулоид!

– А что, целлулоид – пластмасса? – спросил я. Всплыло в памяти что-то из детства – парень постарше показывает невзрачный кусок пластика и заговорщицки сообщает: «Дымовуху делать будем!»

– Самая первая, образованный ты наш! Чего ж так плохо химию знаешь, вроде не при Фурсенко учился!

– Да у меня с химией всегда было не очень, – признался я.

– Переворачивайся, – велел Старик. – Хозяйство прикрывай ладонью и держись... Не за хозяйство держись, а просто держись, остолоп! Так вот, пластик здесь разлагается за несколько часов. Некая особенность мира Центрум. Ученые мужи ее называют «высокомолекулярной чумой». Насколько мы знаем, началась она больше ста лет тому назад. По всему Центруму начали разлагаться пластики... ну, те, что тут успели изобрести. Время в наших мирах схоже, у них было нечто вроде начала двадцатого века, как раз все экспериментировали с электричеством... и вдруг лишились всей изоляции!

– А резина? – спросил я.

– Природная резина существует, – согласился Старик. – Но ее здесь мало, она очень дорога. Можно, конечно, прокладывать провода без изоляции, пользоваться стеклом, фарфором... есть способы, короче. Но это все сразу лишает электричество главного преимущества – дешевизны и легкости использования. К тому же – что ты будешь делать с электричеством без изоляции? Разве что простейшую лампочку соорудишь. Никаких электронных устройств, никаких печатных плат.

– Да, не повезло ребятам... – согласился я.

– Им больше с другим не повезло, Ударник. У них еще и нефть разложилась.

– Как?

– Точно так же, как пластики. Так что гикнулись все бензиновые двигатели, энергетика... В общем, они сидят на угле и газе. Отсюда и паровозы, и общая... ну, не назову это отсталостью... законсервированность мира. Центрум – царство паровых машин... и в этом они, кстати, неплохо продвинулись!

– И с чего у них это случилось? – спросил я. – Само собой?

– Да нет, основная версия – что это была диверсия из другого мира, – Старик пожал плечами. – Ему даже название придумали, «Очаг», ну, как точка заражения, откуда пошла чума. Но точно никто ничего не знает, если это и диверсия, то никаких завоевателей не появилось. Может, чума и на них перекинулась?

– Хорошо, что до нас не дошла, – озабоченно сказал я.

Старик бросил веник:

– Все, пошли в купель, мочи нет!

Перед вторым заходом мы сделали перерыв и выпили чая. К моему удивлению, это был банальный «Липтон» в пакетиках.

– С Земли таскаем, – пояснил Старик. – Здесь есть свой чай, но дешевле носить с Земли. Вообще, пойми основу основ – многие вещи стоят дешево в одном мире и дорого в другом. Что возникает в такой ситуации?

– Торговля.

– Ха. Торговля бы возникла, будь между мирами нормальные дороги. А если весь товар ты можешь утащить только на своих плечах? И точка твоего выхода в Центрум будет известна лишь приблизительно, а в другой мир из Центрума ты можешь попасть только с помощью проводника из другого мира? Что тогда?

– Мелкая торговля, – хмуро ответил я. – Все собираются на базаре в Центруме и меняются товарами...

– Контрабанда! – наставительно сказал Старик. – В первую очередь возникает контрабанда. Нет, конечно, законы Центрума требуют именно что вести цивилизованную торговлю. На каждой обжитой территории, в каждом городе есть рынки, куда можно принести товар, заплатить местным властям пошлину и торговать. Но пошлина высока! А искушение велико. Поэтому многие пытаются протащить товары через Центрум нелегально. И мы, пограничники, призваны с этим бороться.

– С какой стати? – спросил я. – Нет, ты мне ответь честно, зачем? Какой наш интерес? Как я понял, местные власти не слишком-то сытно вас кормят. А вы на них работаете! Еще и под пули лезете, верно?

– Случается, – кивнул Старик. – Нет, ты молодец, правильные вопросы задаешь... Тебе как ответить – возвышенно или цинично?

– И так, и эдак.

– Тогда вначале возвышенно. Во всем должен быть порядок. Многие вещи, привычные в одном мире, в другом вызовут катастрофу.

– Наркотики?

– Не только. Существуют простые вещи, которые, оказавшись не в том месте, способны разрушить цивилизацию. Например, книги.

Я насмешливо фыркнул.

– О, ты зря, Ударник. Чем может стать Библия или Коран в мире, не знающем понятия Бога? Ладно, оставим теософию... чем может стать «Капитал»? «Майн Кампф»? Теория «оранжевых революций»? Да хотя бы

добрейшее и мирное описание технологии производства пенициллина вместе с образцами грибковых культур...

– А пенициллин-то здесь при чем?

– Представь себе мир, в котором ресурсов мало. Очень мало. Мизерное количество. Самых простых ресурсов – пищи, воды... И в равновесии он существует лишь благодаря неразвитой медицине, высокой детской смертности и прочим печальным вещам. При этом люди там живут добрые, неглупые и любознательные, просто не повезло им с миром. И вдруг в этот мир попадает простая технология борьбы с инфекцией. Восторг! Смертность резко падает. Продолжительность жизни растет.

– И? – спросил я.

– Начинаются войны, голод, каннибализм.

– Ерунда, – сказал я. – Не верю.

– А такой мир есть, – спокойно ответил Старик. – Именно с такой историей. Был бедный, но спокойный мир. Через одно поколение стал еще более бедный, но кровавый. Если хочешь, как-нибудь сводим тебя туда... только надо будет найти проводника из их мира... и хорошенько подготовиться. Опасно там... а началось все с пенициллина... Ладно, пошли, я тоже пропариться хочу.

Здание заставы, похоже, было выстроено на руинах какого-то древнего сооружения. Стены-то были кирпичными, оштукатуренными с небрежностью, которая выглядела почти нарочитой и декоративной (хотя уверен, никто такой целью не задавался). Но кое-где в них вращались остатки старой каменной кладки, из громадных, тщательно пригнанных друг к другу камней. Видимо, руины просто восстановили, используя кирпич, и провели простенький ремонт. Не стали заморачиваться даже какими-нибудь перегородками – все помещение первого этажа представляло собой одну здоровую комнату, примерно десять на пятнадцать метров размерами. Будь потолки повыше, ее можно было гордо назвать «залой», но до потолка я мог дотянуться рукой, встав на цыпочки. Полы были из некрашеного дерева, небольшие окна застеклены на английский манер – с поднимающимися вверх рамами. Несколько дверей, судя по всему, скрывали то ли стенные шкафы, то ли какие-то хозяйственные каморки.

Один угол явно использовался как кухня – там была железная печь, на которой стояли какие-то кастрюли, грубый буфет с посудой, стол и две деревянные лавки. Другой угол служил чем-то вроде спортивного уголка – там лежали гантели, небольшая штанга, шведская стенка. А в центре комнаты располагался очаг, в котором горел огонь, нечто вроде открытого

на все стороны камина с уходящей вверх, в потолок, дымовой трубой. Выглядело это опять-таки стильно, и я заподозрил, что стройку все-таки вел человек с претензией на художественный вкус.

Вокруг очага были разбросаны кресла и диваны – и вот они с обстановкой резко контрастировали. Хорошая старомодная мебель, полированное дерево и потертая темная кожа. В одном кресле сидела Ведьма и читала книжку – я глянул на обложку и понял, что этот язык мне не знаком. Графически буквы походили на латиницу, но все-таки были другими. На диване лежал кто-то мелкий, с головой укутавшийся в одеяла.

– С легким паром, – приветствовала нас Ведьма, не отрываясь от книги. – Еда на плите.

– Спасибо, – сказал я.

– Одежда подошла?

– Тоже спасибо, – кивнул я.

Одежду я обнаружил, когда мы стали выходить из бани. Джинсы моего размера, рубашка, носки, ботинки, белье... Все, что нужно.

– Тебя и впрямь из душа унесло? – спросила Ведьма. – Не во время секса?

– А с чего такой интерес?

Она посмотрела на меня поверх книжки.

– Сугубо прагматический. Способность открывать врата появляется при различных эмоциях. Есть люди, которые открывают врата при испуге, другие – во гневе, третьи – напившись... Случаются и те, кому для этого нужен секс.

– А я так понял, что тут какие-то движения нужны...

Она презрительно фыркнула.

– Движения тоже. И даже слова. Один парень перемещался, напевая свою любимую мелодию. Но ты Старика не слушай, все-таки в основе лежат эмоции. Вспоминай, что с тобой было, когда ты мылся. Настроение, мысли...

– С утра вспоминаю, – я пожал плечами. – Да ничего особенного! Помылся. Вышел из душевой кабинки... у меня даже ванны нет, я вместо нее кабинку хорошую поставил, с гидромассажем... Начал вытираться... шагнул назад... И вот я здесь.

– Плохо, – сказала Ведьма, снова уткнувшись в книгу. – Две трети людей, однажды открывших порталы, никогда больше не сумели повторить этого действия.

– Пошли есть, – толкнул меня в бок Старик. – Что ты ее слушаешь, она любит на нервах поиграть...

– Я просто информирую юношу о реальной ситуации, – отозвалась Ведьма.

Мы сели за стол, Старик наложил мне и себе еды. В общем, более громкого определения она не заслуживала – разваренные овощи с мясом походили бы на рагу, но для этого их стоило готовить минут на сорок меньше.

Но я хотел есть и к мелочам не цеплялся. Тем более что Ведьма обронила, по-прежнему не глядя в нашу сторону:

– Кулинария – не мой конек.

Старик усмехнулся, достал из буфета графин, три рюмки. Наполнил их темной жидкостью. Я уже без содрогания глотнул местного «виски». Ведьма за рюмкой подошла сама, не отрываясь при этом от книги. Хлопнула одним махом, поставила рюмку на стол и двинулась обратно.

– Интересная книжка? – спросил Старик.

– Дамский роман, – уклончиво отозвалась Ведьма. – Он – красавец, герой, клондальский аристократ. Она – пришелица из нашего мира, контрабандистка. Красивая, юная и стервозная. Он ловит ее, но жалеет и отпускает. Она обещает больше не возвращаться. Он начинает тосковать и перемещается в наш мир... далее очень смешно. Ну, для нас смешно. Одно описание гонки на автомобилях чего стоит... Когда у «Мерседеса» взрывается паровой котел...

Старик захохотал.

– Совсем сочинители из ума выжили! Как этот аристократ к нам перемещается – если он из Центрума?

– Любовь проявила в нем уникальные способности, – просто ответила Ведьма.

– Да уж, – фыркнул Старик. И пояснил мне: – Жители Центрума не способны перемещаться в другие миры. Они не открывают порталы, в другой мир их надо проводнику тащить...

– Проводнику?

– Ну, есть люди вроде нас. Могут сами пройти через портал... еще и человека-двух с собой прихватить. А есть сильные проводники, могут провести целую группу, даже машину... хотя это глупо, конечно, в Центр машины тащить. Так вот, те, кто посильней, могут местных в другие миры вытаскивать. Но и это, говорят, непросто. Порталы норовят закрыться раньше времени. Словно местные резиновым жгутом к Центруму привязаны и их обратно тащит...

Он налил нам еще по рюмке и убрал графин.

– Хватит. Хотя... ты не похмельный был, когда сюда попал?

– Пару рюмок накануне выпил, – пожал я плечами. – Мы в ресторане играли, потом хлопнули коньяку, прежде чем расходиться.

– Пару? – уточнил Старик.

– Да. Точно.

– Тогда хватит. С утра будем тебя проверять. Душа у нас нет, но я, так уж и быть, на тебя из ведерка полью, а ты попробуешь все повторить...

Я уныло кивнул. У меня начали появляться серьезные сомнения, что я сумею вернуться домой самостоятельно.

А если меня проведет Старик... готов я к этому? Нет, меня вполне устраивает моя жизнь. Я вообще человек довольный бытием и к авантюрам не склонный, я никогда не мечтал попасть в иной мир и стать каким-нибудь чокнутым рыцарем с волшебным мечом, даже в детстве... Но жить, зная, что рядом есть, на самом деле есть, другие миры! И что где-то во мне скрыт волшебный ключ к этим мирам, ключ, который я однажды случайно нашел – и потерял...

Но какова альтернатива? Остаться жить здесь? В мире без электричества и машин? Служить в непонятной «пограничной страже»? Нет, как-то не хочется...

– Не грусти, Ударник, – Старик почувствовал мое настроение. – Справимся. Не ты первый, не ты последний...

Человек, спавший на диване, зашевелился. Из груды одеял высунулась коротко стриженная мальчишеская голова. Мрачно уставилась на меня. Потом на Старика.

– Привет, Дед! – сказал Старик.

– Угу, – пробормотал мальчишка и снова зарылся в одеяла.

Я удивленно глянул на Старика.

– Ну да, пацан, – кивнул Старик. – Ты на прозвища не ориентируйся. Это у меня оно по делу. А бывает – прямо наоборот.

– Он что, пограничник? – поразился я.

– Ага. Самоучка! – Старик говорил с такой гордостью, будто речь шла о его сыне. – Самостоятельно разобрался, как открывать порталы. Излазил весь Клондал, стал очень известным воришкой в Антарии. Ну, сам понимаешь, вор, который способен мгновенно убежать в другой мир, – хороший вор! Но потом его все-таки поймали. Исхитрились. Должны были бить плетями, отсечь кисть правой руки и отправить в лагерь для перевоспитания малолетних преступников. Но мы его отпросили, взяли на поруки, перевоспитали...

Из одеял донеслось недовольное бурчание.

– Обогрели, накормили, уму-разуму научили! – повысил голос

Старик. – И не бухти там, а то будешь три дня драить всю казарму!

– Мне так показалось, что ваша работа довольно опасна, – осторожно сказал я.

– Есть такое дело, – кивнул Старик.

– Но тогда стоило ли привлекать ребенка...

– А какова альтернатива? – удивился Старик. – Ну отвели бы мы его домой. И что? Он бы опять сюда полез. Для того, чтобы лишиться этого парня способности открывать порталы, требуется нанести ему определенные физические увечья. Я как-то не готов! А так мы за ним приглядываем, воспитываем...

Из-под одеял донеслось что-то явно не на русском.

– Завтра моешь пол в спальне, Дед, – не повышая голоса произнес Старик. – Так вот, Ударник, если уж человек научился ходить в Центр – судьба у него простая. Либо он в контрабандисты подастся, либо в пограничники, либо среди местных осядет. Но такого, чтобы человек вернулся домой и зажил обычной жизнью – не припомню.

– Бывает, – подала голос Ведьма.

– Все бывает, – согласился Старик. – Верю. Но не припомню!

– А кто еще у вас... э... служит? – спросил я.

– Служат собачки, мы службу несем, – веско и явно чужими словами ответил Старик. – Застава у нас небольшая, тихая... Все с Земли. С нашей Земли... более того – из России. Есть еще Калька. Девочка совсем, лет восемнадцать-девятнадцать... ты ее не обижай, Ударник! Она кокетничать любит, но ради всего святого, не сочти это за повод зажать ее в углу!

– Да не бойтесь вы за свою Кальку, я не сексуальный маньяк, – поморщился я.

– Мы не за нее. Мы за тебя боимся, – спокойно сказала Ведьма. – Она... она девочка такая... нежная, воздушная... но что-то, видимо, было у нее в жизни несладкое... Не любит она мужиков. Дразнить любит, а так – нет.

– Понятно, – кивнул я. – Ну, бывает... это нынче как бы даже модно...

– Ты не понял, – покачала головой Ведьма. – Она и женщин не любит. Нас всех она как боевых товарищей терпит. Разве что Деду, поскольку тот мал и глуп, симпатизирует.

Из-под одеяла опять донеслось возмущенное бормотание.

– Понятно, – сказал я. – К Кальке не приставать, относиться с почтением. Что еще?

– Кто еще, – наставительно сказал Старик. – Иван Иванович. Мы тут все Иваны, но у него прозвище такое, поскольку в лицо называть Немым –

неудобно, а спросить не получается. Не говорит он совсем. Но слышит хорошо! И жестами все что хочешь тебе разъяснит.

– Угу, – сказал я задумчиво. – Итак – старик, пожилая женщина, ребенок, чем-то психологически травмированная девушка, немой... пардон, альтернативно говорящий... Кто еще? Негр у нас есть?

Ведьма засмеялась – и засмеялась хорошо, весело и искренне.

– Ударник, а ты мне нравишься! Честное слово! Нет, негра у нас нет, исторически в России негры редкость. У нас есть Скрипач. Ну?

Я пошевелил мозгами. И высказал предположение:

– Грузин?

– Бинго! – воскликнула Ведьма. – Только он говорит, что армянин. Может, и так. В общем, негров в России традиционно заменяют представители других южных народов.

– И вы еще зовете к себе меня! – продолжил я. – Ударника. Человека, тусующегося с музыкантами. В бою – устойчивого, как кол в навозе.

Старик нахмурил лоб, потом поднял большой палец и торжественно сказал:

– Цитируешь сказки «Тысяча и одной ночи»? Молодец!

Я тоже глянул на него с возросшим уважением. Ничто так не сближает людей, как угаданная цитата из книги.

– У вас не застава, господа пограничники, – сказал я. – У вас богадельня. Инвалидная команда.

Ляпнув это, я испугался, что перегнул палку или, как сформулировала бы Шахерезада, «превзошел грань дозволенного и углубился в области запретного».

Старик и впрямь посмотрел на меня неодобрительно. Но Ведьма кивнула и даже отложила книжку.

– Ты прав, конечно. Но инвалид – если уж вспомнить исконные значения слова, – это всего лишь ветеран. Так вот, мы все в той или иной мере ветераны. Даже этот сопливый мальчишка, что от смущения хамит, не высовываясь из-под одеяла, повидал такого, что на Земле мало кому довелось. И нас существование на этой тихой пограничной заставе в ином мире устраивает. Дает нам достаточно адреналина, чтобы почувствовать себя живыми, и в то же время не напрягает сверх меры. У нас иногда появлялись новички, которые через месяц-другой уходили в места поинтереснее. А вот мы остались. Нам... нам нравится, Ударник. Я думаю, ты разберешься, как открывать свой... – она вдруг ехидно усмехнулась, – задний портал. И если захочешь, то уйдешь в другое место. Я тебе назову десяток таких, где у тебя волосы дыбом встанут, а уж приключений будет –

вагон и маленькая тележка. Но я почему-то думаю, что ты останешься с нами. На какой-то обозримый срок.

– Почему это? – спросил я.

– А мы тебе понравились, – усмехнулась Ведьма. – Ладно, хватит болтать. Старик, отведи-ка ты его наверх, в свободную комнату. Я тут пока посижу, с Дедом. Как заснет, сама его в постель отнесу.

Я удивленно поднял бровь.

– Он боится один засыпать, – пояснила Ведьма. – Ну, у всех свои странности, верно?

Глава 4

На стол Бобриков поставил бутылку бренди. Армянский «Арагат», пять звездочек. Не думаю, что он не мог позволить себе купить французский коньяк, – скорее всего, это было дело принципа. За бутылкой последовали семь пузатых коньячных бокалов. Одинаковых, между прочим. Уважаю людей, у которых дома количество одинаковых бокалов превышает шесть единиц!

Ашот придирчиво осмотрел бутылку, понюхал бокал и кивнул, всем своим видом показывая – «правильный напиток».

Ромка тоже оживился, но перед ним Бобриков жестом фокусника водрузил бутылку «Байкала».

– Подумаешь... – начал было подросток.

– Повторяю. Сам с собой или с друзьями – можешь хоть водку пить или траву курить, – сказал Бобриков. – Если дурак совсем. Но при мне ты не будешь ни пить, ни курить. Понял?

Спора не получилось, Ромка тут же притих и стал молча отвинчивать пробку на лимонаде.

Бобриков наплескал всем на палец коньяка, после чего торжественно поднял бокал.

– Итак, друзья, мы собрались по очень серьезному поводу. Предлагаю вначале... Петр Петрович!

Хмель, уже заглотнувший свою порцию, виновато улыбнулся и развел руками.

– За удачу, – сухо предложил Бобриков и выпил. Вытер губы рукавом и продолжил: – Дорогие мои друзья. Мальчики и девочки. Молодые и не очень. Как я уже сказал, нас всех хотят убить...

Он обвел нас внезапно потяжелевшим взглядом. И, повысив голос, рявкнул:

– Кто напортачил? Признавайтесь!

Вопрос был хорошим. Я это так и сказал, только в несколько грубой форме. А потом добавил:

– Александр Валерьевич, не надо изображать из себя крутого служаку, а из нас делать идиотов. Мы не понимаем, в чем дело. Я, лично, не понимаю! Объясни, а уже потом спрашивай.

Галя одобрительно кивнула, Ашот добавил:

– Ты, прежде чем задавать вопросы, которые сам не понимаешь, с

народом посоветуйся. А то из-за того, что ты нами командуешь в Центруме, ты и здесь начал кричать. Не надо! Это неуважение. Мы все взрослые люди... ну, почти все. Состоявшиеся в жизни, воспитанные... Ты объясни!

– Объясняю, – мрачно сказал Бобриков. – Помните главу Комитета по пограничной страже?

– Советник Гольм? – уточнила Барина. – Тот бородатый дядька, местный, которого ты однажды спас?

Бобриков кивнул.

– Он самый. Три дня назад, когда Ударник ускакал в горы за нарушителем, он вызвал меня в Антарию. Ну, кое-кто из вас помнит...

– Меня не было, я у друга на свадьбе был, – быстро вставил Ашот.

– А я к экзаменам готовлюсь, – тоскливо сказал Ромка.

Остальные, очевидно, были на заставе, потому что больше уточнений не последовало.

– Я полагал, это какая-то обычная бодяга, – продолжал Бобриков. – Ну... какой-нибудь смотр пограничников... или палата лордов выпустила дурацкий циркуляр, который надо довести до всех застав... В общем, дурного не ждал. Но Гольм меня встретил... странно. Во-первых, я даже не доехал до министерства. Меня высадили рядом, в городском парке, там меня советник и ждал. Во-вторых, дело было не в циркуляре... Гольм показал мне бумагу, пришедшую из штаба пограничной стражи.

– Главного штаба? – уточнила Барина. – Всепланетного? А он что, всерьез командует пограничными войсками на территориях?

Ее реплика слегка развеяла всеобщую оторопь. Действительно, хотя пограничная стража и считалась всепланетной... «центрумной», но де-факто на каждой территории действовала сама по себе. Общий устав, конечно, был, но везде имел свои особенности. К примеру, в Клондале, территории крепкой и организованной почти как нормальное земное государство, мы были подотчетны палате лордов и Министерству иных миров, где как раз и трудился господин Гольм. А вот где-нибудь на Лорее пограничники существовали обособленно и действительно подчинялись только уставу. Штаб Корпуса пограничной стражи, рассылающий свои директивы, рекомендации и указания, это прекрасно понимал – и, по общему мнению, служил скорее красивой декоративной ширмой, чем органом реальной власти.

– Да, из Главного штаба, – подтвердил Бобриков. – И это была не обычная писулька – «крепите боевую выучку!» Это был приказ... точнее, очень жесткое требование: арестовать нашу заставу и отправить в Главный штаб, «всеми доступными способами лишив возможности перемещения из

мира в мир».

Галька залиvistо рассмеялась. Зная, каким образом она открывает свои порталы, я понимал, что возможность лишиться своего умения она всерьез не рассматривала. Но вот Ромка насупился и помрачнел, а Ашот на глазах стал багроветь.

– Лишить? – воскликнул он. – Всеми способами? Да я их самих... всеми способами!

– Гольм, – не реагируя на реплику Ашота, продолжал Бобриков, – все-таки оказался настоящим мужиком. Зря я на него сердился за ту историю с патрулированием в предгорьях... Он поговорил с министром по Иным Мирам, высказал удивление всей этой историей... в общем – настроил того против Главного штаба. В палате лордов Гольм просто не стал поднимать вопрос... «до уточнения ситуации». Они вместе с министром написали запрос в Корпус... ну, я полагаю, министр просто подмахнул письмо. Я прочитал копию... такой шедевр бюрократической переписки... ни в чем прямо не отказано, но со ссылкой на законы, прецеденты и постановления требуют от штаба уточнений, заверений в почтении, самых главных печатей и подписей. В общем – пока ответа не будет, нам ничего не грозит. Письмо Гольм отправил уже после встречи со мной. Не срочной почтой, «в связи с особой секретностью и деликатностью поднимаемых вопросов», а дипломатической, которая идет в два раза медленнее. Даже если штаб ответит немедленно, у нас есть как минимум неделя, а скорее всего – десять дней.

– А когда ответит, то что? – спросила Баринова.

– Тогда нас арестуют, любыми способами лишат возможности открывать проходы и отправят в штаб, – любезно сообщил Бобриков. – Гольм очень извинялся, но это все, что он смог сделать, – дать нам время. Клондал не станет ссориться с главным штабом пограничников. Во всяком случае, без серьезных оснований.

– Мы несерьезные? – спросил Ашот возмущенно.

– Нет, – Бобриков покачал головой. – Вот если бы мы случайно спасли лорда-протектора Данвила, а не советника Гольма, – Клондал послал бы весь Корпус куда подальше.

Галя прищурилась и сладко потянулась:

– Данвила? Я бы его с удовольствием спасла... Но не припомню ситуацию, когда он нуждался бы в спасении.

Лорд-протектор Данвил, фактический глава Клондала (вдовствующая королева и ее дочь, по малолетству ни на что пока не претендующая, исполняли сугубо декоративные функции), и впрямь был видный мужчина.

Ему было хорошо за пятьдесят, но Галине, похоже, именно такие и нравились – немолодые, мужественные, с благородной сединой в висках и твердым холодным взглядом. Впрочем, такие нравятся всем женщинам. Природные инстинкты сразу им подсказывают, что такой матерый самец – хороший добытчик и защитник. Ну а все остальные мужские функции всегда можно переложить на советников и секретарей (обычно матерые самцы к этому относятся с пониманием – лишь бы жены не слишком афишировали свои интрижки, а детей рожали от законного мужа).

– Увы, таких покровителей у нас нет, – сказал я. – Так что будем делать, начальник?

– Не высовываться! – пожал плечами, предложил Скрипач. – Пусть сюда приходят, арестовывают!

– И впрямь, – поддержала его Барина. – Что они нам сделают на Земле? Ничего. Даже если найдут... там – свои игры, здесь – свои. Напугали... – Она рассмеялась и обвела нас взглядом. Но взгляд почему-то был невеселый. – Верно? А? Что насупились?

– Неверно! – неожиданно встрял Рома. Я заметил, что пацан уже выдул весь лимонад – и когда только успел? – Вам, может, и здесь хорошо. Вы взрослые... и вообще. А я тут жить не смогу. Мне в Центруме нравится. Вы извините, конечно, но если что – так я в Центрум, на поезд и куда-нибудь в Лорею. Или в Краймар.

Он секунду помолчал, потом, застенчиво улыбнувшись, добавил:

– Извините...

– Да никто из нас не откажется от путешествий в Центрум, – сказала Галя. – Ирина, ты же это прекрасно понимаешь, да?

– Мне было важно, чтобы вы сами поняли, – ответила Барина. – Не откажемся, верно. Тогда что... сменим дислокацию? Из Москвы нас обычно выносит в Клондал, в окрестности Антарии. Что ж! Давайте уедем. Родину менять не предлагаю. Но с Дальнего Востока нас будет выносить в Аламею, из Калининграда – в Краймар. Что нам больше нравится? Патриархальная уютная Аламея? Или краймарская плутократия?

– А я бы в Лорею отправился, Роман прав, – неожиданно сказал Ашот. – Я там один раз был – интересно.

– Был? – заинтересовался Ромка. – Как?

– Вынесло из Москвы, – Ашот пожал плечами. – Сам знаешь, всяко бывает. Красиво... на Кавказ похоже.

– Чтобы постоянно ходить в Лорею, надо поселиться во Франции или Италии, – негромко сказал Бобриков. – Что уже усложняет переезд. Но... допустим. Разорвем все связи, уедем в другой город или другую страну...

Раздался выразительный вздох. Хмель взялся обеими руками за свое горло и изобразил попытку удушения. Грустно покачал головой. Стал изображать, что рвет на себе волосы. Покачал на руках что-то невидимое.

– Маму не можешь оставить? – спросил Бобриков.

Петр Петрович кивнул.

– А я как? – воскликнул Роман. – Вам хорошо, вы взрослые! А я нет! И вообще никаких прав не имею, я детдомовский!

– Я тебя усыновлю, – фыркнула Барина и притянула Ромку к себе. – Давно пора заняться твоим воспитанием.

– Помогите! На меня напала женщина-маньяк! – радостно завопил Роман. – Пристает к ребенку!

– Тихо, – сказал Бобриков. – Развеселились... Без Центрума мы прожить не сможем, это факт. Это наша жизнь. А уехать – не выход. Если нас ищет штаб пограничной стражи – то искать будут везде. Найдут и в Лорее, и в Аламее... Невелики мы птицы, чтобы нас не выдали. Если бы не Гольм – уже везли бы в штаб...

– Согласна, – сказала Барина. – Не о том думаем. Мы не можем без Центрума, а пограничная стража найдет нас на любой территории. Тем более, если мы пустимся в бега... в США это считается признанием вины, слышали? Надо думать о том, в чем вообще нас обвиняют. Мы – самая обычная... нет, не так! Мы очень скромная и тихая застава, за которой не числится ни великих подвигов, ни больших провалов. Сидим себе возле столицы, раз в месяц нарушителей ловим. Давайте-ка подумаем, кому и как мы перешли дорогу.

Вначале засмеялся Ашот. Потом я. Потом Галина. Уж очень странным было предположение, что мы встали кому-то поперек пути. Только Ромка хмурился, а Хмель улыбался в своей обычной манере.

– Давайте попробуем, – поддержал ее Бобриков. – Начну с себя. За последние три года я привлек в пограничную стражу одного человека – Ударника. Замечаний по этому поводу вроде бы ни у кого нет... Два года назад совершенно случайно спас советника Гольма. Приятный, тихий человек, семьянин и гурман. Ни с кем, на мой взгляд, не конфликтует. Задержал пять нарушителей. Трое зарегистрировались как вольные торговцы, я проверил – с ними все в порядке, периодически появляются в Центруме, товары продают на официальных рынках. Один так и не смог понять, как открыл проход. Получил значок случайного нарушителя, был лично мной отправлен домой в Коломну. Рыдал и просил не выгонять, но остаться навсегда побоялся... Еще одна женщина с Украины не смогла вспомнить, как открыла портал, но с удовольствием осталась в Антарии. У

нее сейчас чудесный салон «Ласки иноземья» в нижнем городе... Никому в Центруме я вреда не причинял, с властями не конфликтовал, отчеты сдавал в срок. Все.

Бобриков развел руками.

– Хмель, ты за собой какую-нибудь промашку знаешь? – спросила Баринаова. – Задержал кого-нибудь, кого не надо было... застрелил без вины... лорда-протектора матом обругал?

Хмель прижал правую руку к сердцу и замотал головой так отчаянно, будто проверял шею на прочность.

– Галя? – Баринаова как-то незаметно взяла на себя ведение расспросов. Или лучше сказать «допросов»? – За последнее время... ну, год-два... было что-то необычное?

Некоторое время девушка размышляла.

– В перестрелке с бандой Хромого уложила двоих, – сказала она наконец. – Считается?

Баринаова покачала головой.

– Клеился ко мне в Антарии какой-то аристократический хлыщ. Я с ним поиграла, – она усмехнулась, – потом велела убираться.

Ашот цокнул языком:

– Нехорошо, конечно... Но неподсудно, да?

– Нас не власти Клондала преследуют, – заметил Бобриков. – Так что... вряд ли.

– А ты, Ашот? – спросила Баринаова.

– За три года – четырех нарушителей... ну... – Ашот замялся. Я его понимал. В Центруме это слово произносилось гораздо легче... – Застрелил. Вроде как всех за дело, в бою.

– Да ты у нас серийный убийца, – ехидно сказала Баринаова. – Я вот никого ни разу не убила.

– Ты и в дозоры ходишь нечасто, – всерьез отпарировал Ашот. – Взятки не брал, начальство не ругал, контрабанду... ну, можно сказать, всю сдавал властям.

Баринаова улыбнулась:

– То, что процентов десять-пятнадцать контрабанды оседает у пограничников – ни для кого не новость. Нас поэтому почти и не финансируют... Ударник?

– Я убил двоих, – сказал я. – В перестрелках. Один был контрабандист с грузом, второй без груза, но и он в меня стрелять первый начал...

– Это два месяца назад? – уточнил Бобриков. – Тот придурок у железки? Помню... А тот, за которым ты три дня назад ушел в горы?

– Обычный контрабандист. Тащил в Лорею батарейки. Ушел, у него портал быстрый и большой... он им прикрылся от выстрелов и...

Бобриков кивнул. И уставился на Романа. Тот крутил в руках бокал.

– Ромочка, мальчик мой... – сладким голосом сказала Барина. – Ты не шалил последнее время?

Парнишка вскинул голову, испуганно посмотрел на нее.

– Ну, колись! – велела Барина. – Мы же видим, у тебя совесть нечиста.

– Я... – Роман опустил голову. – Ну... это случайно вышло...

– Рома, рассказывай, – сочувственно сказал Ашот. – Мы все молодыми были, понимаем, порой глупишь в эти годы...

Роман сглотнул.

– Я... на рынке неделю назад...

– Ну? – чуть повысила голос Барина.

– Спер у одного лоха десять золотых талеров. Ну... он сам виноват... кошелек из кармана торчал, а там толчея была...

Парень замолчал. Все мы прекрасно помнили, что в свое время, ребенком попав в Клондал, он там неплохо обжился и стал искусным карманником.

– Деньги были в бумажнике? – спросила Барина. – Или в кошельке?

– А какая разница? – спросил Рома, не поднимая головы.

– Принципиальная! В бумажнике еще бывают бумаги.

– Нет... кошелек такой... парчовый, пижонский... только монеты. Я десятку вынул, а кошелек ему обратно в карман сунул, – Роман поднял голову и с внезапной отчаянной гордостью сказал: – Да дядька богатый, из купцов, которые зерном торгуют... ему эта десятка – раз плюнуть, а мне надо было...

– Что надо? – возмутился Бобриков. – Ты был голоден? Бос и гол?

– Мне подарок надо было девчонке! – отчаянно сказал Роман. – А там колечко продавалась шикарное, с переливчатым жемчугом, на Земле такого нет! Всего за десять золотых, а ему цена пятнадцать! Я даже из кошелька не все взял, он полный был, я только десять монет... этот мужик, может быть, даже не заметил!

Бобриков откашлялся. Потом сказал:

– Ну, Рома... ты, конечно, дундук. Нужны были деньги на подарок девочке – это святое. Сказал бы, мы бы тебе выдали финансы.

– Кольцо бы ушло, – хмуро сказал Роман. – Переливчатый жемчуг – он и в Центруме редкий...

– За кражу десятки его могла бы искать полиция Клондала, – сказала

Баринова. – Но уж никак не Пограничный корпус. Рома, ты меня ужасно расстроил, но вряд ли дело в тебе... Так что у нас выходит? Никто ничего ужасного не совершал? Не выдавал тайных планов пограничников, не работал на контрабандистов? Ну?

Все молчали.

– Тогда я ничего не понимаю, – резюмировала Баринова. – Чушь какая-то. Привязались к бедным скромным пограничникам. Ни за что ни про что.

Бобриков вздохнул и снова налил всем коньяка. Роману хмуро сказал:

– Загляни в холодильник, там еще лимонад есть.

Парень шмыгнул носом. Встал и двинулся на кухню, в дверях остановился и спросил:

– Вы меня не прогоните?

– Я тебя выпорю, – пообещал Бобриков. – Лично. Мозолистой пролетарской рукой. Если еще раз случится что-то подобное. Все, проехали, закрыли тему... Купца того потом найдешь и отдашь десятку. Не знаю, как. Хоть в карман подбросишь, раз такой ловкий... Ну, что делать будем, коллеги?

– А у нас выбор небольшой, – сказала Баринова. – Не ходить в Центр мы не можем. Это наша жизнь. Прятаться – глупо и бесполезно. Так что надо ехать в штаб, добровольно, и выяснять, в чем наша вина. Ну и оправдываться, когда выясним.

– Это если есть вина, – мудро заметил Ашот. – А если нет? Знаешь, так бывает...

– Так не бывает, – твердо сказала Баринова. – Всегда и за всеми есть какая-то вина. Ты уж мне поверь, я жизнь знаю хорошо и с разных сторон. Что-то где-то когда-то мы сделали неправильно. И, похоже, все мы – иначе с чего всю заставу потребовали для допроса? Надо поехать. Самим, добровольно. Раз у нас есть неделя, спасибо господину советнику, мы как раз успеем добраться до штаба. Явимся сами, сразу к нам будет другое отношение. Выясним, что и как. Еще и извинятся.

Ашот заерзал на стуле. Ему явно не нравилось предложение.

– А может, там у кого-то крыша поехала? – спросил он. – Завелся в штабе параноик вроде Сталина, начал зачищать всех налево и направо...

– Сталина не трогай, – холодно сказала Баринова. – Это только в бреднях наших журналистов он без причины народ расстреливал.

– У меня прадедушка в лагере сидел! – возмутился Ашот.

– Значит, виноват был, – спокойно сказала Баринова. – Дашнакам сочувствовал.

– Он директор швейной фабрики был! – возмутился Ашот.

– Значит, воровал, – пожала плечами Баринава.

Ашот вскочил и что-то темпераментно произнес... наверное, по-армянски.

Баринава надменно посмотрела на него и сказала что-то на незнакомом мне языке.

Ашот побагровел.

Я глянул на Галю – та отвернулась и явно старалась не вслушиваться. Воздух перед ней начал мутнеть, будто откуда-то подтекали струйки дыма...

– А ну молчать! – рявкнул Бобриков. – С ума посходили! Сталин, дедушка, армянские басмачи... Вы в каком веке живете?

Наступила неловкая тишина.

– Ты извини, Скрипач... – Баринава вздохнула. – Ну ведьма я по натуре, куда деться. Извини.

– Ты тоже извини, – пробормотал Ашот. – Да, прадедушка вагон ситца украл, мне бабушка рассказывала, но зачем же сразу сажать... Ай, ну их всех!

Из кухни осторожно появился Роман с бутылкой лимонада в руках. Спросил:

– Кончили ругаться?

– Да, – сказала Баринава. – Извини, я виновата.

Рома молча кивнул и уселся на свое место.

– Ну так что? – спросил Бобриков. – Отправляемся в Центр? Все свободны, все могут? Я – могу.

– Я всегда могу, – усмехнулся Роман.

– Только позвоню сейчас сестре, – сказала Баринава. – И готова.

Она достала мобильник и вышла в коридор.

Ашот вздохнул, почесал затылок:

– Вечером, ладно? Дела!

– Я готова, – сообщила Галя.

Хмель поднял руку и покачал головой. Потом показал на часы – и растопырил пять пальцев.

– Хорошо, тебя ждем вечером, – кивнул Бобриков. – Встречаемся на заставе.

Я подумал секунду. Надо бы заплатить за квартиру, подсыпать рыбкам корма, позвонить родителям...

– Тоже вечером приду, – решил я.

– Тянуть не будем, – решил Бобриков. – Кто откроет портал на троих? Мне тяжело.

– Я открою, – сказала Галя. Потерла щеки ладонями, нахмурилась. – Ашот... давай ты!

– Чего давай? – спросил Ашот. – Дура малолетняя, стерва бешеная. Давать – твоя обязанность, поняла, давалка?

С легким хлопком перед Галей возникло окошко портала. Он у нее не очень большой, зато стабильный – легко держится полминуты.

– Спасибо, Ашот, – сказала Галя. – У тебя талант. Ты, кажется, еще ни разу не повторился.

Первым в портал юркнул Роман, за ним шагнул Бобриков – на секунду обернувшийся ко мне и попросивший:

– Ударник, свет выключи, плиту проверь, дверь захлопни. Хорошо?

– И коньяк допей, – фыркнула вернувшаяся Барина, перед тем как пригнувшись пройти в портал.

– Пока, мальчики, – сказала Галя и шагнула следом.

Портал, как и полагается, исчез после прохода проводника.

Хмель церемонно кивнул головой, потом пожал нам с Ашотом руки и направился в прихожую. Хлопнула дверь.

Мы остались в квартире нашего командира вдвоем.

– Какая девушка, – сказал Ашот печально. – Ах, какая девушка... почему я ей не нравлюсь?

– Ей никто не нравится, – ответил я. – К сожалению.

Ашот молча налил нам коньяка, вздохнул:

– Я к ней и так, и эдак... А все что слышу – «ругаешься хорошо». Да разве это хитрое дело – выругаться? Ну скажи, Ударник?

– У меня не всегда получается, Скрипач, – признался я.

Мы выпили. Ашот поставил бокал и шепотом произнес:

– А коньяк... так себе. Не очень настоящий. Я вообще больше тутовую водку люблю, знаешь, какую у нас в Армении делают? Замечательная водка! Как лекарство!

Я встал и сгреб бокалы.

– Давай приберемся, Скрипач. Надо дела сделать и к нашим отправляться.

Глава 5

– Может, ты душ в руке держал? – спросил Старик.

– Нет, у меня кабинка, там сверху льется, – уныло ответил я.

Старик вздохнул.

– Давай еще попробуем.

Я покорно встал к стене. Старик, стоя на табуретке, начал поливать меня из садовой лейки. Что поделать, нормального душа на заставе не было.

– Не холодно? – спросил он.

– Нет, я такой водой и моюсь, люблю холодную... – ответил я, ежась. – Но спасибо за беспокойство.

– Это не беспокойство, Ударник! Это попытка повторить условия, при которых ты открыл проход!

Старик был в одних сатиновых семейных трусах. Я – вообще голый. Голый, мокрый и замерзший.

– Потом я вышел, – сказал я, делая шаг. – Взял полотенце, вытерся... вот так...

Старик смотрел на меня сверху вниз.

– Не получается, – признал я, опуская полотенце.

– А полотенце правильное? Не слишком шершавое?

– Нет, само то...

– У тебя сплошные «нет», – буркнул Старик. – А нам нужно «да». Ну что-то же еще было? Может, ты... хм... возбудился в душе? Или задницу почесал? Тут же очень тонкая комбинация факторов должна совпасть...

– Я на шампунь не возбуждаюсь, – огрызнулся я. – И не чешусь как бабуин.

– Но что-то ведь еще было, – задумчиво сказал Старик и аккуратно слез с табуретки. Поставил лейку на пол, почесал кончик носа. – Думай, вспоминай. Иначе не судьба тебе гулять между мирами.

– Ну... – начал я. И замолчал.

– Вспомнил что-то? – оживился Старик.

– Да, пожалуй, – осторожно сказал я. – Да. Ты хотел услышать «да»? Вот, целых три.

– Показывай! – взмахнул рукой Старик.

Я покачал головой.

– Нет. Не хочу. Ты говорил, что у меня несколько дней после перехода

будет ускоренная обучаемость?

Старик кивнул.

– Тогда отведи меня в город, – попросил я. – И пристрой на эти дни к какому-нибудь учителю клондальского языка. Зачем терять время?

Старик просиял.

– А ты молодец, Ударник. Так и надо. Я бы тебе сам предложил зря не тратить время... но ты молодец!

В это мгновение дверь бани скрипнула. Я повернул голову, ожидая увидеть Ведьму или Деда – честно говоря, ни вредная старуха, ни мелкий пацан меня бы не смутили.

Но в баню заглянула симпатичная светловолосая девушка в пятнистом, песочного цвета комбинезоне. Достаточно взрослая, чтобы на нее можно было заглядываться, но еще слишком юная, чтобы от взглядов переходить к чему-то серьезному.

Я мгновенно осознал, что я голый и мокрый. Впрочем, прикрываться в такой ситуации было бы еще глупее – поэтому я просто стоял.

– Новичок? – спросила девушка. Беззастенчиво меня осмотрела. – Какой-то хилый нынче новичок пошел. Интеллигент, поди? В армии не служил, спортом не занимается...

– Домой спешишь, Калька? – посмеиваясь, спросил Старик.

– Спешу, – кивнула девушка. И презрительно поморщилась, глядя на меня. – Господи, хоть бы одного нормального мужика к нам занесло, а то все какая-то бледная немочь...

– Девочка, ты хамка или просто дура? – не выдержал я. – И выйди отсюда, нечего пялиться, за мужской стриптиз положено деньги платить!

– Можно подумать, на тебя часто смотрят женщины, – фыркнула Калька.

– Зато на тебя мужики должны заглядываться, многим нравятся молоденькие дуры! – я завелся и начал хамить.

С легким хлопком между мной и Калькой возникло окошко портала.

– Спасибо, друг! – весело сказала девушка и шагнула в портал. – Извини, спешу...

Портал исчез.

Старик тихонько засмеялся.

– Не обижайся на нее, Ударник. Калька открывает портал только после того, как ей нагрубят. Вот такая у нее особенность... психологи, наверное, многое бы об этом сказали.

– Всегда готов оказать ей эту услугу, – пробормотал я, вытираясь досуха и натягивая белье. – Попросить, что ли, не могла?

– Могла, наверное, – кивнул Старик. – Но она такая. Любит мужикам нахамить. Ты на нее не сердись. Как я понимаю, у нее было трудное детство. Не хочу в ее дела лезть, но... В общем, не обижайся.

– И впрямь богадельня какая-то... – сказал я. – Ладно, не буду обижаться. У тебя, надеюсь, нет тяжелых психологических комплексов?

– Никаких, – покачал головой Старик. – Абсолютно.

Ехидная девушка со странным прозвищем Калька, как выяснилось, вернулась с патрулирования. Ведьме она доложила, что ни контрабандистов, ни случайных нарушителей, вроде меня, не встретила, после чего и отправилась домой – используя меня в качестве условного раздражителя. Пока мы экспериментировали в бане, исчез и Дед – видимо, для него открытие портала проблем не составляло.

Мы еще раз перекусили – время близилось к обеду, а до города было не близко, после чего тронулись в путь. К моему удивлению – в противоположную Антарии сторону. Небо затянули легкие облачка, смягчив солнечный свет, и идти было легко.

– По железке быстрее, – пояснил Старик. – А движение там бойкое. Даже если придется подождать, то проголосуем, сядем...

– Проголосуем? – не понял я.

– Машин тут нет, – пожал плечами Старик. – Практически нет. Газогенераторные двигатели существуют, но это скорее экзотика, чем обычная практика. Так что на большие расстояния – поезда, на маленькие – телеги, кареты, верховые лошади. Они тут вполне обычные.

– А есть необычные животные? – заинтересовался я.

– Да, – коротко ответил Старик. – Немного.

– И местные поезда останавливаются по взмаху руки?

Старик хитро посмотрел на меня.

– Не всякой руки, Ударник. Не всякой. Но пограничников железнодорожники уважают. Мы с ними... ну, как государства в государстве. И поэтому друг другу помогаем.

Мы вышли к железке вовремя, ждать не пришлось: на горизонте появился дымок. Старик приложил ко лбу ладонь, долго всматривался. Потом достал маленький потертый бинокль, что явно оказалось эффективнее. Бинокль выглядел старомодно – из желтого сплава, вроде латуни, с белыми костяными верньерами, но, похоже, был наш, земной.

– Ага, товарняк, маленький, – удовлетворенно сказал Старик. – Подберут. Бронепоезд мог бы и не остановиться, такую махину стараются по пустякам не тормозить...

Мы стояли в паре метров от невысокой железнодорожной насыпи, Старик держал поднятой правую руку, попутно поясняя мне:

– Если крутить рукой по кругу – поезд точно остановится. Это сигнал экстренной остановки, если пути повреждены или засада впереди... Но за ложную тревогу не похвалят. Можно двигать рукой вверх-вниз – это просьба сбавить ход. Ну а просто поднятая рука – просьба остановиться и подобрать.

Поезд и впрямь был маленький. Паровоз, толкающий перед собой платформу, закрытую с боков и спереди стальными щитами, сквозь амбразуры в которых торчали толстые пулеметные стволы, подозрительно напоминающие древний максим. За поездом – пяток таких же платформ, только не с оружием, а груженных лесом. Обычный товарняк, везущий лес, во мне вызывает печаль – грубо сложенные, топорщащиеся сорванной корой и грубо спиленными ветвями стволы деревьев похожи на мертвые тела. Не то чтобы я безумный эколог или активист «Гринпис», но есть в той небрежности, с которой человек сводит с лица Земли лес, что-то постыдное и тревожное.

Здесь все было иначе. Каждый ствол на платформе был аккуратно закреплен, тщательно отчищен от веток, все деревья были как на подбор – большие, ровные. Слово «пиломатериалы» к ним не годилось, скорее уж «строевой лес» или даже «корабельный».

– Плохо в Центруме с деревом? – спросил я.

– Плоховато, – признал Старик. – Экология у них поплыла после распада, где больше, где меньше...

Поезд начал тормозить. Несколько раз прогудел паровоз, выпуская облака пара. Заскрипели тормозные колодки. То ли нам просто повезло, то ли машинист был настоящим профи – но поезд остановился, не доехав до нас метра два-три. Мы стояли чуть в стороне от насыпи и ждали.

Один из пулеметных стволов зашевелился и медленно повернулся в нашу сторону. Это и впрямь было что-то вроде максима с водяным охлаждением – толстый ребристый кожух, из которого торчало дуло.

Я покосился на Старика – тот вроде как оставался спокойным.

– Привьет, граница!

Над броневым щитом показалась симпатичная, хоть и короткостриженная женская головка. На макушке у девицы был заливчатски сдвинутый набок клетчатый берет.

– Привет, Эйжел! – радостно закричал Старик. – Какая встреча!

Похоже, он действительно был рад. Впрочем, не только рад, но и немного смущен. Не будь разница в их возрасте так велика, я бы

предположил, что когда-то у него с Эйжел был роман.

Девушка с интересом осмотрела меня и что-то спросила. Именно «что-то» – звучало это немного похоже на французский или итальянский (по мелодичности), но слова как-то иначе, очень четко делились между собой... и были при этом совершенно непонятны.

– Если можно, то говори по-русски, – попросил Старик. – Новенький он, совсем языков не знает.

– Сюдовольствием! – похоже, Эйжел даже обрадовалась. – Я люблю новеньких!

Паровоз коротко, но явно недовольно гуднул. Эйжел махнула рукой и что-то приказала кому-то, мне невидимому.

Бронированный лист со скрипом сдвинулся вбок, открывая проход на платформу. Эйжел пинком откинула вниз железную лесенку, к которой Старик подтолкнул меня, а потом уже забрался следом сам. Поезд рывком тронулся прежде, чем он поднялся на платформу.

Эйжел протянула мне руку, помогая подняться на платформу, потом мягко, но убедительно оттолкнула в сторону и принялась помогать подняться Старику. Паровоз загудел еще раз, продолжая набирать ход.

Я взялся за толстую рукоять, приваренную изнутри к бронешиту, и огляделся.

Это и впрямь была обычная железнодорожная платформа с невысокими, в полметра, бортами. Изнутри на ней стояли двухметровой высоты стальные щиты, выкрашенные облупившейся от времени серой краской и закрепленные в каких-то специальных пазах и с упорами изнутри платформы. Упоры заканчивались роликами, так что щиты достаточно легко сдвигались друг относительно друга. Получалось мобильное и в то же время довольно надежное ограждение. Часть щитов была глухая, в большинстве имелись амбразуры, закрытые изнутри вращающимися на петле пластинами. В некоторые амбразуры были вставлены пулеметы – действительно напоминающие максим, только без привычных по старым фильмам колесных тележек. Но в большинстве, к моему удивлению, торчали какие-то заглушки – снаружи заканчивающиеся дулом, но оружием никак не являющиеся.

– Бьютофория! – радостно объяснила Эйжел, поймав мой взгляд. И, повернувшись к Старику, сообщила: – Он хорьёшенький!

– Но-но, не приставай к парню, – погрозил ей пальцем Старик. – А ты поосторожнее, Ударник, Эйжел – известная нимфоманка, у нее хобби – коллекционировать любовников из иных миров.

Эйжел весело засмеялась, ничуть не шокированная такой

характеристикой.

– Только по общему интересу, Старик!

И игриво ткнула его рукой в грудь. Все интереснее и интереснее...

Из охранников, сидевших и стоящих на платформе, Эйжел была единственной женщиной. Всего их было человек десять, все молодые, не старше меня, – причем трое мужиков носили юбки до колен, вроде шотландских килтов, только рисунок был не клетчатый, а из разноцветных полос, идущих сверху вниз. Остальные, включая и Эйжел, были в просторных штанах, но тоже с затейливыми полосами, почти у всех повторялся один узор – серая полоса, черная и красная. На поясах у всех были полуоткрытые кобуры, из которых торчали рукояти каких-то очень серьезных пистолетов, здоровенных, будто старинный маузер, причем рукояти тоже покрывал полосатый рисунок.

– Это какой-то клановый узор? – спросил я Старика.

– О, да! – оживилась Эйжел. – Ты умный! Нашь клань – Тай-Клёус. Мы рабьотаем... – она пощелкала пальцами, подбирая слово. – Рабьотаем найёмниками. Это отьхожий промисел!

– Отхожий промысел, – повторил Старик. – Горные кланы. Местность у них суровая, молодежи часто нечем заняться. Наниматься на постоянную работу им не велят обычаи, они предпочитают работать наемной охраной – у железнодорожников, в городах, даже на отдаленных фермах и рудниках.

– На мьесте сидеть скучно, – поморщилась Эйжел. – У жье... жьёздо... дорожников... – она торжествующе улыбнулась, справившись с трудным словом, – вьесело!

Все остальные наемники на нас внимания не обращали. То ли этого требовали их суровые горские обычаи, то ли место было не таким уж и спокойным – но они бдительно следили за окрестностями. Паровоз за нами пыхтел, набирая ход. Мы делали уже километров пятьдесят в час.

– Ты съовсем первый раз в Центруме? – спросила Эйжел. И, не дожидаясь ответа, со вздохом добавила: – Съчастливьчик...

– Да, очень... необычно, – сказал я. – Иной мир...

Эйжел пренебрежительно махнула рукой.

– Миры... Это не так интьересно... Интьересно многое знать. Ты прошьол врата – и стал умный. Ненадьолго! – она погрозила мне пальцем. – Не просьри!

– Чего? – растерялся я.

– Не просьри! – повторила Эйжел. – Или, как еще говьорят... только это грубо... Не про...

– Я понял, – быстро сказал я.

Эйжел усмехнулась. Сказала:

– Учи язык. Учи стрелять. Учи все. Пока мозги кипят – учи, учи, учи!

– Научи, – сорвалось у меня с языка.

– Чьему? – Эйжел просьбе не удивилась. – Языку?

– Нам же недолго ехать? – спросил я, девушка кивнула в ответ. – Тогда вряд ли успеем. Поучи меня стрелять.

– Стрелять? – удивилась она. – Это просто... Я поучью тьебя другому. Я поучью тьебя биться.

Она взяла меня за руку и мягко потащила в центр платформы. Поезд шел уже ровно, но все равно на рельсах потряхивало. Я вопросительно посмотрел на Старика.

Тот махнул рукой. И попросил Эйжел:

– Только не сломай ему ничего, ладно? Кости после портала быстрее не срастаются.

– Я бьюду очень осторожна! – радостно сказала Эйжел.

И, с полуразворота, ударила меня кулаком в живот.

Выпрямившись – на это ушло несколько секунд, но удивительно, что я вообще удержался на ногах, – я прохрипел:

– Ты что! Мы же еще не начали!

– Кто тьебе сказал, что враг будьет ждать начала? – удивилась Эйжел.

На этот раз я успел уклониться от удара, рука Эйжел лишь скользнула мне по уху. Было больно, но уже не так обидно.

– Мольодец! – ободрила меня Эйжел и ринулась в атаку.

Кому как – а мне нравится собираться в дорогу. Особенно если дорога дальняя, но быстрая, а пункт конечного пребывания тебе приятен и дорог.

Одежда, в которой я был в Центруме, уже постиралась, но, естественно, до конца не высохла. Поэтому я достал запасной комплект – не военную или «а-ля военную» форму, которую любила молодежь, не доигравшая в детстве в «войнушку», а нормальный комплект туристической одежды от хорошей, хотя и очень дорогой английской фирмы. Главное ее достоинство (увы, оно же стало причиной высокой цены) состояло в том, что одежда была сшита без всякой синтетики – даже нитки нормальные, хлопковые. Кроссовки я тоже сменил (кстати, а вы знаете, сколько стоят «экологически чистые кроссовки», сшитые без синтетики и на подошве из натурального каучука? Лучше даже и не знать, спать будете спокойнее). Открыв стоящий в прихожей гардероб, вытащил самый обычный с виду ящик, затем засунул руку вглубь и надавил на

неприметный рычажок. Задняя стенка гардероба раскрылась, открывая оружейный шкаф.

Ну да, смешно. И напоминает всякие шпионские фильмы, где в квартире скромного клерка прячется целый арсенал.

А что делать?

Оружие оставлять в Центруме я не мог, неизвестно, где в следующий раз откроется проход. Обходиться охотничьим оружием, на которое у меня было разрешение, «Сайгой» и «Тигром», не хотел. Не то чтобы мне приходилось всерьез воевать... но, видимо, тяга к оружию в мужчинах неистребима.

Так что у меня был совершенно киношный тайник, где я гордо хранил АК-47, пистолет и патроны. «Тигр», который у меня все-таки был и который я почти никогда не брал в Центрум, хранился в обычном сейфе на видном месте, и как положено, раз в год, его приходил проверить участковый милиционер – вполне симпатичный дядька, который мгновенно понял, что охотник я еще тот. Видимо, он считал меня одним из тех чудиков, что ждут мировой катастрофы и готовятся с оружием в руках сражаться за банку консервов на руинах цивилизации.

Я еще раз проверил квартиру – все ли выключено, засыпан ли корм для рыбок в кормушку. Потом поставил посреди комнаты здоровый рюкзак с припасами, рядом – большой пластиковый пакет с одеждой и обувью.

Первые разы я ходил в Центрум из душа, моясь долго и тщательно, как в первый раз. Потом понял, что это не обязательно. Так что я просто вслушался в свой организм, решил, что вполне готов к открытию портала. Пошел в душ, постоял несколько секунд под теплой водичкой. Вышел, повесил на шею автомат (я давно уже убедился, что это не мешает). Постоял секунду, настраиваясь. Быстро обтерся полотенцем и сделал все остальное, что требовалось.

Портал открывается почти беззвучно, но я даже не стал вслушиваться – знал, что он возник. Подхватил рюкзак, пакет и шагнул спиной назад.

Шаг.

Второй.

Мягкий толчок в плечо – я задел край портала. Уж не знаю, из чего состоит эта дырка в пространстве, но тактильно – как холодная резина...

Еще шаг – и портал растаял перед моими глазами. Сам миг перехода я, как обычно, не почувствовал.

Зато ощутил колючую траву под ногами, десятки запахов – хотя воздух был чистым и свежим, – дуновение ветерка. Солнце садилось за горизонт, вдали плыл сквозь степной океан паровоз с десятком вагонов.

Место я опознал сразу – на наших картах оно было отмечено как четырнадцатая вероятностная точка выхода в нашей зоне ответственности. Не самое частое место, куда открывался портал, но и не двадцать седьмая, куда лишь однажды вынесло Старика, и не теоретически известная двадцать восьмая, где то ли вышел, то ли нет в первый раз Скрипач – увы, он растерялся, долго бродил в поисках людей и потерял ориентировку.

В общем, ничего необычного.

А вот то, что через мгновение у меня на глазах открылся еще один портал, причем всего метрах в двадцати, – это была неслыханная редкость!

Но тот, кто выходил из портала, меня потряс еще больше. Человек был одет в похожий на мой походный костюм, за спиной у него был рюкзак, а на груди болталась на ремне хорошая бельгийская штурмовая винтовка «FN FAL» со складным прикладом. И был этот человек нашим Иваном Ивановичем, политкорректно не получившим прозвища «Немой», а теперь, вероятно, обреченным откликаться на звучную фамилию Хмель.

Дело было, конечно, не в том, что я увидел выходящего соратника.

Редко, но бывает.

И не в том, что он вооружился до зубов, – он и раньше порой таскал «Фал» в Центр, вызывая иронию Старика и жгучую зависть Деда.

С чем только пограничники ни ходят.

Дело было в том, что Хмель пел!

Громко и вполне мелодично!

Рельсы упрямо
Режут тайгу,
Дерзко и прямо,
В зной и пургу! —

горланил Хмель, совершенно увлеченный переходом в Центр.
Я сам онемел от удивления.

Веселей, ребята!
Выпало нам
Строить путь железный,
А короче – БАМ!
Скалы и чащи —
Все он пройдет,
Наш работающий,

Смелый народ!

Уж не знаю, собирался ли Хмель спеть всю песню до конца, хотя свою функцию она уже явно выполнила. Но тут он что-то почувствовал, повернул голову налево, увидел меня – и замолчал.

– Иван Иваныч! – укоризненно сказал я.

Хмель с открытым ртом смотрел на меня. Потом захлопнул челюсть.

– Я все слышал! – подтвердил я. – Ты поешь!

Хмель развел руками – и побрел ко мне. Я достал из пакета белье, торопливо натянул трусы, потом влез в брюки, затянул ремень. Хмель подошел и встал передо мной, смущенный и растерянный.

– Хмель, зачем? – спросил я. – Ну зачем, скажи, ради Бога! К чему были все эти притворства? Зачем ты ходил с блокнотом и карандашом, зачем учил нас понимать жесты?

Лицо Хмеля мучительно исказилось. Он открыл рот – и заговорил:

– Я... з... з... за... заик... ик...

Он замолчал и развел руками.

– Но ты же пел! – сказал я обличающе.

Хмель кивнул. И неожиданно пропел, очень чисто и мелодично:

Нам песня строить и жить помогает,
Она как друг и зовет, и ведет!
И тот, кто с песней по жизни шагает —
Тот никогда и нигде не пропадет!

– Понятно, – сказал я. – Когда говоришь – заикаешься. Когда поешь – все нормально.

Хмель горестно кивнул.

– А не пробовал петь слова? – поинтересовался я, застегивая рубашку. – Просто обычные слова в разговоре...

Хмель улыбнулся.

– Ну да, – согласился я. – Нелепо как-то будет выглядеть... Широка страна, но неродная, мало в ней лесов, полей и рек... Ну-ка стой, товарищ нарушитель, и не смей замысливать побег!

Хмель захохотал в голос.

– Поешь ты здорово, – признал я. – Шикарный голос. У нас, в группе «Угол падения», солист хуже пел. А он был еще из лучших...

У меня есть сердце,
А у сердца – песня,
А у песни – тайна,
Хочешь – отгадай, —

негромко пропел Хмель.

– Понял, – кивнул я. Сел на землю, отряхнул пыль с ног, натянул носки и принялся зашнуровывать кроссовки. – Никому не расскажу. А ты только старые песни поешь? Не современные?

Хмель сморщился. И неожиданно совершенно чисто, видимо на эмоциях, сказал:

– Дерьмо.

– Совершенно согласен, – кивнул я. – Ну ладно. Если захочешь как-нибудь попеть – я не буду против. Потопали на заставу?

Хмель энергично кивнул.

Глава 6

Нельзя сказать, что, когда поезд прибыл в Центр, я уже не стоял на ногах. Нет, стоял, и вполне так бойко отбивался от Эйжел. И даже несколько раз хорошенько ее зацепил – вся воспитанная в детстве убежденность, что девочек бить нельзя, к тому времени полностью испарилась. Но я прекрасно понимал, что, дерись мы с Эйжел всерьез, – она бы меня просто убила.

А так – обошлось парой синяков и одной ссадиной.

Бой она прекратила сама, после чего улыбнулась и внезапно обняла меня с такой энергией, будто намеревалась после рукопашной устроить урок вольной борьбы.

– Молодзец... Умница...

От нее очень хорошо пахло – и разгоряченным женским телом, и какими-то незнакомыми жаркими благовониями (слово «духи» все-таки не подходило к одной мощной ноте – не то сандала, не то еще чего-то восточного). Тело, только что бывшее твердым и напряженным, стало мягким и нежным. Это было безумно сексуально – и совершенно не вовремя.

Как это обычно и бывает, к сожалению.

– Эйжел, не приставай к юноше! – сказал Старик.

И опять в его голосе было что-то... личное.

Эйжел рассмеялась, отступая от меня. Взгляд ее был игрив и обещал многое.

– Я подучусь, и мы продолжим, ладно? – сказал я. – В иное время, в ином месте.

– И иные схватки? – уточнила Эйжел, засмеявшись. – Хорьёшо! Замьётано!

– Ты лучше по сторонам-то смотри, – мрачно посоветовал мне Старик. – Как-никак уже по Антарии едем. Крупнейший город этого мира!

Антария впечатляла.

Мне посчастливилось бывать в Париже, даже дважды, пускай и в детстве, с родителями. Был я и в Риме, и в Берлине. Из крупных европейских городов не видел разве что Лондон – но, с другой стороны, он так часто мелькает в фильмах и новостях, что его архитектуру я тоже неплохо представлял.

Так вот, Антария странным образом ухитрялась походить на все эти

великие столицы – и быть на них непохожей. Общий стиль домов ожидаемо напоминал что-то из девятнадцатого века – встречалась и неоготика, со шпилями и прочими излишествами, и более простые здания – красный кирпич, широкие окна, из всех украшательств – разве что крыльцо с парой колонн у подъезда. Преобладали здания высотой в пять-шесть этажей, кое-где стояли более высокие, со своими десятью-двенадцатью этажами смотревшиеся как небоскребы. Странность была одна – здания не примыкали друг к другу, как это заведено в европейских городах. Они могли стоять почти соприкасаясь стенами, но в любом случае между ними оставался проход, в который мог бы протиснуться человек. Ну, не слишком полный человек, способный задержать дыхание... От железной дороги здания отделяла от силы пара метров, некоторые окна были открыты, несмотря на валивший от паровоза черный дым, и люди преспокойно поглядывали на наш поезд. На нескольких подоконниках стояли женщины, терпеливо оттирая тряпками сажу, и я обратил внимание, что большинство стекол в домах вдоль железки чистые. Это как же часто надо мыть окна – каждый день? Или хотя бы раз в неделю? Что-то в этом было... ну, почти религиозное – будто вся эта копоть и сажа жителей не раздражали, а были неизменным и привычным спутником нормальной жизни.

Впрочем, если весь этот немаленький город полностью зависит от снабжения по железной дороге – то так оно и есть. Жители наших мегаполисов тоже не реагируют на нескончаемый шум автомобилей и привкус хлора в водопроводной воде.

К путям, по которым двигался поезд, тем временем добавилось еще несколько веток, дома отдалились, поезд приближался к вокзалу – не такому уж огромному, но по местным меркам впечатляющему. Тот же красный кирпич, статуи на балюстрадах, пристанционная площадь... Людей там, впрочем, было не так уж и много – здешняя железная дорога служила больше для перевозки грузов, чем пассажиров. Но все-таки народ толкался на перронах и посмотреть было на что. Мужчины – либо в костюмах, как правило универсального делового покроя, что не меняется никогда, либо в простецкой рабочей одежде, которая тоже почти одинакова во всем мире уже лет сто как. Вот женщины – да, одеты куда более разнообразно. В основном в дамском гардеробе преобладали платья и юбки с блузками, с некоторым намеком на строгость фасона, в ходу были и шляпки, которые сейчас надевают разве что на великосветские приемы. Но многие, особенно молодые, носили короткие и вполне современные юбки, а самые продвинутые – даже брюки, и это явно никого не шокировало. Я почувствовал легкое огорчение. Ну как же так, иной мир, технологии на

уровне девятнадцатого века – а люди самые заурядные. Все вместе они еще производили ощущение легкой необычности, но любого отдельного человека можно было взять, поместить в крупный земной город – и он мало чем выделялся бы из толпы.

– Ожидал увидеть большую экзотику? – спросил Старик, посмеиваясь. Поезд уже еле полз вдоль перрона, охранники откатывали в сторону щиты, закрывающие платформу.

– Ага, – огорченно сказал я.

– Насмотришься еще, не переживай... – Старик вдруг дернулся и схватил меня за руку. – Смотри! Ах ты ж паршивец малолетний! Смотри, что творит!

Я поискал глазами в толпе. Вначале я увидел пожилого сухопарого господина, любезничающего с двумя девицами. Судя по одежде – длинный двубортный пиджак из тонкой шерсти (в памяти услужливо всплыло старомодное «сюртук»), – тросточке в руке и горделивой осанке, господин был не из простых. Рядом, спиной к нему, стоял тощий мальчишка. Стоял то он спиной, но вот рука его аккуратно извлекала из кармана сюртука разговорчивого обывателя что-то поблескивающее, не то портсигар, не то крупные карманные часы. Вот еще одно движение, добыча перекечевала пацану в карман – и он неспешно двинулся прочь.

– Это же Дед! – рявкнул Старик.

– Как он мог нас опередить, он на заставе остался? – не понял я.

– Прыгнул на Землю, потом обратно, выскочил прямо в городе... у него просто талант открывать врата в самой Антарии! Да что ж он творит, это ведь чиновник из магистрата... пошли!

Старик бодро рванулся к краю платформы, выждал секунду, выбирая место, и прыгнул на перрон. Я поневоле рванулся следом. Но теперь уже платформа ползла вдоль ярко одетой толпы хихикающих девиц старшего подросткового возраста, потом – вдоль группы мрачных мужчин в форме, с длинноствольными винтовками за спиной, затем – ну просто как в комедийном фильме – мимо ряда носильщиков, грузящих на телегу корзины с куриными яйцами, а в завершение всего этого абсурда у края перрона, в опасной близости от поезда, выстроился десяток молодых мамаш с младенцами в хлипких на вид колясках. Они что, сговорились?

Спрыгнул я только после того, как поезд последний раз вздрогнул и с шипением вырывающегося пара остановился. Кинулся вдоль ряда перепугавшихся мамаш, едва не врезался в корзину с яйцами, заслужив вслед громкие ругательства на незнакомом мне языке, обогнул по широкой дуге солдат, пронесся вдоль хохочущих девочек...

Ни обворованного господина, ни его собеседниц, ни Деда, ни Старика на платформе уже не было.

Я остался в Антарии один. Без денег, языка и документов – если здесь вообще в ходу документы.

Хмель, пусть даже его странная тайна оказалась раскрыта, был не лучшим собеседником. Уж не знаю, как он заимел такое мощное заикание и почему оно полностью исчезало, стоило ему запеть, но говорить, даже что-то односложное, вроде «да» и «нет», ему было очень трудно. А пением можно общаться разве что в опере или мюзикле. Так что вскоре мы вернулись к прежнему стилю общения – я говорил, Хмель жестами показывал свое отношение к сказанному или, быстрой и понятной пантомимой, доносил до меня свои мысли.

Идти, впрочем, было недалеко. Часа через три, сделав один короткий привал у железки, мы вышли к холму, на вершине которого стояла застава. Я остановился, поудобнее устраивая на плечах рюкзак перед последним броском. И вдруг Хмель тронул меня за локоть.

– Чего? – спросил я. Хмель неотрывно смотрел на здание.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что привлекло его внимание.

– Флаг спущен, – сказал я. – Вижу.

Насколько я знал, белый флаг с черным кругом и крестом внутри вешать над заставой не требовалось. Но почти на всех заставах флаги висели, только там, где преобладали мусульмане, крест иногда заменяли на полумесяц, без лишних затей подражая обществу Красного Креста и Полумесяца.

У нас флаг тоже висел всегда. Старенький, пыльный настолько, что был уже скорее серым, чем белым, но висел.

Мы, не сговариваясь, взяли оружие в руки и двинулись вверх. Обсуждать было нечего. Если наверху засада, то нас спокойно перестреляют из-за ограды, но и уходить, не выяснив, что произошло на заставе, было немыслимо.

Но когда готовят ловушку, то флаги не снимают...

Нельзя сказать, что мы бежали вверх. Просто поднялись быстрее, чем обычно. Нас никто не окликал, никто не стрелял, и выглядела застава вполне мирно. За исключением спущенного флага и открытых настежь ворот.

– Плохо, – озвучил я вертевшуюся на языке банальность. Флаг, допустим, Ведьма могла снять «на постирать». Она это делала пару раз в

год. Но ворота никто открытыми бы не оставил.

Держа автомат наизготовку и чувствуя себя героем боевика (увы, не главным героем, которому смерть не грозит), я заглянул во двор.

И окончательно убедился, что застава разгромлена. Наполовину высунувшись из собачьей будки, мирно положив голову на лапы, лежал наш приبلудный пограничный пес, которого Старик почему-то звал «Алым», Дед – «Шариком», а Ведьма – «Заразой». Крошечная лужица крови была почти не видна на темной земле, ее выдавали лишь возбужденно жужжащие мухи. Почему-то это меня потрясло. Пес жил на заставе лет пять, громко лаял на любого гостя, но никогда не пытался никого укусить и по бойцовским качествам был не страшнее болонки. Пристрелили его видимо просто так, на всякий случай.

– Убью, – вдруг четко сказал Хмель. Я вспомнил, что он чаще всех нас кормил несчастную псину, подходил потрепать ей загривок и выгуливал на холме. Наверное, на Земле у Хмеля тоже есть собака? Хотя какая собака у человека, полжизни проводящего в ином мире? Была когда-то, это вероятнее...

Пригибаясь, чтобы меня не было видно из окон, хотя я уже и не ожидал никого здесь встретить, я добежал до дверей здания. Они были аккуратно прикрыты, а вместо замка запечатаны веревочкой с сургучной печатью. Я мельком глянул на оттиск, прежде чем сорвать шпагат, – как я и думал, это была печать Министерства иных миров, похожая на ромашку, как ее рисуют дети.

В доме все было совершенно нормально. Мебель не перевернута, ящики в шкафах не открыты, никаких следов борьбы. Даже дверка в кладовку, гордо именовавшуюся «оружейной», где хранился всякий теоретически стреляющий, но никому не нужный хлам, была заперта на замок. Хмель кинулся наверх, держа наперевес свой «Фал», через минуту вернулся и развел руками.

– Может, никого не было? – предположил я. – Может, наших далеко выкинуло и мы их опередили? Или они побыли на заставе недолго и ушли, а уже потом приперлись местные? Собаку убили, в дом заглянули, опечатали и ушли...

Хмель с сомнением посмотрел на меня.

Да, как-то это не складывалось. Если уж вопреки обещаниям «дать нам неделю» власти Клондала решили нас арестовать и выдать штабу – то почему удовлетворились четырьмя пограничниками? А если никого здесь не застали – с какой стати не организовали засаду, чтобы брать всех приходящих тепленькими?

Ничего не понимаю!

– Что случилось, ребята?

Я обернулся, мысленно отругав себя за то, что не следил за входом. Это был Саркисян, тоже с оружием наизготовку. Все годы, что я его знал, он упрямо ходил в Центр с гладкоствольным ружьем «Remington 11–87». Понятное дело, что это было не охотничье ружье, а длинноствольная полицейская модификация, с хорошим прицелом, мощным патроном и неплохой кучностью. Но все-таки на фоне всеобщего увлечения пограничников и контрабандистов нарезными автоматами и автоматическими винтовками Скрипач выделялся. Впрочем, не надо было забывать, что и счет убитых в перестрелках у него был самой большой.

– Сами бы хотели знать, – сказал я.

– Кабыздох нашего убили... – Ашот сообразил, что прозвучало это слишком цинично, и поправился. – Псину нашу, я имею в виду. Шакалы! Это власти?

– На двери печать Министерства иных миров, – кивнул я. – А здесь все чисто, никаких странностей.

Скрипач выругался, поставил ружье на предохранитель и забросил на спину.

– Черт его знает, что творится! Как они могли арестовать четырех пограничников, да еще тихо и мирно? Хоть кто-нибудь да ушел бы. И почему засады нет?

Хмель тем временем рылся в шкафах – то ли в поисках чего-то полезного, то ли надеясь найти разгадку происходящего. Я не стал ему мешать, а вышел из дома и быстро прошел вдоль забора, выглядывая в узкие амбразуры. На холм никто не поднимался.

Кстати, а как же это Скрипач подошел незамеченным?

– Скрипач! – крикнул я, обернувшись к дому. – Ты откуда к заставе шел?

– Восьмая точка! – отозвался тот.

Понятно. Мы подошли почти одновременно, но с разных сторон, скрытые друг от друга забором. Я заглянул в баню, в сарай, потом пошел в туалет. Старик все порывался устроить на заставе какой-нибудь приличный биотуалет, но за все эти годы дело дальше слов не пошло. Во-первых, в биотуалетах полно пластика, а во-вторых, при переходе из мира в мир бактерии, которым полагалось расщеплять отходы, мгновенно дохли. Это было странно, так как с путешествующими вместе с нами микробами ничего не происходило (Калька однажды пыталась вылечить ангину, проходя туда-сюда через портал, но в итоге ей пришлось глотать

антибиотики), но, похоже, бактерии были в безопасности при переходе только внутри наших тел.

Так что у нас был самый обычный деревенский сортир на две кабинки.

Хмель вышел из дома, вооруженный короткой саперной лопаткой. Осмотрел двор, потом подошел к забору, присел и принялся энергично копать сухую землю.

– Помочь? – спросил я.

Хмель только покачал головой. Скрипач посмотрел на него неодобрительно – видимо, ему не нравилась идея хоронить собаку во дворе. Но промолчал.

– Может, лучше у подножия холма? – негромко сказал я.

Хмель молча продолжал копать. А Скрипач неожиданно поддержал его:

– Пусть здесь копает. Мы вряд ли сюда вернемся, Ударник.

– Из-за того, что убили собаку? – я пожал плечами. – Мне песика тоже жалко, но... Место хорошее, обжитое. Домина какой, баня... А получается как-то по-американски: «Они убили мою собаку, порвали Библию...»

– Изнасиловали сестру, сожгли дом... – продолжил Скрипач. – Не в этом дело, просто... все изменилось. Перестало это место быть домом, ты чувствуешь?

Я подумал и кивнул. Скрипач был прав.

Вот что странно – что ничего не порвали, не сожгли. Только застрелили пса... который на привязи оставался. Зачем его убивать? Глупость полная. И почему Гольм обещал неделю, но своих слов не сдержал, и почему схватили четверых, а нас не тронули и даже засаду не оставили...

– Ты забыл самый главный вопрос – с чего все началось? Кому мы помешали? – сказал я. – Мы – маленькие винтики, крутимся в механизме Центрума. Вполне исправно крутимся. И вдруг на нас объявляют охоту и ведут ее странным образом. Скрипач, это бред полнейший!

– Значит, надо идти в Антарию и разбираться, – твердо сказал Скрипач. – Но... – он посмотрел на небо, – полагаю, что уже завтра утром. Это уже не дом... но переночевать я тут готов.

Старик нашел меня через трое суток. Мы как раз отыграли «Гимн восходящему солнцу» – получалось уже неплохо. Публика одобрительно пошумела, песня второй день была хитом в «Кремне и льне», но обошедший зал со шляпой Реис вернулся с кислым лицом и поставил гитару в углу сцены. Так что я вышел из-за барабанов, Боргейр зачихлил

флейту, а Стутгар крутанулся на стуле и встал из-за клавесина. Стутгар, на мой взгляд, был музыкантом близким к гениальности – на клавесине, точнее, его центрумском аналоге, он выделял совершенно невозможные вещи. Мы дружно двинулись в зал, за отведенный нам хозяином столик.

– Жлобы, – сказал Реис. – Жадные жлобы.

Он был самым старым из нас, ему было хорошо за сорок, и на жизнь он смотрел с цинизмом музыканта, когда-то мечтавшего стать великим. На лысой голове Реиса поблескивали капли пота – он не был особенно толстым, но потел ужасно.

– Еще не вечер, мало народа собралось, – пожал плечами Боргейр. То ли по причине молодости – флейтисту не исполнилось и двадцати, – то ли из-за флегматичности характера он ничего не принимал близко к сердцу.

Стутгар молча выпил пива и пожал плечами.

– Будут плохие сборы – уйдем в «Королевский плащ».

На этом дискуссия и окончилась – Стутгар, маленький и неприметный человечек (еще чуть-чуть ниже рост – его можно было бы назвать карликом, а так он был просто коротышкой), являлся неофициальным, но бесспорным лидером нашей группы.

– Я вспомнил еще одну хорошую песнь, – сказал я, тоже делая глоток пива.

– Песню, – поправил Стутгар.

– Песню, – кивнул я. – Ее пел певец по прозвищу Жало. Она говорит о человеке, живущем в чужой стране. Ему очень одиноко. Ему тут все непривычно.

– Очень хорошо, – кивнул Стутгар. – Расскажи текст подробно.

Он извлек из кармана короткого твидового пиджака блокнот, карандашик и приготовился записывать.

– Не пью я... – я задумался на миг. – Не пью я глоф, лучше бы выпил чай, милая...

– Ха, – сказал желчно Реис. – Я бы тоже выпил чай. Земной чай. Золотой талер за фунт! Ха!

Стутгар шикнул на него, продолжая быстро писать.

Люблю поджаренный на сковороде хлеб,
Ты слышишь мой странный акцент —
Я землянин в Центруме...
Смотри – я иду по Диагональной улице
На мне синие земные штаны,
Я ношу их всегда не снимая,

Я – землянин в Центруме.
Я землянин.
Я законопослушный землянин.
Я землянин в Центруме.

Стутгар кивнул:

- Да, ничего так... Вот это я бы сделал припевом и повторил два раза.
- А так и есть! – обрадовался я.
- Про штаны не очень, – Стутгар почесал переносицу карандашом. – Эти... джинсы... у нас ведь тоже делают похожие. Как было в оригинале?
- Про тросточку. Там человек ходил с тросточкой, но для нас не годится, это как раз норма в Антарии.
- Тогда сделаем перевертыш, – решил Стутгар. – Смотри – я иду по Диагональной улице, тросточки нет у меня, я не беру ее даже на променад, я – землянин в Центруме. А?
- Прекрасно, – сказал я искренне.
- Неправильно это все, – пробурчал Реис. – Берем чужие песни и переделываем. Стутгар, ты же свои писал прекрасно! А? Помнишь? Про убийцу? «Я наемник-убийца, я рядом с тобой, я наемник-убийца, я заберу твою жизнь...» Или «Обратно в Центрум»?
- Или «Вчера»? – предположил я.
- Стутгар косо посмотрел на меня. А вот Реис иронии не понял:
- О, и ты слышал? «День назад все проблемы были далеки...»
- Стутгар посмотрел на Реиса волком.
- У нас тоже это было распространено, – сказал я успокаивающе. – Ну, не из другого мира – из других стран. Брали песни, переделывали. Они становились известными.
- Это неправильно, – сказал Стутгар, хмуро глядя в блокнот. – Реис прав, надо писать свои песни...
- Так мне продолжать? – уточнил я.
- И тут увидел Старика, целеустремленно пробирающегося через темный зал ресторанчика.
- Ударник! – радостно крикнул Старик. – Ты живой!
- Я дождался, пока он подошел к столику. Укоризненно посмотрел ему в глаза. Старикау хватило совести потупиться.
- Сволочь ты все-таки, – сказал я на клондальском.
- Старик просиял.
- Вот! Вот видишь, самый лучший метод изучения языка – глубокое

погружение!

– Это тот Иван, что тебя кинул одного? – спросил Стутгар с презрением.

– Я тот самый Иван, из-за которого ваша группа третий день гребет деньги лопатой, – ответил Старик, присаживаясь за столик.

Стутгар подумал мгновение, кивнул и подвинул Старику кружку пива. Тот с удовольствием приложился к ней.

– А если бы со мной что-то случилось? – спросил я.

– То ты не годился бы для путешествий между мирами, – с улыбкой сообщил Старик. – Считай это тестом на профпригодность.

– Все равно сволочь, – упрямо повторил я.

– Ударник! – Старик прижал руку к груди. – Клянусь, я не ожидал, что ты так хорошо потеряешься! Я был уверен, что найду тебя к вечеру! Но ты так... так легко влился в среду...

Я взял из рук Боргейра самокрутку, затянулся сладковатым дымом.

– Знаешь, среда музыкантов – она всюду одинакова. Как выяснилось.

Глава 7

Министерство иных миров, а попросту МИМ, располагалось в центре, в правительственном квартале. Оно занимало старинное, еще до пластиковой чумы построенное здание – высоченное, в пятнадцать этажей, отлитое из железобетона в только-только проклюнувшемся в ту пору стиле местного конструктивизма. Это значит, что не было в нем ни колонн, ни эркеров, ни балконов, ни затейливых башенок – ничего лишнего. С какого перепугу архитектор все же разместил на плоской крыше десяток исполинских статуй – трудно понять. Они тут казались совершенно неуместными, будто выбрались на крышу странно одетые исполины – и окаменели под взглядом Медузы Горгоны. Фигуры изображали разные отрасли науки и искусства, ибо поначалу в здании как раз и размещалось Министерство человеческих знаний (которые жители Центрума рассматривали в комплексе, противостояния физиков и лириков у них не случилось). Были среди фигур астроном с телескопом, два механика с шестеренками и гаечными ключами, врач со стетоскопом (совершенно земным на вид, содержание часто диктует форму), химик с каким-то стаканом в руке, математик в очках и с логарифмической линейкой, совершенно анекдотического вида философ в широкополой шляпе, художник с мольбертом, музыкант с чем-то вроде русских гуслей...

Вы, наверное, догадались, как эта скульптурная группа называлась всеми русскими, попадавшими в Антарию? Конечно же – «веселые человечки», а иногда просто «Незнайка и его друзья».

Увы, «высокомолекулярная чума» и последовавший за ней хаос очень сильно подорвал веру жителей Центрума в человеческие знания. Поэтов-писателей и прочих безобидных философов особо не тронули, а вот ученым досталось по полной программе. Разве что на кострах не жгли (да и то спасибо тем, кто взял на территории Клондала власть, в Оннели, с ее традиционно косным и туповатым сельским населением, говорят, доходило и до костров). В итоге Министерство знаний расформировали, научные изыскания стали проводить в закрытых от постороннего взгляда институтах, а новое Министерство науки обозвали успокоительно: «Комиссия по контролю за научными изысканиями». Для людей искусства огромное здание в центре Антарии оказалось слишком уж роскошным – и туда переехало Министерство иных миров. Центрум, в силу своего уникального положения, это учреждение имел давно. Но после чумы оно

расширилось и набрало силу – слишком во многом теперь нуждались жители Центрума. Надо было обуздать межмировую контрабанду, сформировать рынок – причем интересный как местным, так и контрабандистам. Практически одновременно возник и наш Корпус пограничной стражи – вырос из остатков силовых структур при активной (скажем прямо – подавляющей) помощи землян, обрела независимость и экстерриториальность. С МИМом Клондала и аналогичными структурами на других территориях пограничники сотрудничали (не без конфликтов, разумеется), но все-таки интересы у нас были разные. Министерство старалось загрести все под себя – технологии, которые можно было приспособить к местным условиям, товары, информацию вообще (кто бы мог подумать, что земная беллетристика, причем самого незамысловатого пошиба, будет пользоваться в Клондале бешеным успехом?). А мы, пограничники, старались направить торговлю в цивилизованное русло и запрещали провозить опасные вещи и технологии. В этом, конечно, и крылся наш основной вялотекущий конфликт – Клондал с удовольствием покупал бы и продавал бы те вещи, которыми мы торговать запрещали.

Но в целом мы жили дружно. Особенно на местном уровне. Главный штаб далеко, Антария рядом. Порой мы на что-то закрывали глаза, порой МИМ не замечал наших шалостей. Может, в этом и была причина того неожиданного интереса, что вдруг проявил к нашей заставе Главный штаб?

Пока мы с Хмелем неторопливо шли к министерству по осеннему парку, я обдумывал эту мысль. Но никаких особых грехов за нами не числилось. Отчитывались вовремя, трофеи сдавали... ну, в достаточной мере сдавали. Когда сверху шла команда, участвовали в спецоперациях. Вот полгода назад, к примеру, нас привлекли к поимке троицы контрабандистов – переполох тогда был изрядный, из регионального центра даже пригнали патрульный дирижабль. Странная, конечно, история вышла. Все трое, по ориентировке, были проводниками – но даже когда мы их обложили и зажали в рощице (той самой, с которой я начал знакомство с Центрумом), на Землю они не ушли. Несколько раз открывали ворота – но остались у нас. Может, их караулил кто-то на Земле, в точке входа? Кончилось все, впрочем, без крови и смертоубийств – одна из контрабандистов, красивая молодая девчонка, оказалась двойным агентом и сдала своих же товарищей. При них, кстати, даже товара не оказалось, видимо, они были чем-то ценны сами по себе...

Нет, ничего предосудительного мы не делали.

Я вздохнул и бросил гадать на кофейной гуще. Посмотрел на часы. Если господин Гольм не изменил своих привычек, то мы сейчас попробуем

кое-что прояснить...

Парк возле министерства был красив. В Антарии вообще любят парки – в лишенном нормальных лесов Клондале к деревьям отношение очень бережное. Парки вроде как ухожены, окультурены, временами выглядят почти дикими, но на самом деле за ними тщательно ухаживают. И все парки, даже маленький сквер возле резиденции премьер-министра, открыты для общего посещения. Там могут гулять рядом важные чиновники, богатые промышленники, стайки детей из дорогих школ под присмотром воспитателей – и работяги в поношенной одежде, откровенные бродяги и нищие, те же дети, но в школу ни дня не ходившие, а вкалывающие где-нибудь на заводе, на линии по сборке тонких механизмов. Это у клондальцев принципиальный пунктик, хотя в обычной жизни социальное расслоение у них огромное.

– Люблю осень, – сказал я.

Хмель пожал плечами.

– Ну... такую и в таком месте, – уточнил я.

Хмель согласно кивнул.

Осень была «пушкинская». Деревья, большей частью знакомые, такие же, как на Земле, оделись в золото и медь. Листья только начали облетать, покрыли траву разноцветной мозаикой, но деревья пока оставались в осеннем убранстве. Зима в Клондале теплая, климат Центрума вообще гораздо теплее – снег можно встретить только в горах, но месяц-другой серого неба и температуры чуть выше нуля все-таки будет. А пока – самое лучшее время года. Тишина, покой, запах увядающей листвы... время раздумий о жизни и смерти, время построения планов и подведения итогов... что плохое может случиться такой золотой осенью?

Советник Орвин Гольм, ответственный за контакты МИМа с Пограничным корпусом, тоже любил осень. Про Пушкина он вряд ли что-либо слышал, Гольм был человеком серьезным, беллетристкой интересовался только по долгу службы, а в Клондале хорошо продавались иронические детективы и любовные истории. Гольм вообще не любил, не читал и не понимал стихов. Но в этом невысоком сухоньком человеке все-таки было что-то поэтическое – ибо осенью он обожал после обеда сесть в парке и тихо выкурить сигару, глядя на падающие листья и прочее «тихое природы увяданье». За долгие годы службы в министерстве Гольм запомнил в лицо всех местных завсегдатаев. Прогуливающимся старикам он едва заметно, но уважительно кивал, при появлении старушек и пожилых парочек вставал со скамейки и вежливо приподнимал шляпу,

детям (из числа тихих и воспитанных) ласково улыбался, с ровесниками обменивался доброжелательными взглядами, при появлении молодых девушек привставал, хотя и не делал никаких жестов, которые можно было бы истолковать как попытку знакомства.

Господин Гольм был несколько старомоден.

Следствием все той же старомодности была его консервативность в одежде, всем известная порядочность и строжайшая пунктуальность. Обед Гольма занимал ровно восемнадцать минут, после чего он промакивал губы салфеткой, ей же обтирал руки, тщательно расчесывал бородку специальной расческой из оленьего рога, спускался с третьего этажа министерства, где располагалась столовая для сотрудников, по пути отправив салфетку в ящик для сбора макулатуры (бумага в Клондале была недешева), и через семь минут садился на свою любимую скамейку в парке. (Говорят, однажды скамейка оказалась занята влюбленными. Гольму потребовалось десять секунд неподвижно простоять возле скамейки, чтобы парочка поняла всю неуместность своего поведения и ретировалась.) На то, чтобы выкурить сигару, у Гольма оставалось ровно двадцать восемь минут, после чего он отправлялся обратно. Ритуал нарушался только в сильный дождь, но дожди в Антарии шли редко.

Вот и сейчас Гольм подошел к лавочке ровно в два часа двадцать пять минут. Сел на отполированные его же брюками доски, зажал тросточку между колен, достал часы и глянул на них – порядка ради. Модные наручные часы Гольм не то чтобы не уважал... просто не любил. Все было в порядке. Гольм спрятал часы, достал сигару и гильотинку, отрубил сигаре кончик, понюхал табак, достал спички. В этом вопросе, кстати, он не был старомоден, Центрум не знал зажигалок в принципе – у иномирных газовых разлагался пластиковый корпус, для металлических бензиновых больше не было в природе бензина.

Прикурить он не успел – я подошел к скамейке, поклонился и сел рядом. С другой стороны уселся Хмель. Не то чтобы я жаждал испортить Гольму послеобеденный отдых с сигарой, наоборот. Раскуривать сигару – дело долгое, не терпящее суеты и посторонних разговоров. А времени у нас было мало.

– Доброго дня, господин Гольм, – сказал я.

Советник удивленно посмотрел на меня. Потом на Хмеля, кивнувшего ему. Потом снова на меня. Нахмурился.

– Господин... э... Ударник?

Учитывая, что виделись мы всего два раза, причем мельком, а пограничников в Клондале немало, память Гольма надо было признать

хорошей. Впрочем, был и другой вариант – он совсем недавно просматривал папку с личными делами состава шестнадцатой заставы.

– Очень приятно, что вы меня помните, – кивнул я. – Господин Гольм, простите, что нарушаю вашу краткую сиесту.

Гольм, на мой взгляд, вел себя странно для человека, который был причастен к разгрому заставы. Он не испугался, не начал угрожать, не пытался убежать (конечно, оружия мы в город с собой не брали, но вряд ли у немолодого и неспортивного чиновника был шанс от нас скрыться). Он выглядел слегка смущенным и сильно огорченным – причем огорчение относилось не к судьбе наших товарищей или нашему появлению, а к нераскуренной сигаре. С явным сожалением спрятав ее в футляр и убрав в карман пиджака, Гольм вздохнул и произнес:

– Мой дорогой друг! Простите, но я все изложил... э... Старику.

Чувствовалось, что Гольму претит называть нас прозвищами. Но деваться было некуда, иначе пришлось бы обходиться «Иванами».

– Что изложили? – не понял я.

– Я смог обеспечить вам неделю, не более. Наш запрос в Главный штаб ушел, вы можете рассчитывать на неделю. Урегулируйте свои отношения с начальством, переберитесь в другой район Центраума... мне будет крайне огорчительно вас терять, но арестовывать – еще неприятнее. Наши отношения с Главным штабом Пограничного корпуса хоть и не сводятся к подчинению, но несут в себе крайне высокий потенциал сотрудничества и необходимость взаимных...

– Господин Гольм, – прервал я его. Советник приподнял левую бровь. – Я не о том. Не о сроке в одну неделю. Я хотел бы узнать, что сегодня произошло на заставе.

Бровь советника поднялась еще выше. Только одна бровь, вторая осталась неподвижной. Хороший фокус – наверное, он тренировался.

– Держите, – сказал я, протягивая ему сорванную с дверей заставы веревочку с печатью. Гольм поднес ее к глазам, близоруко прищурился. Чуть ли не обнюхал... да нет же, именно что обнюхал!

– Печать наша, образца этой недели, – сказал он уверенно. – Корица и корень зиллана... Или крайне хорошая подделка информированного человека. Рассказывайте, господин Ударник.

– Вчера утром Старик собрал нас всех, – сказал я. – В нашем мире. Так уж сложилось, что мы все живем относительно недалеко друг от друга.

– Мегаполис Москва, – кивнул Гольм. – Дальше.

– Он сообщил нам о требовании штаба. Мы обсудили ситуацию и решили отправиться в Центрум и разобраться в происходящем...

Гольм меня больше не прерывал, а я рассказал ему все... ну, то есть все важное – за исключением того, что ему знать не следовало или не требовалось.

– Кто и как мог схватить пятерых пограничников? – сам себя спросил вслух Гольм. Про то, что Скрипач тоже на свободе и сейчас наблюдает за нами с безопасного расстояния, я, конечно, забыл упомянуть. – Нет следов крови, борьбы, зато убита собака...

Он помолчал, вертя в руках веревочку с печатью. Потом сжал в кулаке, так что сургуч коричневыми крошками, похожими на запекшуюся кровь, посыпался ему под ноги.

– Специальный отряд министерства «Призрак», – сам же и ответил Гольм. – Собаку убили, потому что на животных газ не действует.

– Газ? – спросил я. – Какой?

– Я не знаю состав, – Гольм смутился. – Даже не уверен, что это наша разработка, а не из какого-то бокового мира. Действует исключительно на людей, погружает в сон на пятнадцать-двадцать минут. Честно говоря, то, что я вообще о нем знаю, – случайность.

– Это отряд министерства для действий против пограничников? – уточнил я.

Гольм не ответил. Снова достал свою сигару, стал нервно крутить в руке.

– Но вы же договорились... – напомнил я.

– Я думал, что договорился, – сказал Гольм. – Я обязан Старику. И я не верю, что ваша застава замышляла зло против Клондала или еще кого-либо. Да, я знаю, что вы подворовываете контрабанду. Все подворовывают. Это традиция. Но вы хорошие люди, пусть даже все иномирцы. И я обязан Старику.

Он снова замолчал. Потом закурил – я заметил, что пальцы у него подрагивают.

– Значит, было два требования, – сказал он, выпуская клуб дыма. – Одно мне. Как положено. А второе господину министру... или в палату лордов... или прямо премьер-министру... И там, очевидно, было сказано, что я могу быть в данной ситуации необъективен... и рекомендовано в случае, если я воспротивлюсь...

Я ему поверил. Даже если господин Гольм был очень хорошим актером, а крупный чиновник обязан им быть, так не сыграешь.

– Зря вы ко мне пришли, – продолжил Гольм. – Хорошо, что не в министерство и не домой. Но если все так серьезно и со мной согласились только для вида, то я сейчас под наблюдением. Понимаете? Я наживка для

оставшихся на свободе. Вы можете уйти в свой мир прямо сейчас?

Я не стал отвечать, да Гольм и не ждал ответа.

– Я бы посоветовал вам так и сделать, – продолжил он. – Я сейчас отправлюсь к господину министру, расскажу про нашу встречу, буду возмущаться и оспаривать произошедшее. Но вряд ли это даст какой-то эффект. Меня либо арестуют, либо по-тихому отправят в отставку, – он подумал секунду. – Может быть, временно выведут за штат, я все-таки на хорошем счету в министерстве... Что вы хотите от меня узнать, господин Ударник? Я могу выделить вам еще две-три минуты. В ваших же интересах не задерживаться.

– Кто такие «призраки», сколько их? – спросил я.

– Спецотряд. Хорошо тренированные люди, обученные бороться с проводниками. Экипированные. Их два или три десятка... говорю же – не моя компетенция!

Для Гольма столь резкий ответ был равнозначен истерическому выкрику.

– Где могут быть наши товарищи?

Советник раздумывал недолго.

– Вряд ли они еще в Антарии. Если ситуация столь накалилась, то их немедленно отправили в Главный штаб. Либо пограничный дирижабль... нет, пятерых туда не запихнут. Скорее всего, литерный поезд.

– Хоть какие-то догадки, что к нам за претензии? – безнадежно спросил я.

– Никаких, – Гольм бросил сигару и втоптал ее лакированным ботинком в крупный влажный песок садовой дорожки. – Не тяните, прошу вас.

Я огляделся – парк сегодня был почти пуст. Медленно шли мимо нас две старушки с пузатыми ридикюлями, в стороне гуляла молодая парочка, трое парней в грубых комбинезонах – по виду работяги-пролетарии – что-то оживленно обсуждали. Вряд ли проблему повышения производительности труда, скорее – не слишком ли рано для кружечки-другой пива?

Стоп.

Во-первых, в парке не было детей. Совсем. А ведь школьные экскурсии сюда водят постоянно – погулять, побегать наперегонки, порисовать деревья... Во-вторых – не слишком ли здоровенные сумки тащат пожилые леди, и не слишком ли они сами крепкие для своих морщин? В-третьих, почему влюбленные, которым никогда никто кроме их самих не нужен, заняли соседнюю с нами скамейку? И в-четвертых, что

делают пролетарии в спецовках в центре Антарии, в городском парке, в рабочее время?

– Очень жаль, что вы ничем не хотите нам помочь, советник Гольм! – громко и укоризненно сказал я, вставая. – Очень жаль! Я-то полагал, что вы наш друг!

Гольм удивленно мигнул, потом взгляд его потеплел и он пронзительно выкрикнул:

– Я государственный служащий и патриот Клондала! Обратитесь в министерство в рабочем порядке, если у вас есть вопросы!

Хмель тоже все понял, молодчина. Мы встали и, не сговариваясь, двинулись в сторону бабулек. Честно говоря, уже было понятно, что под пышными юбками и чепцами скрываются слегка заgrimированные мужские лица и крепкие тренированные тела. Но если двигаться по дорожке в другую сторону, то мы окажемся между двумя «влюбленными» и троицей «рабочих». Двое – это еще шанс, пятеро – никаких.

Как жаль, что я не могу открывать проходы так быстро и ловко, как ушедший от меня в горах контрабандист!

До «бабушек» оставалось шага три, когда все пришло в движение. Я то ли уловил какой-то звук, то ли что-то почувствовал и повернулся.

«Рабочие», не таясь, кинулись за нами.

Девушка оторвалась от своего парня, метнулась к скамейке, где сидел Гольм, и ловко взяла советника в захват. Ее парень вынимал из-за спины (видимо, под пиджаком сзади прятал) длиннотвольный револьвер неизвестной мне модели.

А «бабушки», когда я сообразил развернуться, вытащили из своих ридикюлей гофрированные шланги с раструбами. Я оцепенел от ужаса, потому что первая мысль была про огнемет. Потом я вспомнил слова Гольма про газ.

Спасло нас то, что заgrimированные под старушек спецназовцы не хотели вдохнуть своего же газа и свободными от шлангов руками вытягивали из-под пышных воротников что-то вроде резиновых масок-противогазов с круглыми стеклышками очков.

Ну и Скрипач вмешался вовремя, конечно.

Выстрел в осеннем парке был едва слышен, и если бы я не знал, где затаился Саркисян, то даже направление бы не засек. Ридикюль на руке у «бабушки» мотнулся, будто по нему ударили кулаком, – и с гулким хлопком распух. Секунду он висел надутым кожаным пузырем, а потом лопнул, разбрызгивая толстые стеклянные осколки. К моему удивлению, газ у спецназовцев хранился не в металлических баллонах, а в стеклянных.

Воздух задрожал – газ был невидим, но какая-то мутная волна пошла во все стороны от падающей «бабушки».

Дальше все происходило мгновенно.

– Не дыши! – крикнул я и кинулся бежать. Хмель метнулся следом. Два раза негромко щелкнули выстрелы – это парень стрелял из своего длинноствольного револьвера. Одна пуля вжикнула рядом, как показалось, у самого уха. Я на бегу оглянулся – и это была ошибка. Невидимая газовая волна догнала меня. Я еще успел увидеть валяющихся «бабушек», скорчившихся, будто в страстных объятиях, Гольма и девушку-спецназовца, двух оседающих на землю «рабочих» – третий улепетывал, но и он не успевал, ноги у него начали заплетаться, и он полетел вниз лицом на траву...

Потом я отключился. Я абсолютно уверен, что не вдыхал отравленный воздух, но, похоже, хватило и контакта со слизистыми оболочками – в последнюю секунду у меня защищало глаза.

– Ну что, готов? – скептически спросил Старик.

– Полагаю, что да, – я крепко пожал ему руку. – Спасибо... хоть ты и урод, что бросил меня в городе.

Старик усмехнулся.

– А теперь проваливай, – добавил я. – Домой отправлюсь сам.

– Бережешь тайну портала? – понимающе кивнул Старик. – Правильно. И не переживай, если не получится – подумаешь еще, поэкспериментируешь.

– Получится, – твердо сказал я. – Уверен. Проваливай.

Старик без споров вышел из баньки. Я прикрыл дверь, хотел было задвинуть засов, но вовремя сообразил, что если у меня и впрямь получится, то пограничникам придется ломать дверь. Ладно, не будем впадать в паранойю, никто за мной не подсматривает.

Раздевшись, я сложил одежду на скамье. Огляделся в теплой и сырой банной полутьме. Потемневший от времени дощатый пол под ногами, толстые бревенчатые стены с проконопаченными паклей щелями, крошечная масляная лампа-коптилка и пара узких окошечек под самым потолком. Незамысловатый уют пограничной заставы в другом мире...

Я еще раз обдумал последовательность действий. Зачерпнул ковшиком горячей воды из кадки, облил себя раз, другой. Плохая замена душе, но хоть что-то.

Теперь шаг назад... подхватить полотенце... начать растираться... и...

Мокрая нога скользнула по кафельной плитке, я поскользнулся и упал

– через портал назад в свою ванную комнату. Ударился затылком о стену и громко выругался. От яркого электрического света слепило глаза. Какой он, оказывается, пронзительный и неприятный – электрический свет!

Темный круг портала, за которым виднелся угол скамьи и кадка с водой, исчез. Я вернулся из Центрума на Землю. Как и обещал Старик – точно в ту точку, откуда открыл портал в Центрум.

Потирая затылок (шишка наверняка будет), я встал и вернулся в душевую кабину. Хорошо, что воду закрыл, помывшись, не оставил смывать пену от душ-геля, а то накрутил бы мне счетчик изрядный должок... Я повернул кран – на меня полилась теплая вода. Господи, как хорошо то! Есть преимущества у развитой цивилизации!

Смыв с себя пыль чужого мира, я вышел, очень аккуратно вытерся и оделся. Пошел в гостиную и сыпанул рыбкам корма. Хорошо, что у меня рыбки, им несколько дней без еды не страшны. А кошка могла бы и помереть.

Зазвонил мобильный, валяющийся на столе, но как-то уныло, без энтузиазма – прежде чем я успел взять трубку, звонок уже оборвали. Я посмотрел на список пропущенных. Ну ничего себе... пять дней-то всего отсутствовал!

Как ни странно, от мамы было всего два звонка. У меня замечательная мама, она не паникер, и в ее сознании укладывается, что взрослый сын может недельку не звонить и не отзываться на звонки. А вот с работы меня искали раз сто. Включая только что оборванный звонок.

Я вздохнул и перезвонил.

– Иван! Ты с ума сошел? – Константин, лидер нашей группы «Угол падения», начал орать сразу же. – Ты что себе позволяешь? Обкурился? Наколосся?

– Костя, ты же знаешь, наркотиками я не балуюсь, – сказал я.

– Запил? – чуть спокойнее предположил Константин. Похоже, это в его глазах было бы заслуживающим снисхождения обстоятельством. – Тогда резко пить не бросай, белочка придет.

– Я не пью, – сказал я. – Ну, так, во всяком случае, не пью.

– А тогда что? – снова завелся Костя. – А? Я тебя уволю на хрен! Тоже мне, Ринго Стар! Ударников в Москве – как собак нерезаных!

– Костя, а может, у меня что-то случилось? – спросил я. – Какая-то беда, проблема?

– И что случилось? – все еще на взводе продолжал Костя.

– Я случайно попал в иной мир и провел там пять дней. Никак не мог вернуться.

– А говоришь, наркотики не употребляешь, – почти спокойно сказал Костя. – Доиграешься, уволю тебя на хрен...

– Костя, я давно хотел сказать, что у тебя бедный словарный запас, – сказал я. – На хрен, на хрен... Уволю к чертям собачьим, уволю с концами, выгоню на улицу босого и голого... ну много же есть красивых экспрессивных выражений! И в песнях, что ты пишешь, та же самая беда. Язык бедный, канцелярский, суконный... Суконный, кстати, это не от слова «сука», а от слова «сукно».

– Я тебя уволю, – твердо сказал Костя.

– Увольняй, – согласился я. – У меня теперь другая работа.

– Эй, Иван, ты чего? Да перестань залупаться, давай встретимся...

Я отключил телефон. Подумал и набрал мамин номер. Во-первых, чтобы Костя, который сейчас будет перезванивать, нарвался на «занято». А во-вторых, узнать, как у мамы дела, не нужна ли ей какая-то помощь... и предупредить, что я уеду в турне. Нет, не в турне, в командировку. Я взялся за ум, бросил музыку и теперь работаю в серьезной государственной конторе с хорошей зарплатой и нормированным рабочим днем. И никаких вредных привычек у коллег.

Центрум – он и впрямь не отпускает.

Глава 8

– Живой?

Я открыл глаза и посмотрел на Скрипача. Лицо его немного плыло, и взгляд я никак не мог сфокусировать.

Но я видел, слышал, мог пошевелиться. Я лежал на земле, надо мной склонялся встревоженный Скрипач, а над его головой было сумрачное осеннее небо. Значит, мы на свободе.

– Голова болит, – пожаловался я.

Голова болела зверски, причем не в каком-то конкретном месте, в затылке или висках, а вся, целиком. Еще щипало глаза. И горела правая щека.

– Это хорошо, – сказал Скрипач. – Значит, живой.

– И щека болит, – сообщил я. – Ты меня по щеке бил, что ли?

– Ну надо же было как-то привести тебя в чувство, – не смутился Скрипач.

– А почему по одной? – сварливо спросил я. – Одна щека болит, другая нет.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Скрипач и отвесил мне пощечину по левой щеке.

– Дурак, – сказал я, приподнимаясь. Огляделся. Зрение все еще оставалось нечетким, и боль в голове мешала сосредоточиться, но я понял, что мы уже не в парке, а среди каких-то кирпичных пакгаузов, выглядящих заброшенными и пустующими. Мы со Скрипачом укрывались в узком проходе между двумя строениями, Хмель стоял в сторонке, возле рельсового пути. В руках у Хмеля был револьвер – тот самый здоровенный длинноствольный, из которого в нас стрелял спецназовец МИМа. – Мы что, у железнодорожников?

– Сложный вопрос, – сказал Скрипач. – Это спорная территория, за нее идет юридическая тяжба между Клондалом и паровозниками. Уже двадцать с лишним лет идет. Поэтому сюда никто не суется. Я давно это местечко присмотрел, на случай если придется прятаться.

– Как вы меня вытащили? – я попытался встать. Меня пошатывало, но Скрипач подал руку, и я удержался на ногах.

– Да очень просто. Все полегли. Включая тебя, ты какого-то хрена обернулся и вдохнул газа.

– Я не вдыхал. Эта дрянь через глаза всосалась.

– Ни фиги себе! – восхитился Скрипач. – Чья же технология, интересно... Когда мы увидели, что все лежат, то минутку выждали и вернулись. Газ уже рассеялся. Ну, подхватили тебя, чуток карманы воякам почистили... И дали ходу.

Я вспомнил, что у одного из выходов из парка нас ждал кэб, оплаченный на весь день.

– А кэбмен... – я посмотрел на Скрипача и осторожно закончил: – не выдаст?

– Он заболел и попросил нас покататься самим, – сказал Скрипач. – Да не ссы, гуманист! Жив он. Только голова, наверное, болит не меньше, чем у тебя.

– Как-то все нескладно получилось, – вздохнул я. – Спасибо, Ашот. Хмель! Спасибо!

Хмель махнул мне рукой и продолжил стоять на страже.

– Ты бы поступил так же, – просто сказал Ашот. – Что будем делать, Ударник?

– Зови меня Иваном, – ответил я. – Я ведь на самом деле Иван. Ну их, эти клички...

– Как скажешь, – кивнул Ашот. – Ну так что, каков план?

– А почему ты спрашиваешь меня?

Саркисян на миг задумался.

– Не знаю. Но как-то складывается. Я, в общем-то, по натуре не лидер. Мне проще, если кто-то другой решает.

– А я лидер? – возмутился я. – Ударники лидерами не бывают, у лидеров в руках гитара или микрофон... У нас один лидер, его и надо спасать.

– Старик, – кивнул Ашот. – На, выпей таблетку, на тебя смотреть страшно...

Он протянул мне картонную коробочку с белыми таблетками.

– Парацетамол? – глотая сразу пару, спросил я. – Или местная экзотика?

– Обижаешь. Честный анальгин. Водички нет, извини.

Я, давась, проглотил горькие таблетки. Потом сказал:

– А насчет лидера ты не совсем прав. Бобриков, конечно, наш командир. Это верно. Только лидер у нас другой.

Ашот подумал мгновение и кивнул:

– Да, наверное, ты прав. Только Баринава тебе в лицо рассмеется, если ты ее лидером назовешь.

– Ведьма, что с нее взять, – я рискнул сделать несколько шагов. Далось

это неожиданно легко, да и головная боль стала стихать. Таблетки подействовать никак бы не успели, пришлось признать, что неведомый газ не только мгновенно сбивал с ног, но и прекращал действовать быстро. Да, спецслужбы на Земле отвалили бы за такой немалые деньги! А не связанные бюрократическими отчетностями бандиты – еще больше. – Ашот, а ты, случайно, не в курсе, клан Тай-Клёус сейчас не в Антарии?

– Это тот, где подруга... твоя... заправляет? – прищурился Ашот.

– Можно сказать и так, – кивнул я.

Эйжел умоляюще протянула ко мне руки.

– Ньет! Ньет, Удьярник! Нье бросай мьеня!

– Эйжел, – я присел на кровать. Взял девушку за руку. – Давай поговорим серьезно.

– Сьерезно? – удивилась Эйжел. В ее глазах вдруг мелькнул подлинный испуг. – Давай. Ты на меня обиделся, Ударник?

Даже акцент у нее куда-то делся. Я и раньше подозревал, что она коверкает слова нарочно, то ли считая это эротичным, то ли создавая какой-то образ.

– Эйжел, мне кажется, наши отношения зашли в тупик, – произнес я ту фразу, после которой мужчина рискует получить плюху по морде. Только в случае с Эйжел я рисковал больше – она могла и убить невзначай.

– Почему, Ударник?

– Эйжел... ты прекрасная девушка. Ты очень красивая.

– Но? – с интересом спросила Эйжел.

– Никаких «но». Ты очень страстная...

– Слишком страстная, – с горечью сказала девушка. Сбросила мою руку. – Тебе не нравятся... игры?

– Не очень, – признался я. – Вначале было забавно... но я не склонен к садо-мазо.

– Садо-мазо? – удивилась Эйжел.

– У нас это так называют, – пояснил я, не вдаваясь в подробности. – Наручники, плетки, стеки и все остальное.

– Я тебя не била плёткой! – обиделась Эйжел. – Я тебя просила мьеня побить ремешком. Будто я плохая дьевочка, не учу уроки, а ты строгий учитель...

– Неважно, – поморщился я. – Я, наверное, старомодный человек.

Эйжел отвернулась.

Она красивая. Она умная. Она, в общем-то, добрая. Но ее сексуальные вкусы все-таки меня напрягали. Мы встречались почти два года, иногда у

нас, на заставе, но обычно здесь, в небольшой квартирке в съемных апартаментах, где Эйжел проводила время между поездками со своей командой. Все здесь было знакомо, мило и уютно... и, кстати, ничуть не выдавало пристрастия девушки.

– Давай я не буду делать тебе больно, – сказала она тихо. – И ругать тебя не буду. Ты будешь мой господин и повелитель. А я буду твоя верная рабыня. Но непослушная. И ты меня будешь наказывать... да?

– Эйжел... – я погладил ее по спине, задержал руку между лопатками, слегка сжал пальцы. – Пойми, дело не в том, что ты причиняешь боль мне. Дело в том, что я вообще не хочу боли... в этих отношениях.

– В отношениях мужчины и женщины всегда есть боль, – резко сказала Эйжел. – Только она иногда в душе, а иногда в теле. Лучше в теле.

– Лучше вообще без боли.

– Так не бывает, – тихо сказала она. Посмотрела на меня через плечо, вздохнула, тряхнула головой. – Я знала, что так будет, Ударник. Ты третий мужчина, которого я полюбила. И два раза уже все кончалось так.

– Эйжел, наверняка ты встретишь того, кто...

– А мне не нравятся те мужчины, которые хотят, чтобы я ими командовала и была! – с искренней болью сказала Эйжел. – А те, кто хотят меня бить и мной командовать, совсем не нравятся! Я одного такого даже убила, испугалась!

Она всхлипнула и извиняющимся тоном добавила:

– Но он был совсем плохой, маньяк. Я потом узнала, он несколько девушек убил до смерти.

Да, ситуация. Угроздило меня завести роман с девушкой садо-мазо наклонностей... А теперь как в анекдоте: «Помучь меня, помучь! Нет, не буду...»

– Мне очень жаль, Эйжел, – повторил я беспомощно.

– Но вначале тебе нравилось, – мрачно сказала она. – Когда я просто царапалась и кусалась.

– В принципе нравилось, – согласился я не очень уверенно.

– Надо было мне сразу тебе объяснить, как я люблю делать секс, – Эйжел вздохнула. – И не было бы боли... в душе.

Она очень красиво смотрелась на кровати, застеленной черным сатиновым бельем. В ее народе не принято загорать, и, несмотря на все свои поездки, кожа у Эйжел была очень белая – только ладони и лицо загорелые. Будто глухая маска и грубые перчатки, надетые на нежную и невинную девушку. В общем-то, в каком-то смысле так оно и было.

– Я тебя отпускаю, – решила Эйжел. – И мы не поссоримся. Хорошо?

Мы останемся друзья. И, может быть, любовники... иногда? Если ты захочешь.

– Да, Эйжел, – пробормотал я, чувствуя себя сволочью.

– Но я отпущу тебя завтра утром, – торжественно сказала Эйжел. – А сейчас ты должен будешь меня наказать, потому что я плохая, плохая, плохая девчонка. Очень скверная. Я заставила тебя грустить, и я хочу быть грубой в постели, и ты не должен прощать такое поведение... сразу не должен!

Грациозным движением она вытянулась на кровати и посмотрела на меня – совершенно другими, испуганными глазами. Одной рукой она прикрывала груди, другой лобок – хоть рисуй с нее картину «Смущенная невинность».

– Удьярник, не наказывай мьеня сильно...

Что ж, если женщина просит...

– Ты очень нехорошая девчонка, – сказал я сурово. – Ты меня ужасно расстроила и придется тебя наказать...

Железная дорога в Центруме – это государство в государстве. Точнее – государство среди территорий, которые пытаются государствами стать, но пока этот путь не прошли. Когда весь Центрум накрыла «пластиковая чума», только железнодорожники оказались, во-первых, достаточно сплоченными и организованными, во-вторых – всем позарез необходимыми, в-третьих – ценными лишь в том случае, если останутся единой организацией, в-четвертых – у них, запасливых, оказалось достаточно старых паровозов, в которых пластмассы отродясь не было. Ну и, конечно, сыграл свою роль фактор руководства – оно оказалось и в меру популистским, его поддерживали все, начиная от рядовых обходчиков и кончая директорами депо и станций, и в меру жестким – чтобы отстоять свою позицию перед внешним миром.

Когда развалившееся на кусочки государство билось в агонии, когда возникали новые границы и правительства, безумствовали банды головорезов и шайки мародеров, когда цена человеческой жизни упала до нуля, железнодорожники ухитрились выжить, отстоять свои права – и добиться новых. Когда власть на местах более-менее окрепла, сделать что-либо было уже невозможно – любая попытка обуздать железнодорожников, подмявших под себя всю необходимую им инфраструктуру, от угольных шахт и до сталеплавильных заводов, грозила жестокой и беспощадной блокадой. А существовать друг без друга территории Центрума не могли.

В России, когда развалился Советский Союз, было что-то подобное.

Железные дороги сшили трещавшую по швам страну и не дали ей развалиться окончательно. Только у нас власть опомнилась быстрее и поумерила аппетиты своим спасителям.

Рядовые граждане железнодорожников любили. Попасть к ним на работу было мечтой многих. Рабочие мечтали стать хотя бы кочегаром или обходчиком. Инженеры и ученые стремились на заводы, производящие паровозы и вагоны. Учителя хотели учить детей железнодорожников, а врачи – работать в их больницах. И даже отпрыски богатых и знатных родов по всему Центруму мечтали занять видное место в руководстве железной дороги (кто-то искренне считал это хорошей карьерой, а кто-то, наверняка, рвался туда по заданию властей). У железнодорожников не было армии, но они имели право на ношение оружия и пользовались им без зазрения совести. У них была своя служба безопасности, свой суд и своя тюрьма – разумеется, это была тюрьма на колесах, тюремный поезд с веселым названием «Стук-постук». Руководство железнодорожников, кстати, тоже не сидело на месте – по всему Центруму курсировали три роскошных поезда, в которых обитали Старший Машинист, Старший Диспетчер и Старший Инженер. Поездам было запрещено одновременно находиться на одной территории, а охране их позавидовал бы и парламент Клондала. Ходили слухи, что где-то далеко в глубине Пустошей (места назывались разные) у железнодорожников есть свой тайный город, уютный как райский сад. Там живут железнодорожники-пенсионеры и семьи высшего начальства. Там ведутся самые секретные исследования, там стоят в ожидании приказа сверхмощные бронепоезда, способные при необходимости ехать по земле, а не по рельсам, там живет таинственный Старший Кочегар – который и правит всей дорожной империей. Так ли это или нет – я не знал. Но стариков-железнодорожников я в Клондале действительно не встречал, так что слухи могли и не врать.

Свою монополию железнодорожники берегли ревниво. Во всех крупных городах они бесплатно строили детские железные дороги – маленькие паровозики и пара вагонов катались по узкоколейному пути, но это было единственное, что они выпустили из рук. Да и то с понятной целью – отбирать талантливых ребят, имеющих склонность к железнодорожному делу. Ну и крупным шахтам-заводам могли построить крошечные пути, содрав за это немалые деньги. Единственным исключением был узкоколейный бронепоезд, построенный и переданный пограничной страже. Поездная бригада, впрочем, на нем все равно была железнодорожная, «арендованная». Да и отношения между нами и железнодорожниками всегда были более теплыми, как и положено

организациям, пытающимся сохранить свою независимость от окружающего мира.

Вот эти дружелюбные отношения и были теперь для нас камнем преткновения. С одной стороны – с железнодорожниками Клондала мы были друзьями. С другой стороны, если Главный штаб обратился за помощью не только к местным властям, но и к начальству железнодорожников, то и они нас могут мигом арестовать.

Клан наемников, хоть и работающий на железку, но прямо к ним не относящийся, мог быть нашим спасением. С другой стороны – наемник потому и наемник, что работает за деньги, продаст – и глазом не моргнет. Но вроде как я с Эйжел в хороших отношениях. Но при этом – в свое время наш любовный роман разбился о быт... о скрипящую кожу, наручники, кляпы, плетки и все прочее, что нравилось Эйжел.

В общем – выхода не было. Надо было рисковать.

* * *

Казармы наемников, что-то вроде бесплатной гостиницы при железной дороге, стояли недалеко от станции, на территории, арендованной железкой у города. И паровозники, и городские власти твердо считали, что казармы – под их юриспруденцией. Поэтому ни те ни другие туда не лезли, а порядок поддерживали сами наемники – отставники-военные с Клондала, горные кланы с окраин Краймара, чуть цивилизовавшиеся кочевники с Пустошей (большинство из них никто в здравом уме не рискнул бы нанять в качестве охраны, но было несколько родов, которые на протяжении нескольких поколений продавали свои ружья и кровь за деньги, придерживаясь странного, но все-таки понятного кодекса чести), беглецы из Сургана – последнее время власть на этой территории становилась все авторитарнее и авторитарнее, многим это не пришлось по душе. Народ там менялся постоянно, от разнообразия лиц, одежд и вооружений рябило в глазах – так что я рискнул пойти в казармы, особо не маскируясь. Какой-нибудь дурацкий капюшон на голове или попытка загримироваться привлекли бы внимание куда с большей вероятностью.

Так что я совершенно открыто, неторопливо и даже вежливо кивая встречным, прошел мимо рядов старых двухэтажных домов из красного кирпича, где селились наемники, пропустил выходящую из кабака «Шпалы и гравий» пьяненькую компанию и вошел внутрь. Это был именно кабак, не чинный паб из центра Клондала и даже не забегаловка с рабочей

окраины. Пиво здесь, конечно, тоже пили, но предпочитали напитки крепкие и действенные – водку (лучшую, на мой взгляд, делали в Оннели и Аламее, хоть и она отдавала сивухой), «граппу» и крепленые вина из Джавала, самые дешевые сорта клондальского «виски». Вышедшая компания была как раз из уроженцев Джавала, нечастых гостей среди наемников – смуглые, черноволосые, говорливые, как все южные народы.

Внутри «Шпал и гравия» было накурено и шумно. Как и положено в подобном месте. Добавить какую-нибудь драку со швырянием стульев, битьем бутылок и стрельбой из револьверов – получился бы салун времен Дикого Запада. Но драк здесь не бывало никогда. Если вокруг все вооружены и умеют пускать в ход оружие – достаточно одной потасовки с перестрелкой, чтобы народ потерял к ним вкус на долгие годы. Если уж кому-то было невтерпех выяснить отношения – люди уходили на пустыри вдоль железки. Иногда с таких разборок возвращались не все.

На самом деле все места, где собираются по-настоящему опасные люди, абсолютно безопасны. Конечно, если соблюдать принятые там правила поведения.

Я прошел к барной стойке – никто даже не повернул головы в мою сторону. Любопытствовать, во всяком случае открыто, здесь тоже не принято. Во-первых, можно встретиться взглядом с врагом – и тогда уж точно придется выяснять отношения. Во-вторых, многие из присутствующих имели с законом сложные отношения, но сдавать их никто, конечно же, не собирался. Куда проще честно ответить полиции «нет, никого не видел, сидел в углу и пил», чем открыто врать.

– Виски, – сказал я, кладя на стойку купюру в двадцать талеров. В Клондале параллельно ходили деньги бумажные и из драгоценных металлов. Теоретически, курс был одинаков. На практике – ассигнация в двадцатку стоила десять серебряных талеров и всего пять золотых. Какого дьявола власти Клондала терпели такие странные курсы, я не знал. Может быть, это как-то было связано с тем, что государственным чиновникам, как правило, деньги выдавались «металлом»?

Но даже двадцать талеров – это пять золотых. Это серьезные деньги, можно кутить в кабаке весь вечер, да еще и угощать окружающих пивом.

– Что еще? – не поднимая глаз, спросил бармен, молодой и франтоватый парень. «Шпалы и гравий» были семейным бизнесом, кабак принадлежал его отцу.

– Ничего.

– Сдачи нет, – буркнул бармен, что было явной и откровенной ложью.

– И не надо.

– Так не бывает, – по-прежнему не глядя на меня, ответил бармен. – Что еще?

– Эйжел из клана Тай-Клёус.

– Сам найти не можешь? – поинтересовался бармен, но положил руку на купюру и взял с полки бутылку приличного (хоть и не самого приличного) виски.

– Могу. Но надо здесь, сейчас и в отдельном кабинете, – сообщил я.

Бармен секунду подумал, наливая стакан на два пальца, потом сдвинул купюру обратно.

– Выпивка за счет заведения, Ударник. С остальным не получится.хлопот много, да и кровь оттирать желающих нет.

Я парня видел лишь раз и мельком, но он, оказывается, меня знал. Интересно, чего касалось замечание про кровь – характера Эйжел или сложности наших отношений?

С искренним сожалением опустив руку в карман, я добавил на стойку еще двадцатку.

Бармен задумался.

Я доложил десятку и честно сказал:

– Все, я пустой.

– Второй кабинет, – неохотно сказал бармен. – Но я ни за что не ручаюсь, понял? Эйжел здесь, вечером пьянствовала со своими за полночь. Перед работой они так не гуляют. А вот захочет прийти или нет – твоя проблема. Деньги, если что, назад не верну!

– Договорились, – сказал я и, перегнувшись через стойку, взял бутылку, в которой еще оставалась добрая половина.

Бармен первый раз посмотрел на меня. Ухмыльнулся и сказал:

– Только потому, что ты классно стучишь, Ударник. Я пацаном был, когда ты в «Кремне и льне» появился. Как вспомню «Дым над водой» – мурашки по коже идут!

Он поставил на стойку еще один стакан и бутылку с водой. После чего ушел в подсобку. Вряд ли он сам отправится за Эйжел, скорее, кого-то проинструктирует и пошлет. Кого-нибудь безответного, чтобы не отказался, и жалкого – чтобы разбуженная с похмелья Эйжел не пришибла, кухонного мальчишку, к примеру. Впрочем, Эйжел девушка не сентиментальная, однажды Дед ее ухитрился достать – так она в две секунды его скрутила, сняла ремень и так отходила по заднице, что пацан неделю спал на животе.

Глава 9

Это был редкий случай, когда Дед (может, кто-то из наших и знал его настоящее имя, но я в их число не входил) разоткровенничался.

Мы с ним сидели в секрете. Маленький овраг (после катаклизма почва Центрума оврагами изобиловала) располагался очень удачно для наших целей. Несколько самых активных точек, куда выбрасывало людей на подотчетной нам территории, были отделены от Антарии расселинами, зыбучими песками, высокими холмами и засоленными болотцами. Понятное дело, что настоящему контрабандисту это все не препятствие, но настоящих у нас случалось немного. А вот случайно попавший в Центрум человек, выбирая короткий путь к столице (небо здесь чистое, ночью зарево над городом видно издалека), почти наверняка выходит к овражку.

Где мы их и брали.

Еще одним плюсом этого места был выход подпочвенных вод. По оврагу струился чистый родничок, вокруг негоросло зелени, некоторые деревья уже вымахали метров на десять. На одном из таких, на мой взгляд – неотличимом от земного дуба, хотя Калька клялась, что разница заметна невооруженным глазом, и был устроен наш секрет – скрытая в ветвях деревянная платформа с веревочной лестницей, которую можно было втянуть наверх. Со стороны нас никак не заметишь, скрытно не подойдешь, позиция была удобная и для наблюдения, и для обороны.

А сейчас мы точно знали, что в Пустошах появился человек, и Старик с Иван Иванычем и Калькой гонят его на нас. Судя по всему, это был человек в Центруме уже не случайный, но и не настоящий контрабандист. Так, авантюрист, обнаруживший в себе способность переходить в иной мир, снарядившийся как следует (точнее – как не следует, но он этого еще не понял) и теперь играющий в первооткрывателя.

– Если через два часа не появится, я уйду, – сообщил Дед. Мы лежали на платформе, оглядывая в бинокли Пустоши.

– Чего так? – спросил я.

– Контрольная сегодня, – с отвращением сказал Дед. – Блин. Зачем мне эта математика? Я считать хорошо умею! А инженером или ученым все равно не стану, я пограничником всегда буду.

– Для общего развития, – сказал я ту взрослую мудрость, которая сразу вызывает у детей желание никогда не взрослеть.

Дед фыркнул. Отложил бинокль, глотнул воды из фляги, лег на спину,

мечтательно глядя в небо. И неожиданно сказал с искренним чувством:

– Как же я нашу Землю ненавижу! И Россию тоже. И Смоленск.

– Ты из Смоленска? – сообразил я. – А Москву?

– Москву – больше всего ненавижу! – сказал Дед. Помолчал и добавил: – А сильнее всего – детский дом.

То, что Дед живет в интернате, мы не обсуждали, но, в общем-то, подозревали. Как иначе пацан мог бы непрерывно исчезать из нашего мира на день-другой? Любые родители рано или поздно решат сменить обстановку и переедут на другой конец страны, или надавят на мальчишку так, что он расколется. Либо интернат, где на него махнули рукой и «не замечают» отлучек, либо совершенно деградировавшие родители, алкоголики или наркоманы.

– Дед, а зачем тогда ты возвращаешься? – удивился я. – Если тебя на Земле ничего не держит...

– Держит, – коротко ответил Дед. Кажется, он уже пожалел о секундной откровенности.

– Тогда надо кому-то из наших тебя усыновить, – подкинул я идею.

Дед покосился на меня и подозрительно спросил:

– Ты, что ли, предлагаешь? А вдруг ты извращенец?

– А вдруг ты пироман и сожжешь ночью квартиру? – спросил я. – Нет, я не предлагаю, на фига мне такая ответственность. И не гожусь я тринадцатилетнему парню в приемные отцы ни по возрасту, ни по складу характера. Вот Ведьма – она тебя любит, возьмет к себе, если попросишь.

– Она предлагала уже, – вздохнул Дед. – Но она же запилит, она строгая... Вот если бы Калька...

Мы дружно засмеялись.

– К ней я и сам на усыновление готов попроситься, – согласился я. – Но она... – я осекся.

– С прибабахом, – согласился Дед. – Как и я. – Он снова взял бинокль и стал обозревать окрестности, потом пробормотал: – Спасибо, Ударник.

– За что спасибо-то? – не понял я.

– За участие. Нет, не могу я к нашим податься, у меня причины есть. Но ты добрый.

Такие разговоры были настолько нехарактерны для Деда, что я даже рискнул потрепать его по голове, а Дед сделал вид, что этого не заметил. Несколько минут мы обозревали окрестности. Я скользил биноклем по унылому пейзажу Центрума и размышлял о своих товарищах.

Вот интересно, кто они мне? Коллеги? Друзья? Или братья по оружию?

Все очень разные. Все очень странные. Ни с кем из них на Земле я бы не сошелся, а вот Центрум нас спаял накрепко...

Старик. Таких называют «хитрованами». Едкий, ироничный, начитанный и образованный... хотя как-то бессистемно... искренне о нас всех заботящийся, но и любящий помыкать. В армии я не служил, но мне казалось, что в Старике есть что-то от старшины или прапорщика, который себе на уме, но и бойцов своих рассматривает как ценное имущество и готов за них костями лечь. Друг он мне? Ну... скорее, товарищ. Старший товарищ. Надежный. Несмотря ни на что.

Ведьма. Ох, не простая она старушка... С заставы отлучается редко, торчит на ней неделями, видно – никто уже дома не ждет. Вроде как командует только по хозяйству – кто будет пол мыть, а кто в Антарию за продуктами отправится, но почему-то и в серьезных делах все напряженно ждут ее слов. При матриархате такая была бы матерью рода. И другие племена нашему бы завидовали. Она, конечно, мне не друг и не боевой товарищ... она именно бабушка. Мои, так уж случилось, умерли давным-давно, я их и не помню. А Ведьма такая, какой я хотел бы видеть собственную бабуку.

Калька. Умница, красавица. С какой-то очень сильной болью внутри. С явно нехорошим прошлым... вроде как она с ним развязалась – Старик говорил, что первые полгода на заставе Калька бешено зарабатывала деньги, переводила их в золото и утаскивала на Землю. Даже при наших вольных нравах Старик ей пару раз устраивал промывание мозгов за махинации с контрабандой. Потом подуспокоилась, видимо, решила свои «внешние» проблемы, а вот внутренние остались – и открытие врат только когда ее ругают почем зря, и резкая, практически рефлекторная неприязнь к любым телесным контактам с мужчинами (даже когда пожимают руку при встрече – видно, что это она себя пересиливает). Все мы, конечно, Кальку воспринимаем как красивую девушку и немного начинаем петушиться в ее присутствии, тем более что, несмотря ни на что, Кальке это явно нравится, но никому ничего не светит. Ни пионеру и ни пенсионеру. Друг она мне? Или сексуально привлекает? Скорее – непутевая родственница. Достаточно дальняя, чтобы поглядывать на фигурку с интересом, но достаточно близкая, чтобы только поглядывать.

Скрипач. Вот он, пожалуй, почти что друг. Но это тип людей такой, который быстро становятся хорошими знакомыми, потом – приятелями, потом – почти друзьями. В разряд настоящих друзей они переходят редко, но только потому, что у них очень-очень-очень много почти друзей, между всеми им не разорваться. Но если подружишься – то это будет настоящий

друг, который со всем кавказским темпераментом станет тебя хвалить, ругать, горой за тебя стоять, а если надо – то и затрещину по-дружески отвесит. Да, Скрипач – почти друг.

Иван Иваныч – тоже почти друг. Ну или хороший приятель. Просто по той причине, что молчит. Зато слушает замечательно, ему можно что угодно рассказывать, он будет кивать, улыбаться, мимикой и жестами выразит свое ощущение, при этом у тебя даже неловкости не будет от того, что ты умеешь говорить, а он – нет. Если бы он заговорил, мы бы точно стали друзьями.

Ну и Дед. Мальчишка, воришка и страж закона одновременно (было у меня сильное подозрение, что со своим прошлым парень так и не завязал до конца). Грубоватый, порой наглый, порой дурашливый. Но как ни странно, вот он как раз – ближе всего к понятию друга. Не младший брат, не нуждающийся в опеке «сын полка», а именно боевой друг. Наверное, это означает, что я сам – инфантильный и безалаберный человек. Но что поделать, мы таковы, каковы мы есть.

– Вот он чапает! – азартно сказал Дед. – Глянь, Ударник! На восемь часов!

Я повернул бинокль и увидел нарушителя. Тот как раз остановился, чтобы напиться, и с удивлением изучал пластиковую бутылку. Видимо, первый раз видит, как пластмасса в Центруме превращается в белесые пузырящиеся сопли.

– Думаю, стрелять не придется, – решил Дед. – Возьмем тепленьким. Ударник, если у него ружье хорошее – оно мое!

– Ты вначале возьми, – пробормотал я. – А вдруг у него портал мгновенный и большой?

Но мы его взяли без всяких проблем. Это и впрямь оказался авантюрист-одиночка, он с энтузиазмом воспринял мысль стать пограничником, месяц кантовался с нами, но для его натуры у нас было скучно, так что он перебрался на другую заставу, куда-то в Аламею.

А ружье у него было паршивое, с таким только на уток охотиться. Дед сам не захотел его брать.

Кабинеты в «Шпалах и гравии» были небольшими, но универсальными. Имелся и стол с несколькими стульями, и мягкий диван – вроде как предназначенный для спокойного отдыха, рядом с ним стоял курительный столик с пепельницей и стойка со старыми газетами и журналами. Но все прекрасно знали, что диван раскладывается, а внутри, в ящике, лежит чистое постельное белье.

Что поделать – казармы-общежития уединения не гарантировали, а жизнь есть жизнь. Среди наемников были и мужчины, и женщины, да и проституция в Клондале хоть и не была разрешена официально, но и особо не скрывалась и не табуировалась.

В ожидании Эйжел (или бармена с известием, что посыльный получил по уху и вернулся один) я развалился на диване и цедил виски, разбавляя его водой. Технология производства виски в Клондале была один в один как в Шотландии. Торф, ячмень, солод, перегонные кубы... Более того – клондальский виски был только солодовым, никакое зерно, кроме местного ячменя, абсолютно похожего на земной, не использовалось. И все-таки вкус отличался разительно. Он был не то чтобы хуже – просто другой.

Кстати, однажды я попытался смешать его с кока-колой, протащив в Центрум упаковку жестяных банок. Результат был просто тошнотворный. А вот с тоником, вопреки всякой логике, он смешивался прекрасно...

Дверь кабинета отворилась. Я вскинул голову и увидел Эйжел. Девушка мрачно смотрела на меня. Я молчал.

Наемница прикрыла дверь, подошла ко мне. Я попытался угадать, что меня сейчас ожидает – крепкое рукопожатие, затрещина или презрительный ледяной тон. Судя по всему – последнее...

Эйжел плюхнулась ко мне на колени, крепко обняла и страстно поцеловала. Я едва успел отставить стакан.

– Ударник...

– Эйжел...

– Чьто стьяслось? Чьто ты натворишь? Чьто ви натворили?

Вопросы не мешали ей жарко целовать меня, прижимаясь всем телом. Несмотря на неуместность ситуации, я понял, что меня это возбуждает.

– Эйжел... Послушай меня. Да послушай же!

Она отстранилась и села рядом с видом послушной девочки. Шмыгнула носом. Пожаловалась:

– Я скючала... Очьень... Говорь!

Пока я рассказывал (максимально кратко, даже упустив наше сборище и совещание в Москве – что для Эйжел эта незнакомая Москва в мире, куда она никогда не попадет), Эйжел налила себе виски и выпила залпом, потом смешала с водой и, забравшись на диван с ногами, принялась попивать. Слушала она, впрочем, очень внимательно.

– Нас кто-то подставил, – закончил я. – Не знаю, зачем. Но мы должны спасти остальных, а потом уже разберемся.

– Ты уверен, что вас подставили? – Эйжел снова заговорила чисто, без всякого акцента. – Ударник! Пограничный штаб – серьезная структура. Ты

даже не представляешь, насколько серьезная!

– Да уж, не представляю, – фыркнул я. – Откуда мне знать-то?

– Тебя никогда не удивляло, что большинство пограничников – земляне? – спросила Эйжел, понизив голос.

– Ну... – я развел руками. – Так уж сложилось. Наш мир наиболее развит технически, нам проще достать хорошее оружие, да и более сложную технику для коротких акций. Мы умеем переходить из мира в мир, а это очень важно для нашей работы.

– Допустим. Но какую границу вы охраняете?

– Мы охраняем территории Центрума... – я замолчал.

– Ну да. Из свойственного землянам альтруизма! – Эйжел презрительно улыбнулась, демонстрируя свое мнение то ли о землянах, то ли об альтруизме в целом. – Или ради прибыли? Ради прибыли вы бы оседлали потоки контрабанды между мирами.

– Что ты хочешь сказать?

– Ударник, двести лет назад весь Центрум уже был покрыт сетью железных дорог, а в воздухе летали первые самолеты. Он опережал вас в развитии... – Эйжел прищурилась, – лет примерно на сто. Так?

– Ну, наверное, – кивнул я.

– А потом произошел катаклизм. Вы его называете «пластиковой чумой», а в Центруме его называют «праздник мертвых». Знаешь, почему? Потому что люди завидовали мертвецам. Потому что огромная страна оказалась разрезанной на кусочки, из каждого угла вылез монстр, из каждого человека – зверь, а из каждого шкафа – скелет... Потому что в одних краях хватало еды, но обычная холера косила народ подчистую. А в других краях были лекарства, иногда даже техника... но не было еды.

Она помолчала. Добавила:

– У горцев не было еды. Горцы – потомки шахтеров из горных поселков. Вокруг еды тоже было мало. Но шахтеры крепкий народ... они спускались за едой в долины, грабили... уносили все, что могли найти... уводили скот... и людей тоже уводили. Моя мать однажды сказала, что в детстве пробовала человечину. А бабушка и не стеснялась, до сих пор вздыхает, что кланы перестали жить набегами и приводить «двуногую скотину». Она совсем из ума выжила... я ее, наверное, сама прибую, если вернусь в горы и найду живой.

Меня передернуло. Да, я знал, что после катастрофы горные кланы занимались грабежом, упоминалось и про людоедство. Но Эйжел этой темы не касалась.

– И не мы одни такие, – продолжала Эйжел. – Ну да, в Клондале еды

хватало, не роскошествовали, но уж миску похлебки каждый нищий мог получить. Зато что пришлось пережить, чтобы стать главной мастерской Центрума... Дети у простонародья работают с пяти лет. У кого получше с координацией движений – на фабриках и заводах. Те, что посильнее, – на шахтах. Вначале кусочки угля и руды подбирают, потом и кайло берут. У самых умных есть шанс попасть в обучение на инженера, но только если очень повезет. Простолюдины доживают до сорока – сорока пяти лет. Их косит силикоз, травмы, интоксикации. Это цена выживания Клондала. Зато элита живет на широкую ногу. Все красиво, цветы благоухают, на балах ведутся умные разговоры... Так везде, Ударник. Наш мир двести лет назад упал в пропасть – и до сих пор выкарабкивается. Если бы не то, что мы – перекресток всех миров, то не выкарабкались бы вообще. Бегали бы по Центруму пещерные люди, жрали друг дружку...

– Я понимаю, Эйжел...

– Ты не понимаешь другого! – девушка сверкнула глазами. – Пластиковая чума принесена извне. Центрум сознательно уничтожили, причем уничтожили по уму, аккуратно, чтобы он не обезлюдел совсем, не стал непригоден для жизни... ведь мы – единственный путь из мира в мир.

– Ну, слышал я такую версию, – кивнул я. – Правдоподобно. Но не доказано! Может, ваши ученые сами получили вирус... или создали каких-нибудь нанороботов...

Эйжел фыркнула.

– Центрум тогда был гораздо умнее вас, Ударник. Но до нанороботов и искусственных вирусов не дорос. Вы и сейчас неспособны такое создать, а в Центруме был уровень развития как в начале двадцатого века на Земле... Это кто-то другой. Очаг...

Эйжел сжала кулаки.

– Хорошо, Очаг, – кивнул я. – И что с того?

– С того, что вы – следующие, – спокойно ответила Эйжел.

Я налил нам обоим виски. Привлек к себе Эйжел – и она удивительно легко подалась, прижалась ко мне.

– Рассказывай, девочка, – попросил я. – Не пойму, к чему ты клонишь, но уж если начала – расскажи все.

– У меня был... есть знакомый, – неохотно сказала Эйжел. – Из штаба Пограничного корпуса... из службы внутренней безопасности...

Несмотря ни на что, я ощутил короткий укол ревности. Задавил его и продолжил слушать.

По мнению Эйжел, которое опиралось как на ее наблюдения и размышления, так и на слова неведомого «знакомого», сразу после

катастрофы в Центруме многие земляне заподозрили, что «чума» имеет не природное происхождение. Может быть, у них были к тому какие-то особые основания, может быть, нет – но пользуясь неразберихой и паникой, царящей по всему Центруму, группа землян предложила властям нынешнего Сургана организовать «Корпус пограничной стражи». Костяк ее составили русские и французские добровольцы (похоже, все они были членами какой-то земной тайной организации, вроде масонской ложи), потом стали прибывать немцы, американцы, повалил народ и из других уголков Земли. Но, кстати, и по сей день официальным языком пограничной стражи был французский, а звания пограничников – старыми русскими.

Когда власти Сургана поняли, что пограничники, вначале числившиеся за «дружелюбных дикарей», не только помогают жителям Центрума, но и преследуют свои цели, было уже поздно – те закрепились, обвыклись, расхватили остатки технологий Центрума (именно они обеспечили резкий научно-технический прогресс Земли в девятнадцатом веке и начале двадцатого), и выгнать их стало невозможно. В роли «дружелюбных туземцев» оказались жители Центрума, а земляне – в роли благодетелей-колонизаторов. Земли, которые занимали пограничники, были выкуплены у местных властей или взяты в долгосрочную аренду, местные власти были прикормлены... в общем – пограничникам никто не мешал. Крошечный островок земли в степях между Сурганом, Клондалом и Краймаром, где разместился Главный штаб Корпуса, стал де-факто экстерриториальным образованием, которое «благодарные жители Центрума» предоставили пограничной страже в аренду на «999 лет с правом продления». Когда-то там стоял маленький городок Марине – к земному имени или латинскому слову это название никакого отношения не имело, моря там не было и в помине. Вольный перевод с древнесурганского языка давал что-то поэтичное, вроде «Край высокой травы», но все прекрасно знают, насколько «точные» такие переводы. Но то ли благозвучное и на русский, и на французский слух слово понравилось, то ли расположение между тремя самыми могучими территориями Центрума привлекло – но именно там размещался штаб, академия и прочая инфраструктура пограничников. Я в Марине, кстати, не бывал ни разу, да и никто из нашей заставы, если мне не изменяла память. Городок разросся, очень ценил свое привилегированное положение и занимался исключительно обслуживанием пограничников. Ну и шпионажем за ними, наверняка – политику никто не отменял и в Центруме.

Но наше руководство обидки и излишнее любопытство местных

властителей не смущали. Как ни крути, мы и впрямь помогали жителям Центрума поддерживать порядок. Вот только основная их цель, по мнению Эйжел, была другой – найти тех таинственных врагов, что уничтожили цивилизацию Центрума.

Не из желания заступиться за центральный мир, разумеется. А чтобы не допустить такой же катастрофы на Земле. Ибо наш мир стремительно догнал Центрум в эпоху его расцвета (пусть даже и пользуясь их технологиями), после пошел дальше. И не было никаких оснований полагать, что цивилизация, безжалостно повергшая в хаос и варварство один мир, сделает исключение для другого – нашего.

– Хорошо, – сказал я, дослушав Эйжел. – Верю. Наверное, это правда, не спорю. Но мы же вам не враги? Ты же сама понимаешь – земляне этого не делали. Ручки у нас были коротки для такого... да и сейчас не длиннее.

– Не враги, – спокойно подтвердила Эйжел. – Но враги – они есть. Я знаю. И если твое начальство из штаба вдруг решило арестовать целую заставу, тут только одна причина может быть. Кого-то из вас подозревают... в работе на Очаг!

Хорошо она сказала «Очаг». Выделила слово. Заглавная буква даже в речи литаврами прогремела. Я засмеялся. Эйжел надула губки, но терпеливо ждала.

– Кого, Эйжел? – спросил я. – Мы все – земляне. Это раз! Все! Я всех наших видел на Земле, жители иных миров не могут там оказаться.

– Могут, если кто-то из ваших проведет, – поправила Эйжел.

– И что? Кто-то из наших работает на врага, который уничтожил один мир и готов уничтожить наш, родной и любимый? Пособничая ему либо так, либо эдак? С чего вдруг?

– А ты уверен, что все вы обожаете ваш мир? – спросила Эйжел. – И потому вы, пограничники, так мало в нем живете, все больше у нас?

Я замолчал.

– Больше скажу, – продолжала Эйжел. – Эта твоя «странность»... что ползаставы арестовали, а на вас вдруг болт забили. Знаешь, что это значит? Среди арестованных был тот, кого хотели взять. Вы им уже не нужны, перед вами, может быть, вообще извинятся и новые звания присвоят.

– И кто понял, что среди арестованных – враг? Спецназ Клондала?

– Операцию проводила Служба собственной безопасности пограничников, – сказала Эйжел. – Три дня назад прибыло пять человек литерным поездом. Клондальский спецназ – тьфу. Мясо. Залили заставу газом, потом передали спящих вашим людям. Те нацепили пленным наручники, спешно ринулись на вокзал и своим поездом рванули в Марине.

Я пристально посмотрел ей в глаза.

– Что я, дура? – спросила Эйжел. – Что у меня, ушей нет, глаз нет? Или они на жопе крепятся, а голова отсутствует? Я одному рада – что ты на свободе. Значит ты – не из врагов. Ты наш. Хороший. Только наивный.

– Ерунда, – сказал я как мог твердо. – Ерунда, Эйжел. Я всех наших знаю как облупленных. Никто из них не предатель... тем более всего человечества.

Эйжел пожала плечами. Вздохнула.

– Ну что, я тебя предупредила, Ударник. Хорошо, если ты прав. Хороший ты человек. Но мой совет – прежде чем натворить глупостей, свяжись с вашим штабом и спроси, что происходит. Уверен, тебе честно ответят.

– Или посадят за решетку, – кивнул я. – Спасибо за предупреждение... и за совет. Наверное, мне можно ни о чем тебя и не спрашивать... извини, что помешал отдыху.

Эйжел помолчала, потом спросила:

– А что там... на заставе? Ее хоть не спалили?

– Нет. Все перерыли, людей увели, пса пристрелили... Разгром и запустение, возвращаться не хочется.

– А я бы предложила сходить, – сказала Эйжел. – Хочешь, вместе сходим? Я умею искать. Может быть, пойдем, из-за чего ваших арестовали.

– Нет, Эйжел, – я покачал головой. – Нечего там искать, и возвращаться я не стану, времени нет. Мне надо в Марине...

– Понятно... – Эйжел задумалась, поглядывая на меня. Потом спросила: – Ты хотел узнать, помогу ли я отбить ваших ребят?

Я молча кивнул.

– Конечно, помогу, – кивнула Эйжел.

– Что? – растерялся я.

– Помогу, – повторила девушка. – Марине штурмовать не стану, это смешно, а вот по пути отбить – помогу. Только надо придумать, как догнать погранцов. У них литерный, у них золотой пропуск от железнодорожников, им всюду зеленый семафор; вода и уголь в паровоз в первую очередь из резерва станции. Выехали они этой ночью, примерно пятнадцать часов назад. По железке мы их никак не догоним. Если придумаешь, как догнать, – поможем.

– Самолет бы... – пробормотал я, прекрасно понимая, что это нереально. Ни я, ни Скрипач, ни Хмель не сумеем протащить в Центр самолет – даже если добудем его на Земле. И управлять не сумеем. А просуществоует он здесь от силы несколько часов, да и то, если найти самый

старый, примитивный, и как-нибудь максимально герметизировать бензобак... – Эйжел, по железке никак?

– У них фора пятнадцать часов, прекрасный локомотив и зеленый семафор, – кротко повторила Эйжел. Может, она потому и пообещала помощь, что понимала – я не смогу ей воспользоваться?

– Они поедут обычным путем, – размышлял я вслух. – Вначале до Гранца, потом объезжая Пустоши на границе с Сурганом... Эйжел, а есть другой путь? Покороче?

Некоторое время Эйжел молчала, потом кивнула:

– Есть. Я думала, что ты не спросишь. Но путь есть.

– Почему ты нам помогаешь? – спросил я в лоб.

– У меня свой интерес, – усмехнулась она. – Помогаю – радуйся этому. И, знаешь... позвал бы ты Немого и Скрипача. Они уже устали снаружи караулить, а я их все равно срисовала.

Глава 10

Нормальные люди не ездят в Гранц в турпоездки. И жители Центрума, и пришлые. Это все равно что в России организовывать туры в Магнитогорск или Норильск. Что смотреть? Заводы? Домны? Отвалы пустой породы? Терриконы, шахты, железнодорожные составы?

В Гранце работали. Работали тяжело и много – добывали руду (в основном железную, но была и медь, и олово, и редкоземельные металлы). Добывали уголь – он тут был хороший, коксующийся, в немалых количествах и причем как для шахтной, так и для открытой разработки.

Старик по поводу Гранца как-то сказал, пожав плечами: «Такого не бывает. Полтаблицы Менделеева в одной точке?» Но Гранц существовал и жил, являясь едва ли не самым большим городом Клондала (Антария, при всей ее столичной пышности, понтах и официальном звании «самого большого города», все-таки, на мой взгляд, была поменьше). Здесь жило много шахтеров и металлургов, их жены и дети, здесь было множество непритязательных кабачков и, как ни странно, немало хороших больниц – квалифицированные рабочие в Клондале ценились, это к люмпен-пролетариату относились совершенно негуманно. Здесь стояли огромные заводы, производившие из добытого металла все, что позволяли условия Центрума – трубы, железные листы, медную и эмалированную посуду, рельсы, котлы, колеса и прочие детали паровозов (сборку железнодорожники всегда вели сами, в своих мастерских). Здесь было несколько научно-исследовательских институтов (как их назвали бы на Земле) и масса бесплатных школ для детей, где быстро и четко вылавливали умников и трудяг для дальнейшего обучения, а в тупых и ленивых вколачивали тот минимум знаний, что необходим даже чернорабочему.

В общем – это был город тружеников, с нравами простыми и гордыми. Старику он почему-то очень нравился. Я восторга не испытывал, но на инспекционную поездку согласился с радостью – хотелось разнообразия. Со мной вызвался ехать Скрипач, порывался еще Дед, но ему запретила Ведьма.

По мнению Старика мы, легко попали бы в окрестности Гранца, если вошли бы в Центрум из района Пензы или Днепропетровска. Из более экзотических вариантов Старик назвал Детройт и Рио-де-Жанейро. Но мы предпочли самый простой путь – встретились на заставе, дошагали до

Антарии, на вокзале купили билеты первого класса и проделали весь путь на поезде. Дорога заняла почти сутки – железнодорожники никогда не спешили в диких землях. Разгонишься – а впереди разобранные пути, а то и фугас...

Так что наш пассажирский поезд (вагон-люкс, два вагона первого класса, семь вагонов второго, ресторан, два грузовых и почтовый вагоны) в сопровождении бронепоезда (охранял тот не только нас, но и три грузовых состава) неторопливо пересек голые холмистые степи, останавливаясь на полустанках и в двух городишках, ютящихся вдоль путей. Мы со Скрипачом сидели на потертых кожаных диванах во вполне уютном купе первого класса, курили (земные веяния тут не прижились, и половина вагонов была курящей), попивали эль (вначале взятый в Антарии, потом купленный по пути – он оказался даже лучше). Травили анекдоты, судачили и о жизни в Центруме, и о Земле. Я предполагал, что Скрипач живет где-то в России, судя по некоторым обмолвкам – в Москве или Подмосковье, но деталей не спрашивал, это было не принято. Впрочем, недавнюю скандальную отставку премьер-министра нам это обсудить не помешало.

А потом, как это обычно и бывает, мы заговорили о порталах. О нашей способности «ходить в Центр».

– Я одного не понимаю, почему это остается тайной? – спросил я. – Ведь нас, что ни говори, много.

– Каждый десятитысячный человек однажды открывает в себе способность перемещаться в Центр, – кивнул Скрипач. – То есть сто человек на миллион.

– Очень много! – сказал я. – Это же получается на Россию... двадцать с лишним тысяч?

– Двадцать две.

– Это слишком много для тайны, – убежденно сказал я.

– Не скажи. Полно военных и коммерческих секретов, которые потрясли бы мир, о каждом из них знают больше, чем двадцать тысяч человек.

– Ну, военные секреты охраняют... и все равно воруют... и все равно что-то знают...

– А секрет перемещения в Центр недоказуем. Даже если взять человека в иной мир, он потом будет убеждать себя, что это была галлюцинация, гипноз, сумасшествие. К тому же нас не двадцать тысяч.

– То есть? – разливая последнюю бутылку эля, спросил я.

– Больше половины из нас не умеют управлять своим даром. Либо

открывают порталы нестабильно, либо вообще открыли один раз – и повторить не могут. Регулярно ходят в Центрум около десяти тысяч человек из России. Из них около двух тысяч – пограничники, которые связаны присягой, а остальные – контрабандисты и авантюристы, которым афишировать свои занятия не с руки ни в одном мире. В других развитых странах пропорция примерно та же.

– Все равно много, – уперся я. – Десять тысяч человек. У них друзья и родственники, кто-то непременно проговорится. Должны быть слухи.

– Они есть, – усмехнулся Скрипач. – Поищи в интернете, найдешь рассказы о людях, перемещающихся между мирами. Но эти слухи рассеяны среди историй о магах и вампирах, инопланетянах и оживших мертвецах... кто им поверит?

– Так, может, и истории о летающих тарелочках, похищающих людей, – правда? И все эти привороты, проклятия, сглазы...

– Может, и правда, – согласился Скрипач.

Я поежился. Мне вдруг стало неуютно. Одно дело – открывать дверь в иной мир. Совсем другое – летающие тарелки и колдуны...

– Ладно, фиг с ним, – неохотно сказал я. – Гадать не стану. Но десять тысяч человек... вот что, среди них не окажется какого-нибудь идейного сотрудника разведки, например? Который доложит начальству – так, мол, и так, получил возможность доступа в иной мир...

– Да власти знают, – усмехнулся Скрипач.

– Что?

– И наши знают, и американцы, и китайцы, и французы. Все знают. Только практической пользы от этого немного. Разведчика-диверсанта через Центрум не зашлешь, верно? Ты где вошел, там и вышел... Ценности таскать? Так их тут немного. Всякую экзотику для ученых и элиты контрабандисты натааскают. Колонизировать Центрум? Во-первых, местные встанут на дыбы, а наше превосходство в вооружении в Центруме не сильно-то поможет. Во-вторых, зачем? Неуютное место для жизни. Но вот открыть для всего населения, что можно убежать в другой мир, за пределы всех земных властей... – Скрипач засмеялся. – Ни одна власть такого не захочет! Ни коммунисты не захотели, «отвлечет от классовой борьбы на Земле», ни капиталисты, «это создаст опасный прецедент уклонения от налогов». Почему все религии осуждают самоубийство, не задумывался? Потому что самоубийство – это бегство из-под власти. Любой власти. А тут не самоубийство, а возможность начать жизнь с чистого листа, да еще и без опостылевших айфонов и интернетов, машин, промышленных загрязнений, транснациональных корпораций, пестицидов, военных угроз. То, что не

нужно государствам и властям, может быть очень привлекательно для простых людей. Тем более – каждый человек теоретически носит в себе ключ к другому миру! А вдруг кто-то поймет, как управлять созданием порталов – и все, все на свете смогут в любой момент уйти! А? Понравится это властям?

Я покачал головой.

– Потому и держат в тайне. А если кто-то начинает совсем уж громко и убедительно болтать – его останавливают.

– Вот ведь дрянь какая, – выругался я.

– А то! – хмыкнул Скрипач. – Нет, Центрум не рай, мы-то знаем. Но сама возможность сменить один опостылевший ад на другой – слишком соблазнительна, чтобы о ней знали.

– Всегда есть надежда, что где-то существует рай, – сказал я. Выпитый эль требовал дешевого глубокомыслия.

Видимо, не только у меня, ибо Скрипач ответил:

– Рай – это состояние души, а не точка на карте.

Мы уставились друг на друга, после чего расхохотались.

– Пошли в вагон-ресторан? – предложил Скрипач.

– Только не за элем, – уточнил я.

После этого мы со Скрипачом и подружились, ну или почти подружились. И в Гранце время провели славно – потолкались на рынке контрабандистов и выяснили кое-что полезное (разумеется, никаких арестов и погонь не было – по негласным правилам все разборки пограничников и контрабандистов происходят за пределами городов), и тур по пивным совершили замечательный (включая интересное приключение в стриптиз-пабе и дружеский мордобой с шахтерами, закончившийся примирением и распитием совсем уж чудовищных количеств эля).

Но одна мысль с тех пор накрепко засела у меня в голове.

Если земные власти знают... если тайна путешествий в Центрум – секрет полишинеля... если все давным-давно под контролем...

То среди нас должны быть люди с чистыми руками, горячим сердцем и служебным удостоверением в потайном кармане. Не могут не быть. И у земных властей обязаны быть какие-то свои виды на Центрум. Любая власть старается приспособить для своих нужд все, до чего может дотянуться. И Центрум не исключение.

Только надо понять, для чего он нужен тем, кто любит контролировать все – включая жизнь и смерть.

Железнодорожник был стар, сед и морщинист. Вдобавок он курил

трубку, отчего напоминал старого пирата, но одет был в кожаную тужурку со здоровенной кобурой на поясе – отчего походил на путиловского рабочего времен коммунистической революции в России.

Еще у него была синеватая татуировка на гладковыбритой щеке, изображающая маленькую девочку с цветочком в руке. Что вообще уже не лезло ни в какие ворота.

– Клан Тай-Клёус хочет охранять мой поезд? – спросил он. – Небо упало на Центр! Женщина, ты знаешь, какая сумма отпущена мне на охрану?

– Знаю, – коротко сказала Эйжел.

– Мне бы на эти гроши патронов купить после рейса, – железнодорожник сплюнул.

– Зачем тебе патроны? – Эйжел пожала плечами. – Разве кто-то нападает на поезда, идущие к Разлому?

Железнодорожник захохотал.

– Никто! Но патроны всегда пригодятся. Так ты понимаешь, что ты и твои люди мне не нужны?

– Понимаю, – Эйжел была сама невозмутимость. Я с Ашотом и Хмелем стоял в сторонке, рядом с бойцами клана, и в разговор не вмешивался.

– Надо к Разлому? – уточнил железнодорожник. – Зачем? Искать древние сокровища? Охотиться на мартышей? Ловить рыбу в соляных прудах?

– Люблю путешествия.

– Если любишь – так заплатите за проезд, – железнодорожник пожал плечами. – Охрана мне не нужна, старшая женщина клана. А деньги всегда пригодятся.

– Однажды тебе понадобится охрана, – заметила Эйжел.

– Я старый человек, я езжу одной дорогой, – философски сказал железнодорожник. – Мне не нужна охрана. А через год я уйду на пенсию.

– Да, ты прав, Рой Пагасо, – кивнула Эйжел. – Но твой сын, Брун, и твоя дочь, Альга, ездят опасными путями. Ты так любишь свою дочь, что, когда она заболела синькой, пошел в храм старых забытых богов и наколот обет на левой щеке... а сейчас хочешь денег с клана, который однажды может спасти ей жизнь?

Железнодорожник нахмурился, но уставился на Эйжел с интересом. Потер щеку, кивнул:

– А ты куда умнее, чем кажешься... Ты права. Мой сын мужчина и отвечает за себя сам... но моя дочь давно не слушает умного отца и

мотается по самым опасным дорогам Центрума. Если будет нужно, ты встанешь рядом с ней с оружием в руках и смертью в сердце?

Кто-то из наемников глухо заворчал.

– Встану, слово женщины клана, – твердо произнесла Эйжел.

– Платформа ваша, – кивнул железнодорожник. – Пар уже поднят, отправление через десять минут.

– Спасибо, Рой, – кивнула Эйжел. Повернулась к нам, прикрикнула: – Что встали? Уши пылью заросли? На платформу!

Поезд, который вел «безопасным путем» старый железнодорожник, был совсем маленьким. Паровоз с тендером да один вагон – наполовину почтовый, наполовину пассажирский. Правда, пассажиров не было. Ну и платформа охраны, конечно.

– Можете в вагоне ехать, – сказала нам Эйжел. Но мы не сговариваясь пошли с наемниками на платформу, установленную перед паровозом. Как обычно, она была прикрыта легкими броневыми щитами, но, судя по мусору внутри, ей давно никто не пользовался, и паровоз толкал ее только ради устрашения случайных врагов.

– Это что, и впрямь безопасный маршрут? – спросил я.

– Совершенно, – кивнула Эйжел. – Кочевники те места не любят. И вообще там делать нечего. Вот, гляди...

Она достала из планшетки и развернула потертую карту из толстой прочной бумаги. Карта была подробная и показывала только Клондал, часть Краймара и часть Сургана. Марине была в самом углу.

Я поглядел на карту с некоторой завистью. Она была не то чтобы точнее наших, пограничных. Просто другая. Некоторые вещи тут были показаны лучше, нагляднее.

– Вот, смотрите, – Эйжел повела пальцем по бумаге. – Все едут так... Сюда... сюда... большая петля, потом Гранц, потом вдоль гор, вдоль границы Сургана... Путь хороший, но долгий. А мы поедем вот так.

Она резко повела от Антарии вверх, до Пустошей, и по границе с ними – до Краймара, и там уже вниз, к Марине.

Линия железной дороги там и впрямь была обозначена. Но странная. Пунктирная.

– Я и не знал, что тут есть действующая железка, – сказал я.

– Она... условно действующая, – уклончиво сказала Эйжел. – Держитесь, отправляемся!

Паровоз дал гудок, второй. Платформа вздрогнула, и мы стали медленно отъезжать от вокзала. Скрипач с Хмелем явно повеселели – хоть Эйжел и передела нас в форму наемников, но наблюдательных людей на

вокзале хватает.

– Дорога здесь была раньше, – сказала Эйжел. – А лет пятьдесят назад по ней ездить почти перестали.

– Почему? – все никак не мог понять я.

Хмель похлопал меня по плечу. Свел вместе ладони – и начал медленно разводить.

– Разлом... – вспомнил я слова Эйжел. – А! Я слышал! Там какой-то каньон, верно?

– Не каньон, а Разлом, – торжественно сказала девушка. – Это, Ударник, совсем другое дело!

– Разлом очень большой, – подтвердил Ашот. – Я знаю. Меня однажды выкинуло в Разломе.

– В Разломе? – восхитилась Эйжел. – Даже я не была внизу!

– И не надо, – мрачно сказал Ашот. Судя по его лицу, он вовсе не шутил и не валял дурака. – Не место это для людей. Я назад прыгнул, как только смог.

Эйжел кивнула – и вообще, во взгляде ее появилось такое уважение, будто случайное попадание в Разлом делало из Ашота легендарного героя.

– Долго ехать-то? – спросил я, изнывая от любопытства.

– К завтрашнему утру приедем, – сказала Эйжел. – Дорога здесь старая, но поезд ходит каждые два дня, так что неожиданностей быть не должно.

– А почему один поезд? Почему пустой?

– Так Разлом же! Зачем туда ехать?

– А поезд зачем едет? – чувствуя себя то ли дураком, то ли жертвой розыгрыша, спросил я.

– Так почта же! Быстрее всего почту отправить на восток – через Разлом.

– Значит, почту можно? – уточнил я. Эйжел кивнула. – А людей и грузы – нельзя?

– Верно.

– А мы как же? Нам не в Разлом, нам в Марине надо!

– Мы поедем с почтой, – невозмутимо сказала Эйжел.

Конечно, можно было потребовать объяснений. Но я только махнул рукой и замолчал. Хотят напустить тумана? Пожалуйста. Приедем, сам все увижу.

Так что я двинулся в начало платформы, уселся у одной из амбразур рядом с наемниками и стал смотреть на пригород Антарии, который мы проезжали. Поезд, набирая ход, мчался на север, к Пустошам.

Если говорить начистоту, то бронеплатформа – штука не слишком надежная. Конечно, у бандитов и кочевников редко бывают пушки, чтобы пробить броневые стенки. Но ведь это платформа! Она сверху – открыта! Достаточно забросить одну гранату, чтобы огрызающаяся огнем коробка на колесах превратилась в кастрюлю с кровавым фаршем. Еще хорошо, что по какой-то странности в Центруме не были распространены минометы. Вот уж простейшее оружие, которым бронеплатформы можно уничтожать пачками. Повредить пути, чтобы поезд остановился, и, пристрелявшись, накрыть платформу огнем...

А причиной тому, что вместо бронированных вагонов большинство поездов в «спокойных» районах сопровождали именно платформы с наемниками, была вовсе не нехватка металла. Просто железнодорожники очень ревниво относились к полноценным бронепоездам и чужим не позволяли ими пользоваться. Кроме одного-единственного слабенького узкоколейного бронепоезда, который выпросили мы, пограничники, все остальные были собственностью железных дорог и комплектовались исключительно проверенными экипажами потомственных железнодорожников. Наемникам, к услугам которых прибегали сплошь и рядом, подобную технику не доверяли.

Хорошо хоть небеса в Центруме не часто омрачались дождем или снегом.

До самого вечера мы ехали на платформе. Играли с наемниками в карты, пока трое-четверо наблюдали за окрестностями. Перекусили. Размяли ноги на двух полустанках. Чем ближе к Пустошам, тем безлюднее становились равнины, фермы стали совсем редкими, потом исчезли. Однажды пришлось остановиться – через пути перегоняли стадо. Мрачные пастухи на низкорослых лошадках косились на поезд и прикрикивали на собак, подгоняя отару. Быть может, это были мирные кочевники, торгующие с городами Клондала. Быть может бандиты, устраивающие регулярные набеги. Но скорее всего, они были обычными обитателями Пустошей, которые сегодня приезжают на ярмарку и продают шкуры и мясо, мед и воск, найденные в горах самородки и кустарную посуду – чтобы завтра устроить налет на окраинные городишки и попытаться взять все то, что не удалось купить.

Однако сейчас кочевники не стреляли, и мы тоже ничего не стали делать – подождали, пока стадо пересекло пути, и двинулись дальше.

Уже под вечер мы заметили одинокую человеческую фигуру, топающую вдоль железки к горам. Судя по экипировке, которую я разглядел в бинокль, это был не местный, но и не землянин. Какой-то

совсем чужой контрабандист или исследователь – в мешковатом одеянии, с длинноствольным ружьем за спиной. Поезда он не испугался, но и звать на помощь не стал – просто остановился и смотрел, пока мы ехали мимо. Значит, не случайный гость, впервые попавший в Центрум. По-хорошему, конечно, надо было его остановить и допросить, как положено пограничнику, но мы были не в том положении, чтобы устраивать облаву.

Потом потянулись Пустоши. Железка теперь шла вдоль гор, стемнело, кое-где я замечал мерцающие на склонах огни. Тоже кто-то живет... совсем нелюдимый.

Центрум – он такой. Разнообразный.

– Сейчас будет последний полустанок перед Разломом, – сказала мне Эйжел. – Вы пойдете спать в вагон.

– А вы? – спросил я.

– Мы тоже, но не все. Ребята бросят жребий, половина пойдет спать в вагон, половина будет сторожить ночью.

О себе Эйжел ничего не сказала, и это значило, что она тоже останется ночевать на платформе. Можно было, конечно, поиграть в галантность и остаться с ней. Она бы не спорила, Эйжел никогда не мешала людям совершать глупости.

Но я хотел спать и слишком хорошо знал обычаи наемников, чтобы испугаться обидеть Эйжел.

Так что на полустанке (десяток домов за высоким забором, две вышки с пулеметами, загон со скотом) мы сходили в сортир, слопали в крошечной закусочной жирный горячий суп и отправились в вагон. В паровоз тем временем залили воду, в тендер подсыпали угля – и мы отправились на ночной перегон до таинственного Разлома.

Глава 11

Вообще-то странных мест в Центруме хватало.

Про Разлом, допустим, я никогда не слышал. А про остальное – случалось.

Во-первых, были заброшенные города.

Нет, не просто древние руины – таких в Центруме было немало, и ничего необычного они не таили. Ну – развалины, ну – редкие артефакты ушедшей цивилизации (местные и иномирные искатели сокровищ давно уже все ценное выгребли). Но были и такие руины, куда никто не ходил. В них и не жил никто – но люди там, говорят, исчезали бесследно. Старик нанес три ближайших мертвых города на мою карту и велел никогда и ни за что туда не соваться. Я и не пробовал.

Во-вторых, были аномальные зоны. Поблизости от Антарии их, по общему мнению, не встречалось. Но однажды я узнал, что это не так.

...Меня позвала с собой в патруль Ведьма.

Удивительно было не то, что она меня позвала, а то, что она вообще куда-то собралась. Формально Ведьма была такой же, как мы все, носила чин поручика, получала наряды... Но только никогда и никуда не выходила с заставы. Возраст не тот, да и пистолет Макарова, ее единственное оружие, не самая полезная вещь на Пустошах. Но в то утро, когда я вошел в ворота, Ведьма явно собиралась куда-то идти. Она была одета в маскировочный комбинезон (кажется, принадлежащий Кальке), пистолет был в поясной кобуре, а за плечами – ружье, одно из тех паршивеньких конфискованных ружей, что мы хранили в оружейной «на всякий случай».

А еще она была не одна. Рядом с ней, робко прячась за Ведуму, стоял мартыш. Я их уже видел, но либо издалека, либо на ярмарках в Антарии – там их демонстрировали в бродячих цирках вместе с шестиногими собаками, бородатыми женщинами и прочими человеческими и нечеловеческими чудесами. В Центруме относились к мартышам на удивление неплохо, может быть, в силу того, что здесь и расизм практически отсутствовал. А мартыши, при всей их нечеловеческой странности, все-таки умели говорить и под определение животных никак не попадали.

– Как удачно, Ударник, – сказала Ведьма. – Я собралась в дозор, не составишь компанию?

– Составлю, – сгорая от любопытства, ответил я. – Больше никого нет?

– Был Скрипач, но вчера заглянула Эйжел, и он пошел с ней потусоваться в Антарии, – ответила Ведьма. – Я одна.

То, что заходила Эйжел, меня не удивило – она на нашей заставе была почти своей, причем еще до моего появления. А вот подчеркнутое игнорирование мартыша меня заинтриговало.

– Одна? – уточнил я.

– А, ты про него? – Ведьма усмехнулась и положила руку на волосатое плечико. – Он со мной. Старый друг.

Мартыш приподнял голову, тревожно посмотрел на нее.

– Мартыш. Друг. Дорога, – сказала Ведьма.

– Завтра? – спросил мартыш с тревогой.

– Сегодня. Сейчас.

– Сейчас, – мартыш мгновенно успокоился.

– Надо прогуляться, – сказала Ведьма. – Десять километров, ничего особенно тяжелого, но я бы не хотела одна.

И мы пошли.

Мартыш явно стеснялся меня, а может быть, и побаивался. Да и Ведьма была не расположена к разговору, так что шли мы молча. За два часа мы добрались до предгорий и даже немного поднялись по старой, давно не хоженной тропе. Потом Ведьма остановилась. Огляделась. Кивнула:

– Здесь... Ты слышал про аномальные зоны, Ударник?

– Нет.

– Это штука редкая, странная и очень, очень опасная, – сказала Ведьма. – Скажи, что бывает, когда ты открываешь портал в Центруме?

Я подумал мгновение.

– Возвращаюсь домой. Портал из Центрума – это всегда обратный портал на Землю.

– Почти всегда, – поправила Ведьма. – Кроме аномальных зон. Их немного, они малоизвестны, но... в них ты открываешь портал словно с нового листа. Не обратный портал на Землю, а новый портал – из Центрума в иной мир. В какой – зависит от аномальной зоны.

– Ух ты, – я сразу представил те возможности, которые это дает. – Так, значит, можно попасть куда-нибудь в чужой мир, без чужого проводника?

– Теоретически, – ответила Ведьма. – Но, во-первых, зон мало, во-вторых... в большинстве своем они открываются не в миры «ромашки», а в миры «одуванчика». Понимаешь?

Еще бы я не понимал. «Ромашка» и «Одуванчик» – это модели Центрума и окружающих его миров. Как ни странно, они обе верны. Только

«ромашка» – это двенадцать миров-лепестков, с очень схожими условиями, среди них и наша Земля. А миры «одуванчика» – они под углом к плоскости «ромашки». И, зачастую, для жизни совершенно не пригодны. Рассказывали про миры, где люди живут вечно, но при этом умирают и возрождаются каждую неделю, про миры, где бродят неторопливые разумные деревья, словно сошедшие со страниц Толкиена сказочные энты, про миры, летящие сквозь вселенскую ночь без солнца – но согреваемые внутренним теплом и полные жизни... Много чего рассказывали.

– Можем заглянуть, – сказала Ведьма. – Это безопасно... почти. Только ты отвернись.

Я отвернулся. Никто не хочет рассказывать, как открывается его портал, – даже друзьям.

Что-то зашелестело. Наступила тишина. Едва слышный звук, вроде перелистывания страницы. Книжку она там читает, что ли?

– Пошли, быстро!

Я повернулся – и вслед за юрким мартышом заскочил в портал. Следом шагнула Ведьма. Я неожиданно подумал, что будет, если проводник пропустит кого-то в иной мир, а сам не пройдет. Конец ушедшим, да? Своим порталом не вернуться? Или все сложнее?

А потом я увидел иной мир – и все мысли вылетели у меня из головы.

Мы стояли на берегу моря. На самом обычном берегу – вот только поверхность моря дрожала, будто покрытая странной рябью, а солнце стремительно несло по небу! В двадцать секунд оно преодолело полнебосклона и рухнуло в море, окрасив на прощание горизонт розовым всполохом. Небо налилось чернотой и прорезалось искрами звезд – ползущих, летящих, несущихся по небу! Море внезапно оказалось совсем рядом, вода промочила мне кроссовки, но тут из-за спины вынырнуло солнце – и море опять оказалось в отдалении.

– Не бойся, – сказала Ведьма. – Сейчас время синхронизируется...

– Что?

– В Центруме и этом мире, я зову его Хронос, время течет по-разному. За нашу минуту здесь проносятся сутки... Не бойся, сейчас все выровняется!

А я и не боялся. Я стоял, дрожа от восторга, и смотрел, как облака выются в небе белым кружевом, как несется над головой солнце, как вновь вспыхивает красным закат и бросаются в полет звезды...

И тут все кончилось. Звезды застыли, море мирно дышало у самых ног. Мартыш тихонько и возбужденно взвизгнул.

– Долг, – сказала Ведьма. – Плата. Удача.

– Друг, – сказал мартыш. – Расчет. Удача.

Он мягко шагнул в темноту – и исчез.

– Это его мир? – спросил я. Меня слегка колотило от возбуждения. – Ты отвела его домой?

– Нет, не его, – ответила Ведьма, озираясь. – Тут живут странные птицы. Что-то вроде огромных пингвинов. Они плавают по морю в деревянных лодках и гребут крыльями. Охотятся на... на млекопитающих. Швыряют в них гарпуны.

– Ты не шутишь? – тихо спросил я.

– Нет, не шучу. Отвернись, надо уходить.

Я отвернулся. Подумав, снял автомат и крепко сжал в руках. Я ведь тоже млекопитающее. Спросил:

– А что ж ты говорила, что здесь не опасно?

– Я сказала «почти», – Ведьма опять чем-то шуршала. Выругалась. До меня долетел слабый отблеск фонарика. – Почти безопасно. Пока мы были в разном времени, нам не могло повредить ничто материальное... я так думаю.

Я посмотрел на мокрые насквозь кроссовки и покачал головой. Ох, не думаю я, что «не могло»...

– Пошли!

Хоть никаких гигантских пингвинов с гарпунами поблизости и не было, но я вывалился в Центр с огромным облегчением. Тут, казалось, прошло всего несколько минут.

– А мартыш? – спросил я. – Его там не сожрут?

– Он сам сделал выбор, – сказала Ведьма. – Мартыши – очень любопытны. Им нравится путешествовать порталами, и они многое готовы отдать за дорогу в новый интересный мир.

– И что же он тебе дал? – полюбопытствовал я.

Ведьма молчала. Я даже думал, что она вообще не ответит. Но минут через десять, когда мы уже шагали под гору, обратно к заставе, Ведьма сказала:

– Тебе бы не понравилось узнать, что именно я получила. Но... достаточно сказать, что я проживу года на два больше, чем должна была.

Еще через пару шагов она добавила:

– Когда состаришься – спросишь меня, я отвечу.

Я скептически посмотрел в ее спину. А потом подумал, что она идет гораздо быстрее, чем передвигалась весь последний год...

– Спрошу, – сказал я.

Я проснулся еще до рассвета. Та половинка вагона, что была отведена для пассажиров, оказалась в меру комфортной. Похуже, чем купе, в котором мы со Скрипачом когда-то ездили в Гранц, но вполне на уровне старых российских купейных вагонов – четыре полки, из которых верхние можно было поднять к стене, столик. То ли дизайн такой утилитарной вещи, как купейный вагон, трудно было придумать принципиально другим, то ли кто-то у кого-то когда-то этот дизайн спер.

Только лампочек у изголовья полок не было, имелась лишь одна под потолком, газовая, что вызывало у меня легкую жуть – я как-то слышал от пожарного рассказ о том, как быстро сгорают вагоны. Но лампа не горела, газовая магистраль оказалась пустой, и я успокоился.

Под мерный и даже чем-то убаюкивающий храп Скрипача я оделся и обулся. В купе было неожиданно прохладно, видимо, в горах дыхание осени чувствовалось куда сильнее, чем на равнине.

Подсвечивая фонариком, я вышел из купе. Фонарик у меня был замечательный, раритетный, выпуска тридцать седьмого года двадцатого века. Светил он, конечно, не так ярко, как нынешние, зато в нем не было ни грамма пластмассы. Даже провода были в натуральной каучуковой изоляции. Я заглянул в соседнее купе – там спал Хмель и какой-то молодой парень из наемников. Хмель открыл один глаз и шевельнул рукой под одеялом.

– Это Ударник, – прошептал я тихо. – Не пальни сдуру!

Хмель закрыл глаза и, похоже, уснул снова. У нас у всех хорошие нервы, те, у кого с этим плохо, долго в Центруме не живут.

Я прошел мимо остальных купе (и убедился, что сон наемников чутко не менее нашего, – в трех из четырех купе мое появление вызвало легкие шевеления), посетил туалет – простой, надежный туалет системы «дырка в полу, попади на шпалу». Умылся – кран вначале выпустил порцию ржавой воды, потом выдал относительно чистую.

И вышел в тамбур.

Дверь была не заперта, за сцепкой заманчиво поблескивали в рассветном полумраке ведущие на тендер лестницы. Я открыл дверь, протянул руки, вцепился в перекладину. Поезд шел ровно.

Авантюризм, конечно...

А преследовать пограничный спецназ – не авантюризм?

Перебросив на лестницу ноги, я довольно легко перебрался на тендер,

поднялся по лестнице, спрыгнул на слой угля и, пригибаясь, чтобы спрятать лицо от встречного ветра, прошел к началу тендера. С паровозом тендер соединялся брезентовой «гармошкой», тут уже нужды в акробатике не было. Я подождал, пока дверь открылась и появился молодой парень, помощник машиниста, с совковой лопатой, загруженной в двухколесную тачку. Дохнуло жаром.

– Что ж ты творишь, дурелом пограничный! – рывкнул парень, обнаружив меня. – А если б поезд трянуло?

– Вы очень ровно едете, – попытался польстить я.

– Телега едет, а поезд катится! – не поддался железнодорожник на лесть и сунул мне лопату. – Нагружай!

Когда я закатил тачку с углем в жаркое чрево локомотива, Рой Пагасо с иронией посмотрел на меня. Он был голым до пояса – видно, машинист не гнушался сам покидать уголек в топку, и пил воду из жестяного чайника. Картина подкупала своей технопасторальностью. В железном паровозном нутре было светло – горело несколько газовых рожков, – и неожиданно уютно. На клепаных металлических стенах висели яркие цветные литографии с обольстительными девицами, одетыми «по погоде» – то есть в тот минимум, который позволяли нравы Клондала.

– Что, заскучал? Сейчас приедем к Разлому, уж недолго осталось.

– Погреться решил, – сказал я осторожно. – В вагоне-то не топят.

– Сами бы и топили, уголь есть, – буркнул Пагасо. – Давай, шуруй!

Он дернул рычаг, открывая жерло топки. Я подцепил лопату угля, швырнул.

Вышло на удивление хорошо – практически весь уголь попал внутрь.

– Ха, – сказал Пагасо. – А ну-ка!

Вторая и третья лопата угля ушли еще лучше. Только брови начали скручиваться от жара, но я промолчал.

– Может, ты и колосники почистить можешь? – спросил Рой.

– Может, и могу, – сказал я осторожно. – Не пробовал.

– Ха, – Пагасо указал на свисающую с потолка цепь. – Погуди. Заслужил.

Чувствуя себя ребенком в стране чудес, я дернул за цепь. Слабовато. Потянул со всей силы. Паровоз издал могучий длинный гудок, даже железный пол под ногами завибрировал.

– Ну хватит, хватит, – добродушно сказал Рой. – Весь пар выгонишь, штафирка... только дай поиграться... К своим пойдешь?

Он что, серьезно? Я посмотрел вперед, на бронеплатформу. Ее покачивало из стороны в сторону. Наемников видно не было, видимо,

укрылись под стенками от ветра.

– Еслипустишь.

– Проводи его, Бор, – велел Пагасо. – Он ничего так... для штатского.

– Я не штатский, – заметил я. – Я пограничник. Поручик Корпуса пограничной стражи.

– Какой ты теперь пограничник? – веско спросил машинист. – Что я, не знаю, кто ты и куда едешь? Ладно, не мое дело. За товарищей болеешь – это мне нравится. Иди.

Бор открыл дверь паровоза, показал мне на длинную металлическую решетку вдоль пузатого котла.

– Держись за поручни! – крикнул он. – Двадцать пять миль катим, не шутка! Тряхнет – костей не соберешь!

Мне сразу вспомнился старый фильм «Назад в будущее», где герои точно так же шастали вдоль паровоза – только впереди него была не бронеплатформа, а поставленная на рельсы «машина времени».

– Если что, считайте почетным железнодорожником, – сказал я и шагнул на решетку.

В мое плечо крепко впилась рука Пагасо и затащила обратно.

– Совсем одурел? – неожиданно мягко сказал он. – Молодец, смелый... но дурной. Не надо так делать. Нам ехать-то четверть часа осталось, потерпишь. Никуда твоя краля не денется.

– Она не моя, – буркнул я.

– А то я не вижу, как она на тебя смотрит, – усмехнулся машинист. – Дело ваше, молодое. Подожди, не рискуй головой понапрасну.

Запал у меня и без того прошел, а уж дружелюбный тон окончательно отбил желание исполнять акробатические трюки. Я кивнул, встал у окошка, глядя на светлую равнину, покрытую пожухлой травой. Солнце вот-вот должно было подняться из-за горизонта, редкие облачка уже розовели. От окна дуло, стекло здесь не могли закрепить на герметических резиновых прокладках, поэтому его зафиксировали винтами, а щели небрежно заделали парафином, большей частью уже раскрошившимся. Хотя откуда здесь парафин? Его получают из нефти, это предельный углеводород, даже если его сюда завести – расползется как и бензин, и полиэтилен. Скорее всего, замазка была из стеарина. Стеарин имеет другую природу, получают его из жиров, «высокомолекулярная чума» его не затронула.

Повезло жителям Центрума, что катастрофа была такой избирательной. Уничтожай неведомая сила чуть больший спектр веществ – и цивилизация скатилась бы в полную дикость. А может, и цивилизации бы не было, затронь разложение, к примеру, жиры...

Я вновь подумал о том, какой природы была эта катастрофа. Точнее – какой природы она есть, ведь разложение высокомолекулярных соединений продолжается. Это какие-то бактерии? Или, употребим любимое слово наших политиков, нанотехнологии? Носятся в воздухе крошечные роботы, накидываются на пластмассу...

А почему не переносятся на другую планету? Почему все живые существа, включая бактерии-вирусы в наших организмах, переносятся из мира в мир? А они переносятся, иначе бы мы обрели великолепный способ вылечить любой грипп... Микробы могут на нас путешествовать, вещи мы туда-сюда таскаем, а вот бактерии-нанороботы Центрума отсюда ни ногой? Такие же неспособные к переходу, как местные? Нет, неверно. Местного жителя можно отвести в другой мир, хотя многие проводники и говорят, что чувствуют при этом какое-то напряжение. Центрумец лишь не способен сам создавать порталы.

Значит, есть какой-то ограничивающий фактор? Автоответчик «свой-чужой», привязанный к миру Центрум?

Или все это глупости, и нет никаких бактерий и нанороботов. А есть какой-нибудь генератор, испускающий «лучи смерти» – убивающие пластмассу. И стоит его найти и выключить – Центрум вернет себе былую славу технически продвинутого мира. Хорошо ли это будет? Принесет ли пользу и Центруму, и остальным мирам – включая наш?

Слишком много догадок. Слишком много непонятного. Слава Богу, что мне не надо решать ни эти загадки, ни судьбу Центрума. Мне бы друзей выручить...

– Ты, небось, в детстве мечтал стать машинистом? – спросил Пагасо.

– Нет, – ответил я. – Я киллером мечтал стать.

– Кем? – не понял Пагасо, и я сообразил, что употребил английское слово.

– Убийцей. Наемным.

Особого шока это не вызвало, но машинист явно удивился и заинтересовался.

– А чего так?

– Время такое было, – сказал я. – У нас в школе многие мальчики мечтали стать убийцами. Это же романтика, и платят много.

– А девочки? – заинтересовался Бор.

– Девочки путанами хотели быть. Это такие продажные женщины, которые за деньги отдаются иностранцам.

Бор захихикал. Нет, нравы в Центруме свободные, и проституция существует. Но то ли он был очень молод, то ли идеализировал иные миры.

– Почему иностранцам-то? – спросил Пагасо. Он явно был заинтригован. – Это... как-то связано с большим удовольствием?

– Нет, с большими деньгами. Я жил в очень бедной стране. И деньги у нее были... бедные. Поэтому и мечты были... такие.

– Ну, ты в какой-то мере свою мечту исполнил, – рассудительно сказал Пагасо. – Ходишь с оружием, убиваешь.

– Я стал музыкантом, – покачал я головой. – За это тоже платили, да и девочки музыкантов любят. А убивал я разве что музыку...

Пагасо засмеялся.

– А мне говорили, ты хороший музыкант... Скажи, а сейчас в твоей стране дети тоже хотят стать убийцами и проститутками?

– Нет. Жизнь у нас стала лучше. А дети теперь хотят стать банкирами, чиновниками или судьями.

Пагасо покачал головой, и во взгляде его появилось сочувствие.

– Друг мой, если ваши мальчики вместо убийц хотят стать судьями, а девочки вместо проституток чиновницами, то не так уж и многое у вас поменялось. Ваш мир полон чудес, я люблю читать о них и порой завидую до скрипа зубов... но, может быть, я завидую зря. Пока ваши дети не захотят быть машинистами, столярами и электриками, завидовать не стоит.

– У нас разные страны есть, – ответил я. – Это только у нас так... наверное.

– Мир – как поезд, – буркнул Пагасо. – О скорости поезда судят не по паровозу, а по самому медленному вагону. Нет, мне больше не завидно.

– А то у вас дети с окраин не вкалывают с пяти лет, – мной неожиданно овладел патриотизм. – И не мечтают стать бандитами или проститутками. Да наверняка!

– Мил-человек, да наш мир – руины, – все с тем же убивающим наповал дружелюбием ответил Пагасо. – Что с нами сравнивать-то?

Можно было, наверное, рассказать ему про войны, гонку вооружений, соревнование капиталистической и социалистической системы, перестройку, глобализацию, толерантность – в общем, про все те гадости, что Земле заменяли «высокомолекулярную чуму». Но вряд ли бы это его тронуло.

Жители Центрума вообще очень странно относились к социальным вопросам. Коммунизм они воспринимали как некую экзотическую религию, в чем-то привлекательную, но к реальной жизни не имеющую ни малейшего отношения. К национальным и расовым проблемам были довольно равнодушны – может быть, потому, что все территории Центрума являлись осколками некогда единой Империи. На некоторых территориях

люди были более смуглыми, где-то чаще имели азиатские черты. Встречались абсолютно белокожие и черные до фиолетовости негры, но это было уже скорее исключением из правил (и отношение к «очень белым» и «очень черным» было странным – как к экзотической, привлекательной, но в целом случайной диковине). Религия тоже была по сути едина, существовали, конечно, различные варианты, «ереси» единой веры с центром в Цаде, но кардинальных различий и межконфессиональных войн не было.

Вообще, если разобраться, то вся жизнь Центрума походила на какой-то финальный этап развития единой цивилизации. Центрум был разделен на отдельные территории, порой конфликтующие, а порой даже воюющие – однако в основе лежали абсолютно и единственно экономические интересы. Никто даже не пытался прикрываться религией, никто не спекулировал на национальностях, никто не придумывал «единственно верные» политические течения. С точки зрения землянина – странно, ведь религиозная, национальная, классовая борьба – самое лучшее топливо для войны. Но то ли жители Центрума были в чем-то честнее нас и этими фиговыми листками не прикрывались, то ли... то ли уже наелись по самое «не хочу». Ведь были в их прошлом и религиозные войны, и межнациональные.

Интересно только, можно ли прийти к такому результату естественным путем. Или обязательно нужна глобальная катастрофа вроде «высокомолекулярной чумы»?

В общем, грузить машиниста историей двадцатого века Земли я не стал. Все равно бы он воспринял ее как нашу немыслимую глупость. Вместо этого я просто пожал плечами и стал смотреть в окно. Поезд по-прежнему несся по степи, но, кажется, начал сбавлять ход. Рассвет уже разгорелся вовсю, выглянул краешек солнца, среди желтой травы стали попадаться пятнышки зеленой, редкие деревья. Кажется, мы спускались в низину, очень незаметно, но неуклонно.

А потом я увидел странное.

– Что это? – воскликнул я. – Пагасо! Там пожар, что ли, был? Вся степь черная!

На горизонте рыжая трава и впрямь заканчивалась угольно-черным, туда и несся паровоз. Линия, где желтое сменялось черным, была подозрительно ровной – разве пожарища такими бывают? И черное уходило вдаль до горизонта...

– Это не пожар, мил-человек, – со смешком сказал Пагасо. – Это, знаешь ли...

– Разлом, – сам произнес я. – Понял...

У меня заколотилось сердце. Разлом был непостижимо большим. Нереальным.

Но еще более нереальным был мост над Разломом.

Калька почти всегда работала одна. Такой уж у нее был стиль и характер. И когда рано утром она разбудила меня и попросила сходить с ней в дозор, я более чем удивился. На заставе никого не было, даже Ведьма, которая здесь дневала и ночевала, ушла на Землю, пробормотав что-то про нагрянувших из Омска провинциальных родичей, которых она, как уважающая себя москвичка, обязана водить по театрам, магазинам и паркам. Представить Ведьму доброй бабушкой, гуляющей с племянниками и внуками, было сложно, но всякое в жизни бывает.

Может быть, в этом и была причина, по которой Калька позвала меня с собой. Нет, не потому, что никого другого не оказалось, а потому, что никто не был свидетелем ее просьбы.

Есть места, где работа пограничника напоминает настоящую службу. Большие заставы, строгая дисциплина, настоящая форма, даже оружие у всех одинаковое, никакого разнobia. И в наряды они ходят четко по графику, и прошмыгнуть через их территорию очень трудно.

У нас – по-другому. Больше походит на ту вольницу «техасских рейнджеров», какой ее изображали в фильмах с Чаком Норисом. Захотел – встал и пошел ловить бандитов. Не захотел – не встал и не пошел. Конечно, если придет приказ сверху, то никуда не денешься. Но такое с нами бывало редко.

Этот поход с Калькой явно не был обычной проверкой тех зон, где чаще всего появлялись новички, и уж тем более ничуть не напоминал проверку известных нам троп контрабандистов. Мы пошли в противоположную сторону от Антарии, пересекли железку, долго блуждали среди лысых унылых холмов (на моей карте они были помечены как совершенно бесперспективная зона, я там ни разу не был и вообще не слышал, чтобы там кто-то открывал портал).

Но Калька здесь явно бывала. И кого-то ждала.

Мы выбрали место на плоской вершине продуваемого всеми ветрами холма. Была ранняя весна Центрума, небо висело над нами неправдоподобно голубым и чистым куполом, солнце грело в самую меру – так, чтобы не было ни прохладно, ни жарко. Идеальная погода для романтического пикника с девушкой.

Я посмотрел на Кальку. Она сняла с плеча винтовку, положила на

аккуратно постеленную газету. Газета была земная, «Комсомольская правда».

– Спортсменка, – сказал я. – Спортсменка, комсомолка и просто хорошая девушка.

Калька, кажется, не поняла. Косо посмотрела, скупно улыбнулась и на другой газете (это оказался драный лист «Коммерсанта») разложила дорожную снедь – копченую колбасу, черный хлеб, банку шпрот. Мы перекусили. Я несколько раз пытался шутить. Калька натужно улыбалась.

Нет, это явно не было хорошее время для романтического пикника.

Потом она посмотрела на часы и как-то резко ускорила. Сгребла остатки еды и запихнула в рюкзак вместе с газетой, пустую банку вдавила каблуком в землю (в Центруме не заморачивались по поводу экологии сверх меры – с их экологией уже случилось все, что только могло). Легла на землю, прижала приклад к плечу.

– Что мне делать? – спросил я, ощущая нелепость происходящего. Вокруг никого не было.

– Просто смотри, – сказала Калька. – Вот куда я целюсь, туда и смотри.

– Лечь? – уточнил я на всякий случай. – Торчу тут... как тополь на Плющихе.

Откуда у меня этот тополь вылез, из каких уголков памяти? Я ведь даже не смотрел «Три тополя на Плющихе». Но Калька тем более меня не поняла. Мы с ней выросли в разные времена. Всего-то десять лет разницы – а как будто другая цивилизация.

– Как хочешь, – сказала Калька, не отрывая прицел от глаз. – Мне не мешает.

Кого она там высматривает, в пустых холмах? Никого же...

Метрах в трехстах, в ложбинке между холмами, радужно полыхнул открывающийся портал. Небольшой такой, с метр в диаметре, не очень стабильный, судя по трепетанию краев. В портал протиснулся человек. Выпрямился.

Я смотрел как зачарованный и ничего не мог понять. Калька знала, что портал откроется именно тут? Но как?

Гулко ударил винтовочный выстрел. Человек рухнул ничком, лицом в жухлую траву.

– Ты чего? – завопил я. – Ты что творишь, Калька?

Девушка поднялась, молча забросила винтовку за спину и пошла вниз. Я выругался и поспешил следом. Калька шла быстро, не оглядываясь.

– Мы не убийцы! – продолжал я орать ей в спину. – Мы не бандиты! Мы не стреляем в человека только за то, что он попал в Центрум! Даже

если он контрабандист!

– Помолчи, и без тебя тошно, – бросила Калька через плечо. Таким тоном, что я и впрямь заткнулся.

Мы подошли к телу, лежащему в темной луже. Лужа была небольшой, сухая земля охотно пила кровь. Кожаные туфли, джинсы, хлопчатобумажная куртка – стандартная одежда путешественника в Центрум.

И заколка в длинных волосах.

Женщина.

Это потрясло меня едва ли не больше, чем выстрел Кальки.

Если бы это был мужчина – у меня нашлась бы куча правдоподобных объяснений. Но это была женщина. Немолодая.

Калька перевернула тело и несколько секунд смотрела в лицо убитой. Потом встала. Я с некоторым страхом всмотрелся в жертву – я боялся найти сходство с лицом Кальки.

Но и сходства не было.

– Зачем ты это сделала? – спросил я.

– Поверь, так было надо, – тихо ответила Калька. – А теперь, теперь надо похоронить. Поможешь?

Пуля пробила женщине сердце, крови было много, но я все-таки обшарил карманы. Никаких документов. Никакого снаряжения. Никаких украшений, кроме сугубо функциональной заколки для волос. Никаких денег. Никаких товаров.

Ничего.

– Зачем ты взяла меня с собой? – спросил я. – Учти, копать я не буду. Хоть у тебя и ружье.

«Хороший, плохой, злой» Калька тоже, видимо, не смотрела.

– Я хотела, чтобы ты это увидел.

– Зачем? – тупо повторил я.

– Чтобы ты принял решение, что со мной делать.

– Если следовать уставу, то тебя надо отдать под суд. Ты убила невинного человека.

– Я убила человека, заслужившего смерть, – твердо сказала Калька. – Но я не смогу это доказать... и не хочу объяснять, в чем дело. Есть только мое слово. Понимаешь? На моем месте ты поступил бы так же.

– Но за что...

– Я не буду объяснять, – твердо сказала Калька. – Все, вопрос закрыт. Либо ты помогаешь мне ее похоронить и молчишь о случившемся. Либо арестовывай и тащи на суд. Я не буду сопротивляться и убегать.

– То есть ты взяла меня, чтобы я принял решение – поверить тебе или нет?

– Да, – она посмотрела мне в глаза.

– Сумасшедшая, – сказал я. – Дура! Я все понимаю, я... да, я тебе верю... но зачем ты втянула меня?

– Потому что устала носить свою ношу одна, – ответила Калька. – Решай, Ударник.

Я сдался. Я ничего не понимал. Я видел, что от Кальки ответа не будет. Только что на моих глазах она совершила преступление, убила безоружного человека, женщину. Но я не мог ее предать.

По-моему, она вообще первый раз в жизни кому-то доверилась.

– У тебя есть лопата? – спросил я.

– Да. Саперная. – Ни радости, ни облегчения на ее лице не было. Она сняла рюкзак, где, очевидно, и держала лопатку.

– То есть ты заранее знала, чем все кончится? А откуда ты знала, что она выйдет здесь?

– Очень редко встречаются странные проводники, Ударник. Они открывают порталы не так как все. По-разному, но не так, как все. У... у нее портал открывался в эту точку. Всегда и отовсюду. Из любой точки Земли.

– Понятно, – кивнул я, хоть и не слышал никогда о таких странностях. И зачем-то уточнил: – А время ты как рассчитала?

– Она должна была пройти именно в это время, – ответила Калька. Помолчала и добавила: – Она знала, что здесь буду я и в руках у меня будет винтовка. Если тебя это успокоит, Ударник, то она тоже сделала свой выбор.

– Как и ты, – сказал я. – Потому что ты – могла не стрелять.

Калька кивнула.

– Да. Думала, что смогу. Но не смогла.

То, что убитая сама шла на смерть, меня не успокоило, конечно. Только все запутало еще больше. Но все-таки мне стало легче.

Мы похоронили женщину в том месте, где она всегда совершала свои переходы. Без всяких крестов (в конце концов, у нее не было нательного крестика), без опознавательных знаков. Могила растворилась в степях Центрума.

Некоторое время я думал, что рано или поздно мы заговорим с Калькой об этом случае. Только надо будет оказаться наедине. И она, конечно же, все мне расскажет, поскольку поймет, что я заслуживаю полного доверия...

Случаи были. И отношения наши изменились, стали гораздо теплее. Однажды (так случилось, что мы были вдвоем и выпили) мы даже целовались с Калькой (впрочем, дальше поцелуев дело так и не зашло). Казалось бы – явный знак особых отношений, учитывая ее обычную неприступность...

Но она так мне больше ничего не рассказала ни про ту женщину, ни про свой выстрел.

А может быть, в этом и было «полное доверие»?

Глава 12

Смотрителя станции звали Петрайх. Был он урожденным сурганцем, о чем не преминул немедленно сообщить в разговоре, поколебав все мои представления об отсутствии у жителей Центрума какой-то национальной самоидентификации. Если Петрайх не врал, то урожденные сурганцы были народом рослым, светловолосым и голубоглазым – в общем, тот тип, который на Земле гордо называли арийским, пока не утопили это слово в крови. Впрочем, подозревать самого Петрайха в нацизме было бы странно – жена его была маленькой смуглой женщиной, прикрикивающей на мужа и ораву ребятишек. Да и Разломом Петрайх гордился гораздо больше, чем родным Сурганом.

– Тут был каньон, – говорил он возбужденно. – Маленький такой каньон, метров семьдесят глубиной, пятьдесят шириной. Через него кинули мост, еще до чумы. Хороший мост, верно?

Я кивнул, Ашот что-то согласно пробормотал. Мост был хороший – та часть, которая нависала над пропастью. Вантовый мост, широкий, на два ряда путей и две дороги... для автомобилей? Вряд ли, до чумы автомобили не настолько вошли в обиход Центрума, чтобы строить для них мост в глуши.

– Каньон всегда «дышал», – продолжал Петрайх. – Поэтому в конструкцию изначально ввели повышенную пластичность в расчете на то, что если провал расширится – мост выдержит. Я смотрел старую документацию, архитектор, великий Ристан Ингила из Тиба, гарантировал, что мост уцелеет при подвижках до пяти метров! А в неофициальном примечании написал, что и десять метров его не разрушат! О, если бы Ристан видел итог!

Да, я был согласен, архитектор был бы удивлен.

Весьма.

– Первая подвижка была на семь метров, – торжественно объявил Петрайх. – Сразу после чумы, тогда пошла волна землетрясений... говорят, что это из-за разложения нефти в почве... вы же знаете, что такое нефть? Ну конечно знаете! Итак – семь метров! Мост выдержал! Демпферы растянулись, тросы на барабанах размотались, выдвижные закладки начали скользить друг по другу... и чудо! Мост устоял! Ну, пути порвало, конечно, так их за сутки заменили...

Я смотрел на мощные бетонные пилоны, вздымающиеся на краю

пропасти. Высотой они были метров в двадцать. Немало, конечно. Но по сравнению с Разломом в его нынешнем состоянии пилоны казались крошечными. Тросы крепились не напрямую к бетону, а были намотаны на огромные, порыжевшие от ржавчины стальные барабаны. Когда-то, похоже, на этих барабанах был изрядный запас тросов. Теперь они были размотана до предела... и даже больше.

– Тросы нарастили, – пояснял Петрайх. – Никто не ожидал, что Разлом продолжит ползти... но на всякий случай. Это ведь была самая короткая и удобная дорога из Клондала в Сурган и Краймар. А Разлом все увеличивался. Постепенно. На несколько метров в неделю, – Петрайх хихикнул. – Нет, конечно, тут даже гений Ингила Тиабского ничего бы не поделал! Почти ничего... Он уже был стар, на место не приехал, но дал совет. Нарастивать старый мост прекратили... а вместо него сделали временку. И вот она-то продержалась. Все эти годы. Все эти километры!

Петрайх торжественно взмахнул рукой, будто отдергивая невидимый занавес и демонстрируя нам мост в его нынешнем виде. Словно мы не изучали его уже с полчаса...

Старый мост, бетонно-вантовый, как единое сооружение уже не существовал. Остался кусок с нашей стороны Разлома – пятьдесят метров путей, зависших над пропастью на стальных канатах. Трамплин в пустоту. Вероятно, с другой стороны Разлома было то же самое.

А между бетонными трамплинами висела «временка».

Со стороны она выглядела лесенкой из рельсов и шпал. Подойдя по остаткам старого моста ближе мы увидели, что рельсы, конечно, не висели в полной пустоте. Там тоже были тросы – два толстенных троса, между которыми крепились шпалы, а уже на шпалах лежали рельсы. Крепились тросы не к пилонам – те не выдержали бы такой нагрузки, а прямо к скальному краю каньона.

Чудовищные тросы. Толстенные. Сплетенные из более мелких тросов. Две «косички», кинутые через пропасть, уходящие в прорубленные в скале отверстия.

– Там вырублены камеры, – сказал Петрайх. – В них бухты тросов и крепления, заглубленные в камень. Теоретически, тросы можно еще подтравить, если случится подвижка. Но их давно не было.

Я посмотрел на «временку». Она, конечно, не была ровной, как обычный мост. Это был тот классический висячий мост, который любят показывать в приключенческих фильмах, – натянутый над пропастью, сильно провисающий посередине. Только этот мост был не из веревочных канатов и досок, а из стальных тросов и рельсов. Он провисал, уходя вниз

под углом градусов в десять-пятнадцать, но насколько глубоко – в темных, заполненных туманом глубинах Разлома даже не было видно. Как и другого конца моста – он тянулся километра на три-четыре.

– Ужас какой, – сказал я. – И по этой... этой штуке... едет поезд?

– Ну что вы! – искренне удивился Петрайх. – Как можно! Он и так на пределе прочности висит. Были бы тут ветра – рухнул бы...

– А ветров нет? – поинтересовался я. – Здесь? В таком каньоне? Тут аэродинамическая труба готовая!

– Нет тут ветров, – мрачно сказал Ашот. – Место... такое. Своеобразное.

Он передернул плечами, будто вспомнил что-то очень неприятное.

– И зачем тогда мост? – продолжил я. – Если поезда не ходят?

– Дрезина, – с улыбкой пояснил Петрайх. – Медленно, но верно. Двадцать минут туда, двадцать обратно. Пять-шесть ходок – почта и ценные грузы переброшены. А на той стороне – другой паровоз.

Помолчав секунду, он добавил:

– Ценным грузом, как вы понимаете, могут быть и два-три человека.

Дождь в Центруме – всегда событие.

Старик предрекал непогоду с утра. Мы шли самым дальним и самым скучным дозором – от окраин Антарии и до старого серебряного рудника Ирбранд, где вопреки здравому смыслу ковырялись в земле два десятка старателей. Не пойму, как им хватало на самое скудное существование...

Дозор был долгий – весь день мы были в пути, вечером ночевали в Ирбранде – там хватало заброшенных строений, – на следующее утро возвращались обратно. Ну или через портал на Землю. Дозор был скучный – ни разу за все время мы не встретили ни нарушителей, ни легальных торговцев. Но это был один из тех маршрутов, что предписывались нам штабом, – и мы послушно в него ходили. Не каждый день, конечно. Не та у нас застава, чтобы полноценно патрулировать всю территорию...

– Будет дождь, Ударник, – поглядывая на небо, бормотал Старик. – Помяни мое слово, будет! У меня когда левое запястье ноет – это к дождю!

– А если правое? – мрачно спросил я. В дождь в Центруме я не верил, но до Ирбранда было топать еще часа два.

– Если правое – к снегу!

Кажется, старик не шутил.

– А если колени? – поинтересовался я.

– Они у меня и так под вечер ноют, на любую погоду, – Старик вздохнул. – Буду скоро сидеть на заставе, вместе с Ведьмой. Надо нам

побольше молодых крепких ребят, вроде тебя или Скрипача.

– Тогда уж лучше вроде Деда.

Старик вздохнул.

– Он уйдет от нас, не сомневайся. Ему уже сейчас скучно. Но мы его маленьким подобрали, обогрели, уму-разуму научили... ему неудобно. Он парень хороший, добро помнит... Но уйдет, еще годик-другой среди нас потрется – и уйдет. Переедет в другой город, к другой заставе прибьется... – Старик вздохнул. – А то и контрабандистом станет. Молодость! Скучно быть законопослушным!

– Как по мне – так адреналина хватает, – сказал я.

– Мы уже старенькие, Ударник, – хихикнул Старик. – Даже ты, даже Калька... Много ли нам надо? Раз в месяц пострелял – вот и хвост пистолетом... Ударник, капнуло, что ли?

Я посмотрел вверх. Тучи над головой висели плотно и имели угрюмый сизовато-серый цвет. Но дождем пока даже не пахло.

– Не будет дождя, Старик.

– Будет, будет... – Старик вздохнул. – Люблю я степь после дождя! Тюльпаны из земли прут... маки... жалко, здесь никаких тюльпанов не осталось, слишком мало воды. А вот на Байконуре – такая красота весной! Недолгая, ну так красота тем и хороша, что ее ждать надо...

– Ты что, Старик, космонавт? – спросил я.

– Нет, – с искренним сожалением ответил он. – Но на космодроме бывал! Я вообще много по стране поездил. На Дальнем Востоке был, на Крайнем Севере, юга все изъездил, в Калининграде жил год...

– А я больше по Европе, – сказал я. – И в Азии был. В Таиланде и Вьетнаме.

– Ты на курортах жопу грел, – беззлобно ответил Старик. – А я работал. Я и за рубежом-то ни разу не был.

– За границей, что ли? – поразился я. – Даже в Болгарии? Даже в Турции?

– Раньше невыездной был, – сказал Старик. – А сейчас... ну какая Турция, когда можно в другой мир попасть?

– Ну, все Клондал и Клондал, надоедает же...

– Не скажи. Когда часто ходишь – куда только порталы не выбрасывают. Я в Джавале был пару раз. Там хорошо, там море. Я даже искупался. В Сургане был, в Цаде... Один раз на северный полюс местный выбросило.

– Что, правда?

– Ну, может, и не полюс, но снег и лед до горизонта, темнота – видно,

полярная ночь, и северное сияние. Чуть не околел, пока портал открыл...

Минуту я шел молча, размышляя. Потом сказал:

– Старик, ты гонишь. Какое северное сияние? У Центрума нет магнитного поля!

– Ага, щаз! – насмешливо ответил Старик. – То-то мы тут пожили бы, без магнитного щита! Есть магнитное поле, потому как северное сияние я видел. Или южное, кто его разберет... Тут, наверное, прямо сейчас полюса местами меняются, потому и компас не работает... А однажды меня в океан выбросило.

– Что? – вот тут я вдруг испугался по-настоящему. Перспектива оказаться голым (учитывая специфику моего портала) посреди ледяной пустыни тоже не радовала. Но в океане...

– Океан или море, – сухо сказал Старик. – Берегов не видно, вода соленая. Ну и страху же я натерпелся, пока сумел портал открыть! Будь у меня техника открытия сложная или долгая – потоп бы, я не великий пловец.

– Старик, ты ведь шутишь? – спросил я. – Как ты мог открыть портал в воде? Порталы открываются в воздухе, в пространстве, свободном от твердых тел!

– Жить захочешь – и не то откроешь, – флегматично ответил Старик. – Воздух тоже материальное тело, вода чуть погуще, конечно, но с точки зрения физики разница исключительно количественная... Открыл я портал в воде, вместе с водой и вернулся – полквартиры залило. Сосед снизу прибежал, ругался, у него потолок протек...

Я испытующе посмотрел на Старика. Врет или нет? Но его лицо оставалось непроницаемым, без тени насмешки.

– Слушай, я теперь побоюсь в Центрум ходить!

– Да не дрейфь, Ударник! Смотри куда идешь и все!

– Я спиной иду!

Старик хмыкнул и почесал затылок.

– Ситуация... Ну ты знаешь, это был исчезающе редкий случай. Кого ни спрашивал – ни с кем такого не было. Порталы открываются только над сушей и над самой почвой. Жалко, конечно, что управлять порталами нельзя, но такие проблемы нечасто бывают.

Но я все равно не сразу успокоился. И пару раз после этого разговора даже ходил в Центрум со спасательным жилетом.

...А дождь хлынул, когда мы уже добрались до Ирбранда. Можно сказать, нам повезло – это был настоящий ливень, разверзлись хляби небесные, дождь лил весь вечер и всю ночь, степь раскисла, не в силах

впитать всю воду, превратилась в грязевую равнину – и обратно мы решили не идти. Открыли порталы и отправились по домам.

Так я и не узнал, появляются ли в Клондале тюльпаны после дождя...

Вначале из тумана донесся звук – ритмичный перестук колес и поскрипывание механизма. Потом появилась дрезина. Ползущая по обманчиво тонкой нитке моста, она приближалась не слишком быстро – километров десять в час, наверное, но неуклонно. В верхней точке подъема ее ход замедлился, но она упорно ползла к краю каньона.

Это была уже третья «ходка» – почты и ценных грузов в этот раз оказалось немного, теперь должны были переправить нас. Наемники, как я понял, переправляться не собирались, а должны были вернуться в Антарию. Только Эйжел – я уже различал ее фигурку, ритмично качающую рычаг дрезины на пару с тощим жилистым парнем, не то помощником, не то родственником Петрайха, собиралась продолжить путь с нами. Эйжел специально напросилась в последнюю грузовую поездку, чтобы изучить ситуацию на той стороне.

– Не страшно? – спросил нас Петрайх.

Хмель хмыкнул, Ашот что-то пробурчал. Я не стал уклоняться от ответа.

– Страшно, конечно.

– Правильно, – одобрил Петрайх. – По первости страшно. Но когда привыкнешь – такое удовольствие! Я иногда один сажусь, выезжаю на мост... лучше вечером или перед рассветом. На серединке остановишься – и стоишь. Тихо... вокруг туман – и темнеет потихоньку. Или светает. Мост раскачивается, поскрипывает... аж мороз по коже. Снизу звуки...

– Какие звуки? – спросил я.

– Ну мало ли что в тумане примерещится, – замял тему Петрайх. – Особенно хорошо, если... – он обернулся, будто проверяя, нет ли рядом его маленькой строгой жены, – если бутылочку с собой взять. Небольшую. Сидишь, отпиваешь по глоточку... Только тяжело потом стартовать, с нижней точки-то. Иногда приходилось вперед-назад раз по десять дрезину гонять, пока амплитуду наберешь...

Дрезина выкатилась на твердую почву, заскрипели тормоза. Эйжел спрыгнула на землю и поспешила к нам. Мне достаточно было глянуть на ее лицо, чтобы понять – что-то случилось.

– Петрайх! – закричала она еще по пути. – Ты дубина!

– Ты чем недовольна, женщина? – Петрайх сразу сменил тон.

– Они уехали! Забрали последнюю почту и уехали! Сказали, что почта

срочная, они не станут ждать пассажиров! Надо было отправить пограничников первыми!

Петрайх не выглядел ни смущенным, ни расстроенным.

– Откуда мне было знать? Люди нечасто переправляются на тот берег, но поезд всегда ждал!

– А сейчас не стал!

– А мне откуда было знать? – начальник станции пожал плечами. – Я связался с той стороной, мы все обговорили. Хочешь – верну деньги.

Эйжел сплюнула и топнула ногой. Повернулась ко мне. Она была по-настоящему расстроена.

– Ударник... Прости, я дура. Я должна была предусмотреть такое. Они уехали, Ударник. Следующий раз поезд придет через двое суток!

– Но мы можем переправиться? – уточнил Ашот.

Эйжел косо глянула на него. Чем-то ей наш Скрипач был несимпатичен.

– И что толку? Вы хотели догнать... своих. А через двое суток они уже будут в Марине. Единственный шанс был уехать на этом поезде.

– Эйжел, мне, право, неловко, – сказал Петрайх. – Видимо, в конверте для того машиниста было что-то про срочность...

– Или совет уехать побыстрее, не забирая пограничников, – мрачно сказал Ашот. – Как думаешь, Эйжел? Наше появление на станции секретом не осталось. Ловить нас паровозникам не с руки, но и ссориться с погранцами – тоже...

– А ты не дурак, – кивнула Эйжел, поразмыслив секунду. – Что, Петрайх? Так и было?

– Мне-то откуда знать? – пожал тот плечами. – Спроси Пагасо, может, он в курсе.

Эйжел прищурилась. Посмотрела в сторону станции. И выругалась.

В воздухе плыл паровозный дымок.

– Быстрее, ребята, – скомандовала она. И побежала к станции.

Спешить было не обязательно. Хоть Пагасо и развел пары, но уехать ему не дали. Наемники даже не стали ничего говорить или угрожать – просто встали рядом с паровозом. Пагасо явно нервничал, но с места не трогался. Да и какой смысл? Заскочить на начинающий двигаться поезд эти ребята могли за пару секунд.

При нашем приближении Пагасо высунулся в окно, что-то проорал, потом нырнул внутрь, дал гудок. Какой в этом был смысл – не знаю. Может быть, он так успокаивал нервы.

– Далеко собрался, машинист? – крикнула Эйжел, останавливаясь у паровоза.

– В депо! – рявкнул Пагасо. Он не был напуган, нет. Скорее – смущен и расстроен.

– А что ж нас не подождал?

– Забирайтесь, не вопрос! – похоже, Пагасо искренне желал такого исхода.

– Одна проблема, паровозник. Твой коллега на той стороне не стал ждать. Уехал. Не знаешь, почему?

Пагасо, хлопнув железной дверью, ловко соскочил на землю. Встал перед Эйжел, упер руки в бока. Нет, он не трусил, он злился – но не на Эйжел.

– Знаю! В сопроводительном письме из депо ему было велено уехать, не забирая пассажиров.

– Пагасо, мы так не договаривались, – холодно сказала Эйжел.

– Я-то тут при чем? – машинист пожал плечами. – Сам узнал только здесь, когда конверт вскрыл. Кто-то на твоих друзей в обиде.

– Пагасо, мы с железнодорожниками не ссоримся, – сказал я. – И никогда вас не обижали, и помогали, если надо...

Пагасо зло топнул ногой.

– Знаю, Ударник! Только что с того? Начальство велело! Вы там со своими переругались, верно? А наши встречать не хотят! До Разлома я вас довез, больше ничем помочь не могу. Извиняй!

– Я тебя сейчас извиню, гнида! – звенящим голосом сказала Эйжел. – Никто не смеет обманывать клан! Я – голос клана в этой земле, я – сердце клана в этом дне, я – говорю слова клана...

Наемники взялись за оружие. На лице Пагасо вдруг бисером проступил пот.

– Эйжел, он не врет, – сказал я. – Эйжел... ну остынь.

Я крепко взял ее за плечо. Вот только не хватало, чтобы она ляпнула те слова, после которых пути назад не будет. Машинист ни в чем не был виноват, и парнишка-помощник тоже.

– Эйжел...

Она посмотрела на меня белыми бешеными глазами. Потом лицо Эйжел расслабилось.

– Ты прав, Ударник...

– Эйжел, я к тебе со всем уважением, – чуть дрогнувшим голосом сказал Пагасо. – Но я человек маленький. Подневольный! Приказали бы мне какую подлость сделать – я бы, может, и взбрыкнул. Но тут-то что я

мог? Почту передал, конверт вскрыл – там написано, что вас за Разлом пускать нельзя... Да вы езжайте, что вам тот паровоз? На дрезине медленно, конечно, но...

– Машинист, – негромко сказала Эйжел. Но почему-то ее тихий голос перекрыл шум разогретого паровоза. – Скажи, а ты хочешь совершить такое, что твое имя повторят все железнодорожники Центрума?

Пагасо мгновение помолчал. Потом сказал:

– Я понял. Не дури, девчонка. Все умрем. А не умрем – так меня в тюремный эшелон законопатят до конца дней.

– Не законопатят. Ты все сделаешь под дулом револьвера, прижатого к виску.

Лицо старика пошло какими-то причудливыми пятнами, белыми и красными вперемишку. Не хватила бы его кондрашка!

– Дурь это, девчонка! Не выдержит!

– Уверен? Думал же, небось. Все вы, паровозники, чокнутые на своих железках. Точно не выдержит?

Пагасо достал из кармана мятый клетчатый платок. Вытер лицо. Потом пожал плечами.

– Не знаю. Маленький такой шанс есть. Наверное. По сравнению с мостом – мой паровоз пушинка.

Только тут до меня дошло, чего хочет Эйжел.

– Ты серьезно? – спросил я.

– Сам решай, серьезно или нет, – ответила она, по-прежнему глядя на машиниста. – Это твои друзья. Готов ты за них рискнуть шкурой, и как именно готов, – только ты знаешь.

– Умрем же все! – пробормотал Пагасо. На меня он никакого внимания не обращал, смотрел только на Эйжел. – И паровоз угробим...

– Твой паровоз все равно спишут на лом, как только ты отправишься на пенсию, – сказала Эйжел. – Сам знаешь, старая модель, ГВ-14, она только в таких тупиках небо коптит. А насчет «умрем»... Ты не забыл, что мы пограничников везем? Что они из другого мира... и могут туда уйти в любой миг?

Вот теперь Пагасо посмотрел на меня.

– Ударник, скажи сам. Если мост оборвется... ты сумеешь перенести паровоз в ваш мир? У нас будет несколько секунд!

– Я – нет, – врать мне не хотелось. Обернувшись, я посмотрел на Хмеля и Ашота.

Хмель покачал головой.

Ашот уставился на паровоз. Похоже, прикидывал его высоту.

– Паровоз – не смогу, – сказал он. – Портал такого размера... не растяну. А вот людей, всех кто будет внутри, выдерну.

Кажется, он был абсолютно уверен в своих словах. Черт, как же я завидую тем, у кого быстрые порталы! Кому не нужны все эти танцы в голом виде с полотенцем, песнопения, ругань!

– Ты адреналиновый проводник? – уточнил я.

– Адреналиновый, первого рода, – кивнул Ашот. – Если испугаюсь – тут же портал открою. А если эта хрень сорвется в пропасть – я так испугаюсь, что штаны придется стирать. Гарантирую портал огромного размера и устойчивости!

– Ну, машинист? – требовательно сказала Эйжел. – Готов или как? Если нет – останешься здесь, мы сами рискнем. Но потеряешь шанс на самое большое приключение в жизни!

– Вот же зараза! – восхищенно сказал Пагасо. – Никуда я с паровоза не уйду! Но у меня три условия!

– Говори.

– Первое – я делаю все под принуждением, и ты напишешь об этом бумагу. Ясно? Второе – Бор тут останется. Нечего парню рисковать, у него жена первенца ждет. Третье – если и впрямь погранец нас утащит в другой мир, то пусть клянется, что потом в Клондал вернет!

Он секунду помолчал и добавил.

– Только не сразу! Вначале я должен увидеть ваши железные дороги и проехать на «Сапсане»!

– Ну спасибо, что не на TGV, – пробормотал Ашот.

– Были бы французы – прокатили бы на TGV, – пожал плечами машинист. – Японцев бы просил на «Синкансене» прокатить. Испанцев – на «Талко».

– А ты осведомленный дяденька, как я погляжу, – признал Ашот.

Глава 13

Револьвер Эйжел и впрямь держала у виска машиниста. И даже курок взвела, что, на мой взгляд, было совершенно излишне – согласившись, Пагасо больше не колебался. Бор, несмотря на все его протесты, был с паровоза изгнан. Вагоны, платформа и даже тендер – отцеплены (хотя тендер пока и стоял вплотную к паровозу, и уголь, лопата за лопатой, отправлялся в топку). Стрелка манометра уже давно вошла в красную зону, показывая опасное давление в котле, но Пагасо выглядел спокойным. Мы решили довериться машинисту – свою машину он явно знал.

Выхода у нас все равно не было. Либо отправиться домой, либо попытаться преодолеть Разлом на старом паровозе. Оптимизма и душевного спокойствия это не прибавляло.

Но больше, чем висячий мост, тяжеленный паровоз, нервничающая Эйжел и откровенно трусящий Ашот, меня нервировал Петрайх.

Смотритель станции вовсе не собирался нам мешать. Напротив! Он со своими помощниками (и, судя по всему, родственниками) убрал с путей дрезину, по просьбе Пагасо смазал буксы и колесные пары, вообще – из всех сил старался помочь.

Но когда необходимость в его помощи иссякла, он с женой и пятью мелкими детишками, а также четырьмя взрослыми помощниками, уселся на вокзальные скамейки. Жена сбегала в дом и принесла ведро, полное колотого льда и бутылок с пивом. Дети начали ныть и тянуть руки к пиву – за что вначале получили по загревку, а потом были посланы в дом и вернулись радостные, с кувшином мутного домашнего лимонада. Петрайх достал из промасленной газеты огромную копченую рыбину – то ли мелкого сома, то ли что-то местное, эндемичное, и принялся разделять, наделая взрослых кусочками. Лакомые плавнички достались жене, которая уселась рядом с мужем и тоже взяла пиво, но и помощников Петрайх не обделил.

– Ёшкин кот! – выругался Ашот, выглядывая в окошко. – Да им только попкорна не хватает!

– Отсталый мир, – согласился я, – попкорн не изобрели... Народ, а здесь вообще кукуруза растет?

И Ашот, и Хмель пожали плечами. Эйжел коротко ответила:

– Не знаю. Но я этим не интересуюсь.

Ее команда собралась по другую сторону путей. В отличие от

станционного зрителя с семьей, они вели себя сдержанно – просто стояли и наблюдали за нами. Они и с предводительницей своей прощались очень сухо, видимо в силу обычаев. Со мной, к примеру, гораздо теплее – жали руки, хлопали по плечам, произносили что-то ритуальное на своем языке, который я так толком и не выучил.

– Надо завезти и наладить выпуск попкорна, – решил я. – Озолотимся.

– Пока у них целлулоид разлагается на лету – кина не будет, – фыркнул Ашот. – А без кино никакой попкорн не пойдет.

– Ну что, господа пограничники, прокатимся с ветерком? – спросил Пагасо, швыряя в топку последнюю лопату угля. И, не дожидаясь ответа, дернул за цепь, заставив паровоз издать протяжный гудок.

– Пар теряешь, – сказал я.

– Поучи отца детей делать, – презрительно сказал машинист. – Паровоз без гудка со станции не уходит, иначе это не паровоз, а телега на паровом ходу.

Он дернул какой-то рычаг, повернул сверкающий от миллионов прикосновений маховичок, потянул еще один рычаг...

Паровоз облегченно вздохнул, вздрогнул, заскользили где-то невидимые нам рычаги и закрутились шестеренки (или что там крутится в паровозах?) Мы двинулись – еще медленно, но с угадываемой нарастающей мощностью.

– Удачи, погранцы! – закричал с перрона Петрайх и отсалютовал нам бутылкой. – Я верил, что однажды какой-то псих решится это сделать!

Напутствие придало бы нам больше оптимизма, если бы не продолжение, донесшееся уже вслед набирающему ход паровозу:

– Достал меня этот Разлом, достала эта станция, сопьюсь я тут! Валите мост на хрен!

– Ах, скотина! – от души сказал Ашот. – Какая же он свинья!

Пагасо метнулся к окну (Эйжел дернулась за ним и даже схватила за плечо, видимо, решила, что машинист хочет дать деру). Но Пагасо лишь высунул голову и закричал:

– А вот не дожدهшься! Сдохнешь на этой станции, тля перронная! И дети твои тут состарятся!

– Какие теплые, дружеские отношения, – пробормотал Ашот. Он бледнел на глазах и старался не смотреть в окна.

А вот я не мог оторвать взгляд от надвигающегося Разлома.

Ну казалось бы, что такого – ущелье, только большое. Каньон. Щель в земле. Овраг-переросток. Тьфу на него! Тем более все заполнено туманом, дна не видно... и не так страшно...

Но почему в нем нет ветров?

Почему вечно стоит туман?

И почему этот туман остается таким темным, хотя солнце в зените? Разлом уже не выглядел черной бездной, как утром, но и клубящаяся серая мгла будто таила в себе какой-то мрачный антисвет, поглощала солнечные лучи...

– Что там внизу, Ашот? – спросил я. – Ты же был. Скажи, а?

Ашота передернуло, но он не ответил, а лишь неуклюже сострил в приступе храбрости:

– Есть шанс самому увидеть!

В этот миг мчащийся паровоз перевалил край Разлома и оказался на висячем мосту.

Если бы в ту же секунду древняя конструкция рассыпалась будто детский конструктор под ногой, я бы ничуть не удивился. В нашей затее было слишком много авантюры и слишком мало трезвого расчета.

Но мост выдержал.

Мы мчались вперед, под уклон, в туманное море. Пагасо что-то орал, прыгая на месте, и я вопреки всей логике испугался, что эти прыжки раскачают мост.

А мост не качался. Будто немислимость происходящего и человеческая дерзость поразила даже законы физики. Тонкая лента дороги была почти неразличима на фоне тумана, и казалось, будто паровоз мчится по воздуху, словно в детской сказке или старой фантастике. Ход все ускорялся и ускорялся – перегретый котел и наклон моста работали заодно, разгоняя нас до немислимых в Центруме скоростей. Не взлететь бы с рельсов на самом деле!

– Мамочка родная! – воскликнула Эйжел. Это было так на нее не похоже, что я покосился на бывшую подругу, ожидая увидеть на ее лице насмешливую улыбку. Но нет, она кричала всерьез, ей было страшно.

А у меня весь страх прошел. Так, наверное, бывает у людей, боящихся высоты, когда самолет отрывается от земли, пронзает тучи и ложится на курс. Вроде страшное никуда не делось – но страх исчезает...

– Получилось? – с удивлением спросил Хмель. Я заметил, что он держит автомат в руках – будто собирался в случае падения начать палить в пропасть.

– Получилось! – радостно подтвердил я.

– Получилось, – согласился Ашот. И через мгновение, выпучив глаза на Хмеля, завопил: – Что? Ты говоришь?

– Говорю, – признал факт Хмель. – Не слышишь, что ли?

От бывшего заикания Хмеля не осталось и следа. Может быть, от шока? Во всяком случае, бывший «немой» и сам выглядел удивленным.

– А почему раньше не говорил? – воскликнул Ашот, неосторожно подставляясь под старый анекдот. И Хмель случая не упустил, ухмыльнулся и с противной интонацией вредного ребенка ответил:

– А раньше все нормально было!

Пагасо на наши внутренние разборки внимания не обратил. Он стоял у рычагов управления, впрочем, не касаясь их, и напряженно смотрел вперед. Потом сказал, вроде и негромко, но мы все его расслышали даже в грохоте мчащегося паровоза.

– Рано радуетесь! Вот перевалим середину, на подъем пойдем – тогда можно расслабиться. Нагрузка-то упадет, а пока мы на мост давим все сильнее...

– Позвольте-ка! – Ашот перевел изумленный взгляд с внезапно обретшего дар речи товарища на машиниста. – С какой это стати? Наоборот, пока мы вниз под уклон едем – мы меньше давим на мост!

– Видать у вас школы совсем плохи, – презрительно сказал Пагасо.

– Да что вы дурью маетесь? – спросил Хмель и на мгновение замолчал, будто сам вслушивался, как прозвучали его слова. – Масса – она и есть масса. При таких скоростях изменений нет.

– Еще один ученый, – фыркнул Пагасо. – Масса-то не меняется, а вот динамическая нагрузка...

– Давайте разберемся! – воскликнул Ашот.

Я подумал, что все это безумно напоминает какую-то старую книгу. Кажется, Жюль Верна. Это у него герои обожали вести длинные научнообразные разговоры в самом неподходящем месте – в снаряде, мчащемся на Луну, в плену на подводной лодке, на падающем воздушном шаре... Но удивительное дело – здесь, в грохочущем и пышущем паром локомотиве, который наверняка одобрил бы старый французский мечтатель, этот нелепый спор казался вполне уместным и естественным.

Но выяснить, чья точка зрения правильна, мы так и не успели – паровоз въехал в туман.

Это напоминало даже не полет на самолете – тот пронзает облака хоть и быстро, но никакой аналогии с водой не возникает, – а то, как ведут себя облака в японских мультфильмах. Я готов руку положить на отсечение, что когда колеса паровоза коснулись тумана – тот разбрызгался в стороны, будто водная гладь, а за нами по поверхности тумана заплясали буруны.

Ох, не простой это туман!

В кабине паровоза несколько секунд воздух оставался чистым. Но мы

мчались, погружаясь в серую мглу, и из всех щелей закружились, оседая на пол, мутные струйки тумана. Запахло аммиаком – не резко, едва-едва слышно, и чем-то пряным, будто восточными благовониями. Огонь в топке, куда Пагасо подкинул последнюю лопату угля, приобрел явственный зеленоватый оттенок.

– Мы не задохнемся от этой дряни? – спросил я.

– Слышал же – Петрайх в этой дряни пьянствовать любит, – как-то нервно усмехнулся Ашот. – А я внизу был, там вообще кисель... но ничего, дышится... Слушай, Иван Иванович, но почему ты молчал-то раньше? Без шуток?

– Да дурак потому что, – медленно, будто пробуя слова на вкус, ответил Хмель. – Забыли, короче. Ты лучше бояться не переставай, вдруг портал понадобится.

Кабина паровоза уже была заполнена туманом, плотным, будто дым от осенних листьев. Но глаза не щипало, дышать тоже не мешало, только странный букет запахов мешал. По ощущениям мы уже были где-то в нижней точке моста и шли ровно. Кабина была погружена в молочную полутьму.

– Полпути, пошли на подъем! – крикнул Пагасо. Он следил за каким-то простеньким прибором, похожим на уровень, но заполненным, наверное, очень вязкой жидкостью – тряска на нее никак не влияла. – Молитесь своим богам!

Мы молится не стали, разве что кто про себя... А вот Эйжел убрала наконец-то револьвер и что-то зашептала одними губами. Выглядело это так, будто она готовилась открыть портал – но это жителям Центрума не дано. Видимо, молилась? Я подумал, что никогда не интересовался, верит ли она, и если да, то в кого или во что. Плохой я любовник, наверное. Не в плане секса, а в таком, общечеловеческом...

Через несколько секунд подъем почувствовал и я. Но все вроде бы было гладко. Мы переглядывались, а поезд бодро мчался вверх по мосту. Я почувствовал, что напряжение спадает.

Все, наверное, это почувствовали. Потому что Ашот потрянул головой и сказал:

– Я по жизни знаю – как подумаешь, что беда позади, так все и начинается!

– Типун тебе... – начал Хмель.

И мы слышали скрип.

Очень он был нехороший, этот скрип.

Во-первых, громкий. Очень. Раз уж пронзил нас до печеник, несмотря

на грохот колес и шипение пара.

Во-вторых, какой-то... протяженный. Не в том смысле, что долго длился. Ощущение было такое, будто он раздавался сразу отовсюду. К примеру – будто его издавал один из тросов, тянущихся через Разлом.

А в-третьих, было в этом звуке что-то угрожающее. Так человек инстинктивно чувствует по хрусту, что доска под ногой вот-вот сломается или что штукатурка с потолка на голову вот-вот рухнет.

– Что за хрень... – почти простонал Ашот и затравленно оглянулся. – Не люблю я высоту! И овраг этот не люблю!

– Выноси, родимая, – очень спокойно произнес Пагасо, поглаживая маховичок на пульте. Поколебался секунду – и крутанул его. Что-то зашумело, и колеса застучали чаще.

Ну надо же, никогда не думал, что для старого машиниста его паровоз – «она»...

Скрип раздался опять.

Точно такой же.

Но вроде как длился чуть дольше.

– Не нравится мне это, – сказал Хмель печально. И начал негромко напевать:

Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне – остановка...
Другого нет у нас пути,
В руках у нас – винтовка...

Ашот поглядел на него как на психа. Я-то понимал, что Хмель пытается открыть портал. Но со стороны это выглядело как форменное безумие.

– Полагаю, это рвется трос, – внезапно сказал Пагасо. – Если он продержится еще две-три минуты – успеем проскочить...

– Какой трос? – засуетился Ашот. – С какой стати рвется трос? Ты что у нас, специалист по определению разрывов тросов на слух? Не пугай, дед!

– А ты сам не пугайся, – хладнокровно ответил Пагасо. – Поедешь по железке с мое – научишься узнавать, как стонет металл перед смертью...

Скрипнуло снова, коротко, но пронзительно.

И тут мы вынырнули из тумана и понеслись по мосту вверх. Появление солнца вся наша компания встретила радостным воплями. Но еще больше радовал близящийся край Разлома.

– Ну что, повелитель пара, не помер твой металл? – ехидно спросил Ашот. – А боялся...

Пагасо выглядел не то удивленным, не то даже раздосадованным. Пожал плечами, утер рукавом пот со лба. Сказал:

– Я же говорил, если середину перевалим – легче мосту станет. Может, и отпустило хреновину-то...

И тут скрипящий визг ударил нам по ушам. Я подумал, что нечто подобное ощутит мошка, оказавшаяся на вибрирующей гитарной струне...

– Бля-я-я-я! – завопил Ашот, обернувшийся назад.

...на рвущейся гитарной струне...

Я кинулся к задним окошкам паровоза. Сейчас, когда ни вагоны, ни тендер не загораживали обзора, нам был прекрасно виден весь Разлом, заполненный тяжелым туманом, старые опоры, сверкающая на солнце нитка моста...

И скручивающийся, взвившийся вверх трос.

Один из тросов, на которых держался мост, порвался.

А через мгновение лопнул и второй.

Тонкая ленточка рельсов закрутилась вместе с тросами, они взмыли в воздух, будто наматываясь на невидимую катушку, потом с моста посыпались шпалы, отдельные рельсы – весь жалкий человеческий мусор, долгие годы нависавший над пропастью.

И тут же возник портал – здоровенный, метра три в диаметре! Можно было не сомневаться, что это работа Ашота.

Вот только возник он на расстоянии метров десяти от нас. Мерцающее зеркало мчалось за локомотивом, болтаясь в воздухе с полным пренебрежением к законам физики.

Черт возьми! Ашот был из тех проводников, чей портал возникает на изрядном расстоянии. И использовать его из паровоза мы никак не могли!

Видимо, Ашот это тоже понял – потому что издал горестный стон.

Но мы продолжали мчаться.

Мост за нами скручивался в спираль, и одновременно падал вниз, в туман, а по рельсам за нами шла волна – рельсы дыбились, гнулись, летели в пропасть. Будто великан-пастух щелкнул своим бичом...

А мы неслись по той части моста, до которой разрушение еще не добралось, которую инерция еще держала в воздухе... или уже нет? Или мост под нами уже начал проседать?

Я посмотрел вперед, по ходу паровоза. Край Разлома был рядом! Совсем рядом! Метров сто... может, даже меньше?

Мы делали сейчас километров пятьдесят-шестьдесят в час. Значит, эти

сто метров – это несколько секунд. Шесть секунд. Десять, допустим, если я неверно оценил расстояние и скорость...

– Вывози, старушка! – крикнул Пагасо, рванулся к своим рычагам, задержал их – вряд ли в реальной надежде выжать из паровоза большую скорость, даже если резерв имелся, было слишком мало времени на то, чтобы медлительные механические передачи успели быстрее раскрутить колеса... Скорее он просто не мог оставаться бездеятельным в этот миг.

То, что, подергав свои рычаги, Пагасо рванул цепь и паровоз пронзительно и негодуяще загудел, окончательно укрепило меня в мыслях, что ему просто требуется что-то сделать. Ну хоть что-нибудь!

Постой, паровоз, не стучите, колеса,
Кондуктор – нажми на тормоза! —

пронзительно запел Хмель.

Эйжел взвизгнула и подняла револьвер, целясь в приближающуюся к нам «волну» вспучившихся рельсов. Интересно, а падая с обрыва, она будет стрелять в близящуюся землю? Наверняка! Эта девушка просто не могла игнорировать любую опасность, любого врага.

Дурдом «Солнышко» у нас, а не паровоз...

До края Разлома оставалось метров десять, когда рельсы вздыбились прямо за нами – и отвесили паровозу хлесткий удар. Стекла брызнули осколками, мы попадали на пол.

И последние метры до твердой земли наш паровоз пронесся по воздуху, будто тот самый летающий паровоз из старого фильма «Назад в будущее».

Хмель потом клялся, что приземлились мы на пути и метров десять ехали по ним, но падающий мост выдернул из-под нас рельсы, и мы помчались уже по земле.

Недалеко, впрочем.

До ближайшей опоры старого моста.

Глава 14

Взрыв парового котла – это смешно только в книжке про летающего хулигана Карлсона и его доверчивого малолетнего друга. А вот наши предки прекрасно понимали, что с паром шутить не стоит. Великий американский писатель Марк Твен знал, о чем писал, когда его герои хватались за сердце при упоминании о взрыве паровой машины.

Может быть, паровой котел взорвался бы и сам. Много ли ему было нужно, старому и перегретому, чудом вытянувшему паровоз с рушащегося моста?

А может быть, ему хватило бы толчка при падении на рельсы.

Но все получилось совсем уж классически – мы слетели с рельсов и врезались в бетонную опору. И котел, разумеется, взорвался.

Судя по всему, основной выброс пара и осколков произошел вперед, в некстати подвернувшуюся преграду. Опора была иссечена и густо утыкана горячими металлическими обломками. Но и того, что ударило назад, нам бы хватило.

Вот только Хмель открыл все-таки свой портал!

Он возник в кабине, буквально на один миг – я успел увидеть в колышущемся зеркале маленькую аккуратную комнату, кровать, книжный шкаф, окно, прикрытое легким тюлем, а за ним – светящиеся окна многоэтажки. Через секунду паровоз воткнулся в опору, котел взорвался, от торможения нас всех бросило вперед – и мы вылетели бы из Центра в Москву, а кое-кто, возможно, продолжил бы двигаться через окно. Момент инерции при переходе из мира в мир сохраняется...

К счастью для нас, портал просуществовал не больше секунды. Ровно столько, чтобы отразить своей обратной, непроницаемой стороной град осколков и первую, самую яростную волну пара.

Потом портал исчез, и нас ждало свидание с рычагами, маховиками и прочей паровозной машинерией. Не очень приятное свидание. Но одно то, что никто из нас не влетел в топку, которая от удара распахнулась, можно было считать удачей.

– Я не люблю, когда зря! – воскликнула Эйжел. С возмущением посмотрела на свою правую руку, покоящуюся на груди в самодельном лубке. – Всьё зря!

– Мы пересекли Разлом, – напомнил я.

– И что? – развела руками Эйжел. – Сильно нам это помогло?

У меня болело, казалось, все на свете. И это при том, что я уже сожрал несколько таблеток земного обезболивающего и две местные пилюли, чей состав вызывал у меня большие сомнения... почти наверняка земные наркополицейские за любую такую пилюлю вкатили бы мне хороший срок.

Но серьезных травм у нас почти что не было – кроме сломанной руки Эйжел.

Ашот ухитрился вывихнуть большой палец. Видимо, это больно, потому что орал он как резаный. Эйжел посмотрела на него, выругалась – и вправила палец левой рукой, после чего занялась своим переломом. Хмель приложился головой, получил легкое сотрясение, но беспокоился, похоже, об одном – не вернулось бы заикание. Я обошелся многочисленными синяками. Старый хрыч Пагасо вообще был невредим! Сам он это объяснил просто: «Моя девочка меня никогда не обидит».

В общем, учитывая все обстоятельства, переправу можно было считать успешной.

Вся проблема была в том, что наш паровоз годился теперь только в металлолом. Да и то, если стоимость его доставки в Гранц будет сочтена выгодной.

А на полустанке, как две капли воды похожем на оставшийся на той стороне Разлома, своих транспортных средств не было. Ну, кроме дрезины, на которой смотрительница станции, как мы узнали, любила порой ездить в Разлом – смотреть на звезды и пить пиво в тумане.

Одного взгляда на эту немолодую, но крепкую и сексапильную бабенку было достаточно, чтобы понять страсть Петрайха к путешествиям в Разлом. Ох, не только звездами они любовались и пиво с виски пили. Похоже, еще и мост проверяли на прочность путем раскачивания...

Однако к исчезновению моста и, следовательно, разлуке с Петрайхом госпожа Адмира Вальдегун, смотрительница станции, отнеслась совершенно философски, даже с облегчением. Видимо, надоел ей Разлом хуже горькой редьки, да и Петрайх, похоже, надоел. Пока ее муж, Теогар, вполне представительный на вид, черноволосый и смуглый, вместе с Пагасо обследовал остатки паровоза, Адмира с живейшим интересом расспрашивала нас о путешествии. Может быть, для отчета, а может быть, просто из любопытства. В конце концов, эту историю ей теперь пересказывать всю жизнь, приукрашая по мере сил. За форменную юбку госпожи Адмиры цеплялись, застенчиво глядя на нас, двое детишек-погодков – девочка лет трех и мальчик лет четырех. Детишки были светловолосыми, голубоглазыми и вообще удивительно походили на

маму... или на Петрайха.

– Дрезину могу дать, – сказала Адмира. – Вообще-то не положено, но как мне вас остановить? Вы с оружием, пограничники... Вон, там в сараюшке стоит. Если хорошенько приналяжете, то к вечеру доберетесь до Иртана. А Иртан – станция узловая, там каждый день два-три состава проходит, а то и поболее.

– Может, есть какой-то прямой путь, короткий? – с надеждой спросил я.

– Прямее железки тут пути нет, – усмехнулась женщина. – Ее в старину строили, как по линеечке вели. Горки ровняли, овраги засыпали. Берите, дрезина хорошая.

– Все зря, – горько сказала Эйжел. У нее опять исчез всякий акцент. – Не люблю, когда боль зря. Мы твоих друзей только в Марине догоним.

Я понимал, что она имеет в виду. Штурмовать Штаб Корпуса мы, конечно, не сможем. Даже отбивать друзей от Службы собственной безопасности погранвойск было авантюрой. Пытаться их вызволить в городе, целиком и полностью контролируемом пограничниками, было полным безумием.

Адмира тоже ушла к паровозу – крушение вызвало живейший интерес у всех обитателей полустанка. А мы, воспользовавшись любезным приглашением, сели в уютной цветами беседке (все-таки чувствовалась женская рука) и откупорили пиво, любезно предложенное мужем смотрительницы. Пиво было не то, что пил Петрайх, – бутылки помельче и из темно-коричневого, а не зеленого стекла. Сурганское, как я слышал – одно из лучших в Центруме. Первый же глоток подтвердил слухи – пиво оказалось светлым, легким, но горьковатым и с отчетливым привкусом хмеля. Я такое и на Земле любил больше всего.

– Что будем делать? – спросил Ашот. – Какие мысли, Иван?

– Командуй, – добавил Хмель, глотнул пива и приложил бутылку ко лбу. – Холодненькое...

– Почему я?

– А кто еще? – пожал плечами Ашот.

– Ребята, я вообще-то самый молодой в команде, – напомнил я. – Даже Дед в Центрум дольше меня ходит. И вообще, я музыкант, а не спецназовец... и портал у меня самый нелепый из всех возможных, поверьте...

Ашот и Хмель внимательно смотрели на меня.

– Он серьезно, – сказала Эйжел хмуро.

– Иван, размер твоего портала, – Ашот ухмыльнулся, – так же как

длительность пребывания в Центруме, не имеет никакого отношения к тому, кто в нашей группе главный.

– Равно как боевые навыки и величина ай-кью, – добавил Хмель.

– Ударник, если ты не понял, что именно ты – лидер среди оставшихся, то ты совсем дурной, – сокрушенно произнесла Эйжел. – Но даже это ничего не меняет. Сейчас главный человек шестнадцатой заставы – ты. И решать тебе.

Вот те на!

Нет, я совсем не против был командовать и принимать решения. Просто на заставе это всегда делал Старик... или все же Ведьма – посредством Старика?

– Ребята, не ждите от меня чуда, хорошо? – сказал я. – Если бы я знал, что делать, то уже делал бы.

– А ты подумай, – посоветовал Хмель. – Мы пока пиво попьем, а ты подумай.

– Пиво тоже можешь пить, – великодушно разрешил Ашот.

– Предлагаю разогнать бегом дрезину, заскочить на нее и поехать, – сказала Эйжел, опять пренебрегая акцентом.

Юмористы...

Я сидел, пил пиво и наблюдал за Пагасо, который о чем-то оживленно беседовал с Теогаром возле обломков паровоза. Похоже, Теогар пытался на что-то уговорить машиниста, а тому предложение не нравилось. Пагасо махал руками, один раз чуть ли не замахнулся на Теогара, потом вроде остыл и стал внимательно слушать. Адмира тоже заговорила с ним, Пагасо почесал затылок. Потом они с Теогаром ушли куда-то за станционные здания.

– Пойду-ка я пройдуся, – сказал я и двинулся за ними.

Ситуация виделась мне совершенно тупиковой. Если вернуться на Землю и, допустим, угнать автомобиль – в Центрум мы с ним попадем снова в район Антарии. Автомобиль, при удаче, протянет в Центруме несколько часов – за это время мы далеко не уедем. Самолет мы не угоним, да и управлять им не умеем, тем более это техника более сложная и выйдет из строя еще быстрее. Вернуться на Землю, поехать в ту точку, откуда портал откроется куда-нибудь в район Марине или на узловую станцию Иртан? Не знаю я, куда ехать, да и на это требуется время. Окажется нужное нам на Земле место где-нибудь в Эфиопии или Австралии – и что дальше?

В общем, надо было обходиться своими силами. Тем, что мог дать нам Центрум, а конкретно – эта чахлая станция на краю Разлома. То есть

дрезиной. Но дрезина медленная.

Никакого выхода. Прямо хоть пользуйся советом Эйжел – разгоняй дрезину бегом и катись...

Я подошел к длинному и высокому обветшалому пакгаузу, стоящему тут, видимо, со времен «пластиковой чумы» и с того же времени не ремонтировавшемуся. Стекла в окнах были давно выбиты, даже осколков почти не осталось, я из любопытства заглянул – в темном пространстве угадывались рельсы, старые вагонные колеса, тросы, железные листы... Склад металлолома. К чему он тут? Железо стоит денег, семейка зрителей давно могла его продать и неплохо заработать. Похоже, Теогар как раз уговаривал Пагасо продать останки паровоза, чем и вызвал бурную реакцию машиниста. Но зачем ему еще несколько тонн ломаного железа? Может, это какая-то психическая патология?

Я пожал плечами и обошел пакгауз по скрипучему гравию. Здесь не было никаких беседок и цветочков, явно территория Теогара, а не Адмиры. У меня в голове постепенно сложилась целая история – сумасшедший мужик, собирающий старые железки и мечтающий, допустим, соорудить из них чудо-паровоз. Его жена, которая, разозлившись на невнимание мужа, завела любовника с другой стороны Разлома – и ездит ночами на свидания, качая мускулистыми руками рычаги дрезины... А что? Паранойя, страсть и немного секса – прекрасный сюжет для мелодрамы. А если в конце кто-нибудь свалится в Разлом – то и опера может получиться.

Усмехнувшись, я завернул за угол пакгауза.

И остановился как громом пораженный.

Передо мной стоял железный дракон.

Он был невелик – метра два с половиной, три в высоту. Дракон опирался на изогнутый хвост, сделанный из скрученного рельса, и когтистые лапы, в которых угадывались ломы, мотировки и завитые спиралью решетчатые вагонные ступеньки. Пасть дракона была сооружена из паровозной топки, только не большой, как у локомотива Пагасо, а принадлежавшей какому-нибудь маленькому маневровому паровозику. На туловище пошли те же рельсы, а также железные двери, жестяные фонари, куски семафора и совсем уж не опознаваемые мной предметы. Дракон был покрыт ржавчиной, но странное дело – она казалась частью замысла скульптора, придавала дракону цвет и чешуйчатость.

С ума сойти!

На любой земной выставке авангардного искусства этот дракон стал бы звездой экспозиции.

И он тут был не один. Огромное, аккуратно засыпанное гравием

пространство было утыкано самыми разными скульптурами. Драконы и собаки, мартыш и что-то похожее на лошадь, но даже в виде скульптуры явно лошадью не являющееся. Миниатюрные здания – я опознал Министерство иных миров с крошечными человечками под крышей, знакомую мне лишь по фотографиям громаду Пограничного штаба и, как ни странно, Эйфелеву башню! Люди – и это были не карикатурные схематичные изваяния, железные люди были узнаваемы и реальны – вот сам Теогар с двумя старшими детьми... а вот Адмира с младшими... и... и рядом с ней – Петрайх! Выходит, Теогар знал об измене супруги?

Я вдруг с болезненным стыдом понял, как глупо судить о людях по первому впечатлению. Для непритязательной мелодрамы или оперетки, может, это и годится. А что у людей в душе на самом деле – это можно понять, только когда и если они сами это покажут.

А может, лучше, чтобы и не показывали?

Теогар, бросив на меня быстрый и равнодушный взгляд, продолжил разговор с Пагасо.

– ...изогнутый мост, – энергично жестикулируя, сказал он. – Рельсы петлей... я сделаю, я видел, как это было! И летящий паровоз. Уже разрушенный, из котла бьет пар. Пара не будет, но все его увидят. И паровоз, конечно, будет немного касаться земли. Но этого никто не увидит. Я знаю, как. Я сделаю. Но я не хочу работать с другим железом. Мне нужно это, настоящее. Которое летело. Я же знаю законы, ты имеешь право выкупить паровоз после крушения по цене лома. Я не могу, ты можешь. Выкупи, я отдам деньги. Может, только не все сразу... – он обернулся к Адмире, та кивнула – твердо и уверенно. – Это будет лучшая моя скульптура.

– Продай железо, – попросила Адмира. – Ты же видишь – он у меня гений.

Пагасо посмотрел на меня, будто спрашивая совета. Я кивнул.

– Я выкуплю свою девочку, – сказал старик и откашлялся. – Машины не боятся доменных печей, они перерождаются в огне... Но иногда, очень редко, у них бывает и лучшая судьба. Стать памятником. Я выкуплю паровоз, художник. И денег мне не надо. Я подарю его тебе. Это лучшее, что я могу сделать для машины, на которой провел всю жизнь. Сделай так, чтобы она летела и не падала.

– Но я так не могу, – как-то по-детски сказал Теогар, прижимая руки к груди. Я вдруг заметил, что у него очень тонкие кисти и пальцы. Это были бы руки музыканта, если не бугрящиеся под рубашкой мышцы и изрезанные, обожженные, загрубевшие пальцы. Этот человек творил

удивительную красоту, но он работал с железом, а железо не щадит плоть. – Я хочу как-то с тобой расплатиться.

– Помоги ребятам, если можешь, – сказал Пагасо. – Это они затеяли такую авантюру. И они хотят помочь друзьям, а это хорошо.

– Я не могу починить паровоз, – растерянно сказал Теогар. – У нас есть только дрезина... теперь она не нужна, правда, Адмира?

– Теперь – нет. Теперь не нужна, – сказала женщина.

Господи, да что же за немыслимый любовный треугольник у них тут был?

– Теогар, – я шагнул вперед. – Скажи, у тебя ведь есть сварочный аппарат?

– Конечно, – с удивлением ответил он. – Как же иначе?

– Ацетилен?

– Ацетилен.

– Ты сможешь подарить нам два баллона? И кое-что сварить?

– Смогу, – радостно сказал Теогар. – А что сварить?

Я поискал глазами какую-нибудь железку или палку. Не нашел – скульптор содержал свой открытый выставочный зал в полном порядке. Тогда я поставил недопитую бутылку пива, которую все еще держал в руке, достал перочинный нож (самый обычный «Викторинокс», в котором пластиковые «щечки» когда-то заменил на собственноручно выточенные деревянные. Кстати, еще до Центрама заменил – пластиковые сломались от времени). Выдвинул маленькое лезвие, подошел к глухой стене пакгауза. То ли из-за местной розы ветров, то ли по случайности, здесь сохранился достаточно большой кусок посеревшей от времени штукатурки.

На нем я и стал вычерчивать то, что хотел получить от Теогара.

– А... – задумчиво произнес он через минуту. – Понял...

– Сможешь? – спросил я.

– Да. Только вот это... как оно называется? Форсунка?

– Сопло, – сказал я по-русски.

– Сопло, – старательно повторил он незнакомое слово. – Его надо вот таким сделать...

Несколькими резкими движениями собственного ножа – куда более внушительного, чем мой, – он подправил чертеж.

– Я не инженер, не знаю, – признался я. – А почему ты так решил?

– Так красивее, – сказал скульптор. – То, что красиво, лучше работает.

– Он прав, – сказал из-за его спины Пагасо. – Это я тебе говорю, а я знаю. Мы экспериментировали с реактивной тягой. Для серьезного дела не годится... но сопла были такими. А их считали настоящие инженеры.

– Значит, не получится? – переспросил я.
– Ну почему же? Не годится для серьезного дела. А для дрезины, – Пагасо усмехнулся. – Попробуем.

Рычаги, посредством которых дрезина приводилась в движение, были срезаны – как и большая часть механизма. Остались рама, колеса и тормоза.

И два баллона с ацетиленом, один из которых был соединен через редуктор каучуковой трубкой с соплом. Сопло было прекрасное – большое, размером с казан, на котором в Азии готовят плов на целую свадьбу. Собственно говоря, именно казаном (точнее, его местным аналогом) сопло и было в девичестве.

– Бред сивой кобылы, – сказал Ашот. – Ударник, мы и впрямь просили тебя что-нибудь придумать. Но что-нибудь реальное!

– Не нравится пепелац, Скрипач? – с иронией спросил Хмель.

– Да, не нравится! – взвился Ашот. – Гравицапы у него нет! Ребята, он не поедет! А если поедет – то взорвется! А если не взорвется, то все равно скорости никакой не даст! Надо было не тратить четыре часа на это рукоделие, а гнать дрезину вперед. Проехали бы... уже километров пятьдесят бы проехали!

– До Иртана двести с лишним километров, – заметил Пагасо. – Если будете очень стараться, то разгоните дрезину километров до двадцати, двадцати пяти. Но десять часов такой темп не удержите.

– А эта бандура до скольких разгонит? – требовательно спросил Ашот. – Тяга большой не будет, и не надейтесь! Чистый ацетилен, без керосина и кислорода, топливо плохое.

– Ты-то откуда знаешь? – удивился я.

– Я Бауманку кончал, – гордо сказал Ашот. – Понятно? Я инженер... по образованию.

– Когда ты ее кончал-то? – насмешливо спросил Хмель. – При Ельцине или при Горбачеве? По специальности хоть день работал? Ты давно не инженер, ты коммерсант.

Ашот побагровел.

– Я не коммерсант! – закричал он. – Я – пограничник! А что фирма на Земле есть... так надо патроны покупать, папе-маме помогать, девушек в ресторан водить!

– Ребята, спокойно! – я поднял руки. – Брейк! Поедет эта фигня или нет, разгонится или встанет – проверим на опыте. Если бы у Теогара еще оставался кислород – поставили бы кислородный баллон, но кислород

кончился на сварке. Если бы в Центруме существовал керосин – добавили бы насос с керосином, но керосина тут нет. Обошлись тем, что имеем! Кто боится – может остаться здесь или вернуться домой. Я поеду. Попробую.

Ашот витиевато выругался по-армянски. И совершенно спокойно сказал:

– Ну так бы сразу и сказал. А то развел демократию – «нравится, не нравится...» Не нравится! Но поедем! Мне, может, много чего в жизни не нравится, но альтернативы-то нет...

– Вот это правильно, – одобрила Эйжел. – Всьё равно я не могу качать рычагьи, рука поломана. А у тебя пальчик болит.

Ашот заворчал, но отвечать не стал.

– Пошли? – спросил я. И поправился: – Пошли!

Мы забрались на дрезину – четыре калечных идиота, включая меня – дурака-предводителя, Хмеля – пребывающего в постоянной экзальтации после чудесного исцеления от заикания, Ашота – с его больным пальцем и мрачными предчувствиями как следствием технического образования, и Эйжел – наемницу с «поломанной рукой» и врожденным равнодушием к опасности.

– Если вы взорветесь, то я сделаю вам красивый памятник! – пообещал Теогар. – Люди будут приезжать со всех концов света, чтобы его посмотреть. Только вы постарайтесь взорваться поближе, чтобы я увидел.

– Айда с нами? – предложил я без всякой обиды. Художественные натуры – они все такие, прибабахнутые. И чем талантливее, тем прибабахнутее. Я это по музыке знаю.

– Нет-нет! – Теогар отступил на шаг. – Я буду наблюдать.

Хмель откашлялся и спросил:

– А как у нас организовано зажигание?

– Мануально, – мрачно ответил я. Теперь, когда мы забрались на дрезину, вся затея представлялась мне гораздо менее оптимистично. Два стальных баллона, две каучуковые трубки, два вентиля, чугунный казан – ибо его форма показалась наиболее «красивой» безумному скульптору и старому машинисту. И, в довершение всего, старый мангал, закрепленный над казаном решеткой вперед – Пагасо сказал, что это будет вполне приличный воздухозаборник. В дне мангала прорезали дыру, от которой к мангалу шел такой же нелепый, сваренный на живую нитку воздуховод. Все бы ничего, но вот использованные материалы вызывали слишком много ассоциаций.

И не только у меня.

Ашот вдруг захихикал и сказал:

– Казан вижу, мангал вижу, а где шашлык? Где плов?
– Шашлык и плов будет из нас, если эта хрень рванет, – приободрил его я. – Пагасо, давай!

Машинист уже держал наготове длинный шест, на конце обмотанный промасленной паклей. Он чиркнул спичкой, зажигая факел, и крикнул:

– Пускай газ!

Я осторожно повернул вентиль. Зашипел ацетилен, вытекая в «сопло». Пагасо, зажмурившись, ткнул факелом.

Гулко хлопнуло, потом загудело. Из казана ударил метровый факел огня, почти невидимый в солнечном свете. Газ горел, разбрасывая хлопья жирной черной сажи.

Дрезина, подрагивая, стояла неподвижно.

– Приехали, вылезай, – буркнул Ашот. – Говорил – надо рычаги качать, а не дурью маяться...

– Подтолкнуть надо, – внезапно сказал Хмель. Спрыгнул и, упершись в раму дрезины, с натугой качнул ее вперед. Я хотел было спрыгнуть с другой стороны, но дрезина уже тронулась, покатилась, медленно, но явно набирая скорость. Хмель торопливо запрыгнул обратно.

– Гляди-ка, едет, – с грустью прокомментировал случившееся Ашот. – Помчался наш пепелац...

Я осторожно открыл вентиль еще на пол-оборота. В казане захлопало, пламя стало срываться. Я прикрутил вентиль обратно.

– Подожди, пока скорость наберете! – крикнул нам вслед Пагасо. – Сейчас воздуха не хватает, на ходу можно будет поднять факел!

Станционные здания уплывали вдаль, за ними темнел заполненный туманом Разлом. Поблескивали на солнце металлические скульптуры на задах полустанка. Машинист и странная семья зрителя махали нам вслед.

– Мы ведь, скорее всего, никогда здесь больше не окажемся, – неожиданно грустно сказал Хмель. – И если бы не случайность, то не увидели бы этих скульптур, не познакомились с этими людьми...

Дрезина набирала ход. Я приоткрыл вентиль чуть сильнее, пламя осталось ровным. Мы, пожалуй, делали уже десять-двенадцать километров в час.

– Черт возьми, ведь получилось, – разглядывая наш затейливый движок, сказал Ашот. – Только мы, русские, можем сделать реактивный двигатель из казана и мангала!

– Какой ты русский? – ехидно спросил Хмель. – Ты армянин. В крайнем случае – грузин.

– Я русский, – не смутился Ашот. – Русский армянин. Чего тебе не нравится? «Русский» в данном случае – прилагательное. Жил бы в Армении, был бы армянский армянин. Жил бы во Франции – был бы французский.

– Может, ты и прав, что только русские могли такое придумать, – сказала Эйжел. – Только я обращаю ваше внимание, что собрали эту штуку в Сургане.

– Да здравствует дружба народов, – торжественно сказал Хмель. – Аминь.

Глава 15

Если бы в Центруме строили железные дороги так, как в двадцатом веке на Земле – огибая неровности рельефа, пренебрегая умеренными спусками-подъемами, – ничем бы наш реактивный двигатель не помог. Тяга у него, конечно же, была крошечная.

Но дороги Центрума напоминали скорее железки восемнадцатого века – когда слабые паровозы не способны были тянуть состав на маломальский подъем, да и каждый лишний изгиб дороги служил для машиниста источником головной боли. Их старались прокладывать по прямой, а полотно выравнивали, допуская лишь градус уклона. На самом деле история повторяется, для современных сверхскоростных поездов прокладывают такие же ровные и прямые трассы, но в Центруме, конечно, причиной было не совершенство технологий, а их отсталость.

Эта старая, ровная, прямая дорога, идущая в сухом климате Сургана, где песчаные бури несколько раз в год полировали рельсы до блеска, была идеальной трассой для нашей реактивной дрезины. Возможно – единственной, где она могла ехать.

И даже разогнаться до скорости автомобиля, едущего в городе. Километров пятьдесят-шестьдесят – ну, если на глаз. Ничего и близко напоминающего спидометр на дрезине не оказалось.

Мы сидели, пригнув головы, скорее чтобы спрятаться от ветра, чем для улучшения аэродинамики. Шипел ацетилен, клокотало пламя, со странным жужжащим звуком (с чего бы?) крутились колеса. Классического перестука на рельсах почти не было – ветер и песок действительно отшлифовали рельсы, стыки почти не чувствовались.

Первые полчаса мы разговаривали – о чем угодно, лишь бы сбросить напряжение. Потом замолчали, даже Ашот бросил попытки острить. Вокруг тянулась бесконечная холмистая степь – похожая на клондальскую, но более сухая и потому унылая. Редко-редко встречались зеленые пятна – маленькие оазисы. Один раз мы наткнулись на идущий нам навстречу караван – десяток лошадей и мулов, пять человек и груз. Один из караванщиков пальнул из ружья в воздух, то ли приветствуя нас, то ли предостерегая. Эйжел недовольно заворчала, потянулась за своим похожим на маузер пистолетом, но стрелять в ответ не стала.

Часа через два пламя в горелке стало хлопать и погасло – газ кончился. Что делать в такой ситуации мы обсудили заранее – перекинули шланг на

второй баллон, пустили газ из него, зажгли заготовленным еще на станции факелом. Обошлось без взрывов и ожогов. Пустой баллон мы скинули с дрезины.

– Вот будет весело, если газ кончится посреди степи, – мрачно сказал Ашот. – Рычаги-то срезали, дрезина не поедет.

– Пешком пойдем, – сказал я.

Это тоже было обговорено, мы разговаривали просто, чтобы убить время. Нет ничего томительнее ожидания, даже когда ты в пути. А может быть, в пути оно и есть наиболее томительно.

Я сидел, опустив голову, и думал. Допустим, мы успеем опередить литерный поезд с пленниками. Готов ли я устроить перестрелку с нашими же ребятами, пограничниками? Пусть не служащими на заставе, а из спецотряда – но нашими! Быть может, немцами, французами, американцами – но пограничниками? Я готов стрелять и убивать?

Вслушавшись в себя, я понял, что ответа нет. Из всех обид пока можно было предъявить лишь бедного убитого пса. Вдруг среди наших друзей и впрямь есть вражеский агент, которого надо поймать любой ценой? Нет, это чушь и бред, они все – земляне, мы же встречались в Москве, а враг должен быть из другого мира! Но какие-то основания у Главного штаба были? Несомненно. Может, все-таки стоит не отбивать друзей, а добровольно сдаться – и вместе с ними отправиться в штаб, чтобы там доказать свою невиновность?

Тем более с чего я взял, что мы способны противостоять Службе собственной безопасности штаба? Нас трое... хорошо, четверо, включая Эйжел, – против пятерых (как минимум) профи. Они небось и на Земле не менеджерами-музыкантами работали, а в каких-нибудь силовых структурах. Таких вояк, как мы, – пачками на завтрак едят...

– Ударник... – тихо позвал Ашот. – Ударник, газ...

Я вскинул голову. Посмотрел на Ашота, потом прислушался к сипению газа в сопле. Заглянул туда – синий язычок пламени едва-едва трепетал. Я нащупал вентиль, попытался повернуть – открыто до упора. Будто испугавшись моего взгляда, огонь съежился – и пропал окончательно.

– Ничего, – сказал я с нарочитой бодростью. – Большую часть пути мы проехали. Осталось километров десять. Ну двадцать. Дошагаем!

Особого оптимизма мои слова не вызвали, но делать было нечего. Мы сидели и ждали, пока дрезина остановится.

Прошла минута. Три. Пять. Десять.

Мы катились и вроде как даже не снизили скорость.

– Что за черт! – я вскочил и заглянул в сопло, будто надеялся обнаружить там бодрое пламя. Ничего, разумеется, не было.

– Почему мы катимся? – с любопытством спросил Хмель.

Ашот пожал плечами.

Я посмотрел на Эйжел. Та с самым невинным видом пожала плечами:

– Я же говорила – надо подтолкнуть дрезину, заскочить на нее и катиться.

– Эйжел? – спросил я.

– Тут уклон, Ударник. Разлом случился в горах, до Разлома мы медленно поднимались в гору. А после Разлома путь все время идет вниз. Чуть-чуть. Но этого хватает. Когда мы переехали Разлом, я вспомнила, мне рассказывали.

Я онемел. Я смотрел на баллоны, на нелепое сопло, на ошарашенные лица Ашота и Хмеля. Наверное, у меня такое же лицо сейчас.

– И мы зря ехали на паровозе через этот... этот ужас? – воскликнул я.

– Говорю же – потом вспомнила, – грустно сказала Эйжел. – Иначе бы сразу сказала.

– А почему не сказала потом? Когда переехали Разлом?

– Я сказала, – невозмутимо сообщила Эйжел.

– Ты же вроде как в шутку сказала, – поддержал меня Ашот. – Зачем мы эту... хрень эту городили? – он махнул рукой в сторону нашего кустарного ракетного двигателя.

– Вам так спокойнее было, – Эйжел пожала плечами. – Все равно надо было у дрезины срезать рычаги и шестеренки, чтобы свободный ход был. Ну – потеряли час на эту штуку... нестрашно. Может, она и ускорила нас немного!

Дрезина катилась на незаметном для глаза спуске. Эйжел невинно смотрела на нас. Мы молчали.

– Нет, ты скажи, почему молчала? – упорствовал Ашот. – Почему?

Эйжел вздохнула:

– Ударник так обрадовался, что ракетный двигатель придумал. И вы воодушевились. Вам, землянам, важно чувствовать себя умнее, я это знаю. Почему бы и нет?

Она развела руками. То ли от откровенности, то ли еще по какой причине, у нее снова прорезался акцент:

– Это не плохо! Это хорьшо, когда насытроение хорьшоее! Стоит времени! Я знаю, я жьенщьяина клана!

– Мы идиоты, – сказал я. – Эйжел, я и впрямь думал, что эта фигня разогнала дрезину!

– Может, и разогнала. Немного, – Ашот наморщил лоб. – Считать надо. Только я формулы не помню. Дома посчитаю, хочешь?

– Не хочу, – буркнул я. – И что теперь, Эйжел? Ты беспокоилась о наших чувствах? Так вот, теперь я чувствую себя идиотом! Самонадеянным болваном! И что делать?

– Посьмейся, – предложила она. – Над собой, надьо мной... Помьогает!

Я подумал – и рассмеялся.

В конце концов, мы ведь движемся к Иртану. А там встретим литерный поезд, и начнутся такие проблемы, что даже путешествие через Разлом забудется. Не говоря уже о шутейном ракетном двигателе, приделанном к дрезине.

Когда я пришел на заставу, была уже глубокая ночь. Я сбросил с плеч рюкзак, постоял, привалившись к ограде. Потом несколько раз дернул за веревку. Колокол бодро звякнул, за оградой истерично залаял наш пес. Я ждал. Кто-то должен быть внутри. На заставе всегда кто-нибудь есть. Так принято.

– Кого черти носят? – донеслось из-за ворот. Пес тут же замолчал.

– Это я, Ведьма.

– «Я» бывают разные, – наставительно сказала Ведьма, гремя засовами.

– Я, он же Иван, он же Ударник, он же седьмой пограничник заставы, – отозвался я. – Тебе адрес по прописке сказать?

Ведьма открыла ворота, посмотрела на меня. Пистолет она держала в руке, но дулом вниз. В другой руке была яркая карбидная лампа. На Ведьме был красный клетчатый халат и шлепанцы с пушистыми розовыми помпонами.

– Что случилось, Ударник? – тихо спросила Ведьма.

– Все нормально, – ответил я, подхватывая рюкзак. – Баня горячая?

– Баня холодная, и дров нет, – ответила Ведьма. – Старик с Иван Ивановичем за дровами поехали.

– Ну и хрен с ней, с баней, – решил я, входя в ворота. Ведьма за моей спиной задвигала засовы. – Ведро холодной воды сгодится.

– Кто? – неожиданно спросила Ведьма. – Кто это был?

Я ответил, только когда мы вошли в дом и уселись за стол. От Ведьмы можно было ничего не скрывать в связи с бесперспективностью этого занятия.

– Парень, молодой, – сказал я. – Лет двадцать, может, с небольшим. У

него был тюк с грузом – лекарства в основном, я их прикопал, место заметное... тяжело было все тащить. Документов никаких, лекарства в основном украинские.

– Как сюда хохла-то занесло? – удивилась Ведьма. Крякнула, встала, пошла к буфету, принесла бутылку водки, рюмку и стакан, шмат сала, черный хлеб. Я посмотрел на бутылку и спросил:

– Издеваешься?

– Нет, Ударник, – сказала Ведьма. – Не тот повод. Но осталась только украинская водка, что тут поделаешь? А закуски лучше сала не придумано... – Она поморщилась, потеряла левый бок. – Хотя поджелудочная, наверное, другого мнения...

Себе Ведьма налила рюмку, мне – полстакана.

– Я столько не пью, – сказал я.

– Сейчас выпьешь, – ответила Ведьма. – Ты первый раз убил человека?

Я кивнул и опрокинул стакан в рот. Водка была теплая и прошла по горлу как наждак. Я закашлялся, схватил кусок хлеба, торопливо прожевал.

– Да, – сказал я.

– Как все было?

– Шел четвертым дозором. Вышел прямо на него... лоб в лоб. Окликнул. Он вскинул ружье и дважды выстрелил. У него в стволах дробь была, он промазал, одной дробиной только по куртке чиркнуло, – я показал рукав, который словно бритвой полоснули.

– Повезло, – спокойно сказала Ведьма.

– Я схватил автомат, за камень присел, там у солонца валуны такие красные, помнишь? Парень ружье перезаряжал. Надо было припугнуть. Или под ноги выстрелить. Ему все равно не успеть было перезарядить ружье...

– Он в тебя выстрелил, – холодно сказала Ведьма.

– Я мог взять его живым.

– И что? За вооруженное нападение на пограничника – расстрел. Он уже попался нам?

– Да, – я кивнул. – У него черный круг на запястье. Он зачем-то поверх свою татуировку сделал, черный квадрат... Малевич хренов... все равно видно, что круг был...

– Вне закона, – кивнула Ведьма. – Рецидивист. Иван, ты все правильно сделал.

– Он тащил медикаменты, – упрямо сказал я. – Хотел всего лишь заработать. Откуда я знаю, как он там живет, на своей Украине? Работы нет, денег нет, семья... научился ходить в Центрум...

– Давай-давай, придумывай ему биографию пожалостливее, – фыркнула Ведьма. – Мать-старушка ждет у окна, дочурка плачет вечерами в кровати и говорит: «Мамочка, почему папа не приходит...» Мы этого не знаем и знать не можем! Человек не первый раз нарушал закон! Он знал, на что шел! Мог быть официальным торговцем. На жизнь бы хватило, даже на черную икру с шампанским бы оставалось! Думаешь, он бы о тебе горевал? Хорошо, если зарыл бы, а не бросил посреди степи!

– Я его похоронил, – сказал я. Водка начала туманить мозги, злость на себя чуть притупилась.

– Иван, мы не ангелы, – сказала Ведьма. – Но и не демоны. Мы служим закону. Уж какой ни есть в Центруме закон – но мы его защищаем.

– Зря я стал пограничником, – пробормотал я. – Колотил бы по своим барабанам...

– Человек, который научился ходить между мирами и добровольно от этого отказался, – вообще не человек, а свинья нелюбопытная, – холодно произнесла Ведьма. – Не мог ты отказаться. И давай не разыгрывать сцену спора Жеглова и Шарапова. «Я убил бандита», «ты убил человека» – все это лирика. Ты убил врага, пытавшегося убить тебя. Выстрелившего в представителя власти.

– Да какая тут власть? – воскликнул я и сам себе плеснул еще немного водки. Ведьма налила и себе полрюмки. – Все эти недогосударства... «территории»... Клондал еще туда-сюда, а остальные – полная анархия...

– Это ты зря, – сказала Ведьма. – И вообще, если бы изучал историю Центрума, как я тебе, кстати, советовала, понял бы – за последние полвека Центрум сильно изменился. Они восстановились после чумы. Начали развиваться. Еще десять лет от силы – и тут снова возникнет единое государство. Не знаю только, где будет столица – в Клондале, Сургане или Цаде...

– Цад? – поразился я.

– А ты их со счетов не сбрасывай, – усмехнулась Ведьма. – Они вроде как прыщ на карте, вот только амбиции у них огромные. Есть и другие игроки. Будет тут государство, будут тут технологии... не зависящие от полимеров и бензина. Центрум еще может снова стать самым могучим из миров, не сомневайся. И железнодорожников тогда прижмут, и нас, пограничников, поганой метлой выгонят. Много чего тут случится, Ударник. И крови снова прольется немало. И такие вот ребята-контрабандисты, которые тащат что попало и куда попало, этому способствуют. Знаешь, что однажды Старик перехватил?

– Ну? – спросил я.

– Полную документацию по созданию ядерного оружия.
Я удивленно посмотрел на Ведьму.
– Зачем им это?
– Адаптированную к миру, где не существует высокомолекулярных соединений.
Я подумал. Уточнил:
– Кто сделал?
– Документация была на немецком, – сказала Ведьма. – Вот все, что мне известно. Мы ее передали в штаб, как положено, они пусть ищут концы. Скорее всего, это был заказ одного из правительств Центрума. Выполнили его какие-нибудь ученые, для которых это была абстрактная задача, разминка для мозгов. Понимаешь, ничего секретного в атомной бомбе в наши дни нет. Это просто дорогая штука, отдельные детали которой трудно собрать в гараже, а начинку не сварить на кухонной плите. Но в Центруме есть уран, его можно добывать, обогащать...
– Им только ядерного оружия не хватает, – я покачал головой. – Идиоты.
– Центрум ждет передел власти, – сказала Ведьма. – А в этом деле никто в средствах не стесняется. Так что хватит заниматься интеллигентским самокопанием, ты все сделал верно. И, быть может, оттянул большую войну на несколько месяцев. Спас миллионы человеческих жизней.
– Какая ты красноречивая, – восхищенно сказал я. – А тебе доводилось убивать, а? Ты же почти все время здесь, на заставе.
– Мне доводилось, – холодно сказала Ведьма. – Только не здесь, а на Земле. Так что я тебя понимаю, а ты должен мне верить... Иди и ложись. Домой утром отправишься. Я тебе нагреем водички. Все, я спать. Водку не допивай.
Она зевнула и пошла к лестнице.
А я еще с полчаса сидел за столом, смотрел на ровный яркий свет газовой лампы. Пить не хотелось, спать – тоже.
В конце концов я пошел в баню, разделся, облил себя ведром холодной воды и шагнул домой, в Москву.

Дрезина остановилась, когда мы уже видели Иртан – на горизонте, на фоне заходящего солнца, показался выкрашенный белым бак водокачки и шпиль церкви. Эйжел приветствовала появление города торжествующим воплем на своем языке. Я, хоть и знал немного язык горских наемников, слов не разобрал. А может, в них и не было никакого особого смысла –

просто эмоциональный крик, вроде нашего «Ура!» или английского «Hurrah» (помню, как меня удивило в свое время, что происхождение этих таких похожих слов совершенно разное). Я смотрел на Эйжел, на ее стройный силуэт на открыточно-красивом фоне (темное небо с едва заметными завитками перистых облаков в вышине, багровая половинка солнца), и на миг меня пронзила тоска. Она хорошая девушка. Очень хорошая, особенно для своего мира. Если бы не ее постельные привычки...

Дело даже не во всех этих играх с наручниками, командами и прочей садо-мазо атрибутикой. Мне это не нравится, но я бы мог привыкнуть. Но она просто слишком сильная, слишком волевая, слишком активная. Я вовсе не считаю, что женщина должна быть кисейной барышней или молчаливой, послушной тенью мужа. Нет! Но Эйжел – уж слишком сильная, и речь не о физической силе...

– Ты на меня смотришь, – внезапно сказала Эйжел.

– Да, – признался я. Дрезина уже замерла, но почему-то мы все молчали и не двигались, хоть тело у всех затекло и требовало разминки.

– И о чем думаешь? – требовательно спросила Эйжел.

– О том, что в семье штаны носить должен кто-то один, – честно сказал я. – И мне порой этого очень жаль.

Может быть, мне показалось, что плечи Эйжел дрогнули. Голос ее в любом случае остался спокойным.

– Да, Ударник, я тоже об этом порой жалею.

– Ну почему вы так консервативны и нетолерантны? – внезапно сказал Ашот. – А как же гей? В семье из двух мужиков очень много плюсов – можно все время смотреть футбол, пить пиво и разводить бардак в квартире. Одна беда – сексом придется заниматься на стороне, не друг с другом же трахаться!

– Очень смешно, – кисло сказал я.

– Уж как получилось, – буркнул Ашот. – Ударник, Эйжел, вы как-нибудь между собой свои отношения выясняйте, а? А то мы с Хмелем себя чувствуем лишними. Верно?

– Верно, – первым поднимаясь и прыгивая на насыпь, сказал Хмель. – Вставайте, что расселись...

Общими усилиями мы сбросили дрезину с дороги – будет проезжать с еженедельным объездом ремонтный бронепоезд, подберет, а то еще устроим крушение. Собрали вещи и двинулись к городу.

– Надеюсь, что мы и впрямь опередили литерный, – сказал я.

– Если нет, то уже не догоним, – согласился Ашот. – Ну, конечно, если у Эйжел нет в запасе еще какой-нибудь хитрой прямой дороги... а?

– Нет, – негромко сказала Эйжел. – Это был единственный шанс.

Я подумал о том, что еще обиднее будет, если литерный поезд обгонит нас на последних километрах пути – и унесется вдаль перед самым носом...

Но этого не случилось. Мы прошли последние километры по оживающей к вечеру степи – начали пересвистываться суслики, запорхали в сухой траве какие-то мелкие птицы. Возле города стали попадаться и деревья, и целые рощи, и возделанные поля – Иртан был настоящим городом, а не станцией, при которой жил обслуживающий персонал. Кажется, здесь даже что-то производили, то ли одежду, то ли мебель – вертелась в голове фраза «модные новинки из Иртана»...

Вокзал в Иртане располагался прямо на въезде в город. Большой вокзал – к нему подходили пути со всех сторон, гудел маневровый локомотив, толкая по рельсам цистерны, стояли на запасных путях грузовые вагоны и платформы. Даже свой, приданный вокзалу бронепоезд имелся – маленький, в три вагона с паровозом и не под парами, но мы все равно помрачнели, проходя мимо. Уходить, если удастся спасти ребят, будет тяжело.

Впрочем, зачем нам уходить по Центруму? Прыгнем домой, на Землю.

– А как же ты? – внезапно спросил я Эйжел. – Пойдешь с нами на Землю после боя? Здесь жарко будет...

Эйжел посмотрела на меня. И резко спросила:

– Зовешь? Вам же запрещено проводить местных на Землю.

Я облизнул губы и честно сказал:

– Зову. Отсидеться. И плевать на запреты.

– Подумаю, – Эйжел отвернулась. – Давно... мечтала.

Встречные железнодорожники поглядывали на нас настороженно, но, признав пограничников, расслаблялись. Патрулю – двум немолодым мужикам с автоматическими винтовками – пришлось показать татуировки и сказать «внешний» пограничный пароль. Вроде бы настороженности мы не вызвали.

– Как отбивать-то ребят будем... – пробормотал Ашот, ни к кому не обращаясь. – Эх, авантюризм чистой воды...

Мы дошагали до вокзала и, не сговариваясь, направились прямо в кабинет начальника станции. Опять же – нас пропустили спокойно, разговаривали в «духе сотрудничества и взаимопонимания», которое постоянно декларировалось и нашим, и железнодорожным начальством. Только в приемной начальника пришлось подождать – он был занят. Но мы пока не спешили, из окна были прекрасно видны подъездные пути, и

литерного там не было.

– Господин Фродаль вас примет, – вежливо сказала наконец хорошенькая секретарша в земном на вид брючном костюме. Непонятно, как она об этом узнала, никакого телефона у нее на столе, конечно, не было.

Господин Фродаль был молод для своего ответственного поста, улыбчив и гостеприимен. Он вышел из-за стола навстречу, лично пожал всем руки, усадил в кресла перед столом. Эйжел скромно села позади нас, баюкая затянутую в лубок правую руку.

– Чай! Земной чай! – попросил Фродаль секретаршу. – Нашим уважаемым гостям!

Секретарша удалилась, Фродаль уселся за стол и вопросительно посмотрел на меня. Взгляд у него был немного напряженный.

– Мы из штаба, – нагло соврал я. – Сегодня ожидается литерный из Клондала... он еще не прошел?

– Нет-нет, – покачал Фродаль головой. – Ждем с минуты на минуту. Сами понимаете – зеленая дорога, всем приказано способствовать...

Хмель облегченно вздохнул. А вот Ашот, пожалуй, огорчился этим известием.

– Это очень хорошо, – сказал я. – Дело в том...

– Дело в том, что они отстали от поезда, – внезапно сказала Эйжел.

– Да, – обрадованно поддакнул я. – Возникли всякого рода непредвиденные обстоятельства...

Сзади послышался какой-то легкий стук, и господин Фродаль расслабился.

– Но, к счастью, их удалось решить, – снова заговорила Эйжел. – Господин Фродаль, распорядитесь, чтобы всех заковали в наручники, а этому... – снова послышался мягкий удар, – в рот поместили надежный кляп. Ашот, я понимаю, что ты достаточно напуган, чтобы открыть портал, но это будет плохой идеей.

Я повернулся.

Посмотрел на Эйжел – она уже стояла, в левой руке у нее был здоровенный пистолет, а Хмель неподвижно осел в кресле, свесив голову набок. На макушке у него волосы слиплись от крови.

– Он живой, – спокойно сказала Эйжел. – Не беспокойся, Ударник.

– Почему, Эйжел? – спросил я. Состязаться с ней в стрельбе я даже не собирался. В рукопашном бою – тем более, пусть у нее и сломана правая рука. – Почему?

– Потому что кто-то с вашей заставы – враг, – сказала девушка. – Понятно, что это не вы трое. Но для гарантии пусть в штабе допросят всех.

Вошла секретарша Фродаля с подносом. На подносе была одна чашка чая и три пары наручников.

Красиво, черт побери!

– Я надеюсь, что это не ты, – добавила Эйжел, глядя на меня. – Но, для гарантии...

– Всегда лучше перестраховаться, – кивнул Фродаль из-за стола.

Секретарша поставила перед Эйжел чай, а потом, с милой улыбкой, застегнула на наших руках наручники. Не пропустив и Хмеля. И двигаясь так, что ни на мгновение не заслонила меня или Ашота от ствола в руках Эйжел.

Она как раз закончила с Хмелем, когда Эйжел расслабилась, пистолет небрежно сунула под мышку, взяла чашку и сделала глоток.

После чего глаза у нее закатились, и она упала на пол. А вот пистолет секретарша подхватила, не дав ему упасть.

– Всегда лучше перестраховаться! – с улыбкой повторил Фродаль, доставая из стола еще одни наручники и бросая их секретарше.

Он был молод, улыбчив и обаятелен. Но когда я посмотрел в его холодные глаза, то всякое удивление, как он достиг такого серьезного поста, исчезло.

– Литерный придет через двадцать минут, вы не представляете, как я рад, что вы успели, – искренне сказал Фродаль. – Через полчаса вы уже будете ехать в Марине.

Глава 16

Это был тюремный вагон, и оборудован он был со знанием дела. Вместо купе вдоль одной стены тянулись десять металлических клеток, нигде не соприкасавшихся друг с другом. Двери, выходящие в общий коридор, были из решетки с ячейками в кулак размером, а вот между собой клетки разделялись совсем мелкой сеткой – палец едва просунешь. В деревянном полу каждой клетки имелась дырка для слива нечистот и кран над ней. Хочешь – пей, хочешь – умывайся, хочешь – дерьмо смывай. Никаких коек, одеял или матрасов нам не полагалось.

Небольшая часть вагона, где располагалась охрана, была обставлена побогаче – у охраны хотя бы были полки для сна и столик. Там сейчас сидели трое крепких молодых парней в пограничной форме. А еще трое шли вдоль клеток, разговаривая с такой невозмутимостью, словно в вагоне везли скот, а не пленных.

Странно – Эйжел говорила, что по нашу душу приезжали пятеро... Уже тогда врал? Или нет – и один пограничник присоединился здесь? Вот этот самый, «инспектирующий» наш вагон? Похоже было на то...

«Инспектором» был пожилой мужчина очень породистого вида – такие в европейских фильмах играют аристократов или, на худой конец, преуспевающих банкиров. Судя по полковничьим погонам, он и в Центруме вполне преуспевал. На полевого офицера он не походил, скорее – крупная штабная шишка. А вот двое идущих с ним рядом офицеров, капитан и лейтенант, были типичные оперативники – накачанные, поджарые, смертоносные.

– Это начальник их заставы, господин Поллен, – сказал капитан по-французски. – Александр Бобриков, Россия. Рабочий по специальности. Двенадцать лет назад научился ходить в Центрум, сразу же попросился в пограничники. Имеет чин капитана.

Старик сидел на полу своей клетки, руки у него были скованы наручниками. На господина Поллена и его эскорт он даже взгляд не поднял. Поезд еще стоял на иртанском вокзале, и разговор был слышен всему вагону.

– Портал? – поинтересовался Поллен.

– Короткоживущий, но стабильный, около двух метров в диаметре, дистанция около метра спереди. Время создания – около тридцати секунд. Вызывается комплексом движений рук и медитацией. Впервые возник,

когда Александр занимался цигун.

Поллен вопросительно поднял бровь.

– Китайская оздоровительная гимнастика, – пояснил капитан.

– Он китаец? – неожиданно спросил Поллен.

– Нет, он русский, – терпеливо сказал капитан. – Они тут все русские, мононациональная застава.

Поллен поморщился:

– Свойственный русским изоляционизм, верно, Грегор?

– Совершенно верно, – подтвердил Грегор. – Наручников в его случае вполне достаточно.

– Александр, вы имеете жалобы или просьбы? – спросил Поллен с достоинством.

Старик не ответил. Поллен едва заметно пожал плечами и проследовал дальше.

– Ирина Барина, – продолжал капитан. – В Центрум ходит не менее пятнадцати лет, в пограничной страже – десять лет. Звание – штабс-капитан. Портал крайне короткоживущий, не более десяти секунд, диаметр около метра, дистанция пятьдесят сантиметров спереди. Создается при чтении сентиментальной литературы. Вероятнее всего, ей необходимо при этом прослезиться.

Ведьма стояла, прислонившись к стене своей клетки. Руки у нее тоже были скованы.

– Есть ли необходимость в наручниках при таком типе портала, Грегор? – осведомился Поллен. – Мадам немолода...

– Мадам всю жизнь работала в русских спецслужбах, – сказал капитан. – Я бы предпочел проявить осторожность.

– Мудак ты, Гриша, – негромко сказала Ведьма. – Совсем оскотинился в Центруме. Надо чаще на родине бывать.

У капитана едва заметно дрогнуло лицо, но он промолчал. Они прошли дальше.

– Галина Розанова, подпоручик, – продолжал Грегор-Григорий. – Портал длительный, стабильный, полтора метра диаметром, переднее расположение, дистанция полтора-два метра. Возникает, когда мадемуазель Галина слышит оскорбления в свой адрес.

Калька была не в обычных «браслетах». Она была прикована только за одну, правую руку, но зато кольцо наручников было мощным болтом прикручено к стене. Знаю я такую штуку. Наручники с веселым названием «Прикол».

– Да, разумная предосторожность, – согласился Поллен. С

любопытством осмотрел Кальку. Та сплюнула на пол.

– Роман Дедюлин, звания не имеет, числится «воспитанником заставы», – капитан кивнул на Деда. – Портал долгий, два с половиной метра диаметром, переднее расположение, дистанция три метра. – Он запнулся, потом приблизил голову к Поллену и что-то прошептал тому на ухо.

– Понятно, – сказал полковник. Иронически улыбнулся.

Дед был в наручниках, а еще – кисти у него были закрыты брезентовым мешком.

– У тебя есть жалобы или просьбы, дружок? – дружелюбно спросил Поллен.

– Это издевательство над ребенком, – сказал Дед ломким голосом. – Я буду жаловаться в ювенальную юстицию.

– Ее здесь не существует, – покачал головой Поллен.

– Это Ашот Саркисян, поручик, – продолжал капитан. – Портал средней продолжительности, нестабильный, но очень большой, до трех метров. Адреналиновый проводник первого рода.

– Плохо, – нахмурился Поллен, разглядывая Скрипача.

– Возникает на расстоянии около десяти метров, – продолжил капитан. – Так что тут портал ему ничем не поможет. Полагаю, мы можем снять с господина старшего сержанта наручники.

Поллен мгновение размышлял, потом покачал головой.

– Это будет некрасиво по отношению к женщинам и детям. Пусть остается в наручниках.

Следующим был Хмель. И был он не только закован в наручники, но и с кляпом во рту.

– Петр Хмель, штабс-капитан. Портал средней продолжительности, стабильный, два метра. Возникает спереди, на расстоянии двух-трех метров. Для возникновения господину Хмелю требуется петь.

Я заметил, как все наши, кроме Ашота, удивленно уставились на Хмеля.

– В ориентировке он проходил как немой, – удивился Поллен.

– Нет, просто молчаливый, – усмехнулся капитан.

– Кляп не убирать, но следите за дыханием, – заботливо сказал Поллен.

Еще пара шагов, и они остановились передо мной.

– Иван Переславский, поручик, в Центрум ходит три года.

– О, на этой заставе служат одни только офицеры, – развеселился Поллен.

– У них там никакой субординации толком нет, – поморщился Григорий. – Проблема дальних застав, не играющих особой роли. Разгильдяйство, вольница и анархия.

– Как это по-русски, – важно кивнул Поллен. Впрочем, подумав секунду, добавил: – И еще свойственно американцам.

– Вы, наверное, из Лотарингии или Эльзаса? – спросил я.

Поллен вздрогнул, будто не ожидал, что заключенные станут с ним разговаривать.

– С чего вы взяли, господин...

– Переславский, – вставил капитан. – Иван.

– Господин Иван. С чего вы это взяли?

– Да есть в вас какая-то немецкая страсть к порядку, – сказал я.

Секунду Поллен буравил меня подозрительным взглядом, будто решая, оскорбил я его или нет. Потом, очевидно, решил, что такое ничтожное существо, как солдат с провинциальной никому не нужной заставы, оскорбить полковника не способно.

– Я из Эльзаса, вы наблюдательны, Иван, – сказал он. – Но я чистокровный француз.

– По чванству сразу видно, – негромко сказала Ведьма из своей клетки.

– Портал короткий, стабильный, – быстро заговорил капитан. – Два метра в диаметре. Очень забавный. Заднее расположение...

Я крепко сжал зубы. Григорий секунду насмешливо смотрел на меня, потом прошептал что-то Поллену на ухо.

– Вот как? – полковник оглядел меня не то с брезгливостью, не то с презрением. – Как это...

Наши взгляды встретились.

– Как это затейливо, – закончил Поллен. Откашлялся. Добавил: – Но наручники оставьте.

– Эйжел Тай-Клёус, – сообщил Григорий, увлекая его к следующей клетке.

– Бригадир наемников? – удивился Поллен. – Она ведь не с заставы!

– Нет, господин Поллен. Более того, помогла нам – доставила тех, кого мы не взяли на месте.

– И что же тогда она здесь делает? – театрально воскликнул Поллен. – Грегор, я удивлен и возмущен!

– Господин полковник, я принял на себя ответственность задержать мадемуазель Эйжел, поскольку у нее были продолжительные романтические отношения с задержанными, – сказал Григорий. – Два года у нее длился роман с Александром Бобриковым, затем – два года с Иваном

Переславским. После этого – эпизодически встречалась с Хмелем и Саркисяном.

Я вздрогнул. Посмотрел в сторону клетки со Стариком. Увы, расстояние и решетки мешали. Хотя что бы я ему сказал? Ну были у него отношения с Эйжел... до меня ведь были... в общем-то, я догадывался. Про Скрипача я знал, он сам спрашивал, не буду ли я против, а вот про Иван Иванныча...

– Понимаю, понимаю... – пробормотал Поллен.

– В такой ситуации нельзя исключать двойной и даже тройной игры, – продолжил Григорий. – Я не решился рисковать.

– Не будет ли проблем с кланом Тай-Клёус? – спросил Поллен.

– Она младшая дочь одной из наложниц вождя, – равнодушным тоном произнес Григорий. – Это... не очень важно для клана. Она вообще там не появлялась уже десять лет. Полагаю, небольшая партия хорошего оружия уладит все проблемы.

Поллен покивал. Потом спросил:

– Мадемуазель Эйжел, вы что-то можете сказать по этому поводу?

Эйжел стояла в своей клетке, прямая как тростинка, бледная и униженная. В нашу сторону она старалась не смотреть.

– Господин полковник, я помогла задержать людей, к которым очень тепло отношусь, – сказала Эйжел. – Но я патриот Центрума...

– Мадемуазель, я уверен, что это недоразумение и оно будет быстро рассеяно, – сказал Поллен. – Но ради Центрума вы должны потерпеть. Всего двенадцать часов пути до Марине. Я уверен, что сразу по приезде вас отпустят, но сам я не готов принимать такие решения. Мы благодарны вам за вашу работу, вы получите вознаграждение и, скорее всего, медаль. Я лично буду ходатайствовать...

– Ходатайствуй, чтоб тебя мать назад родила! – закричала Эйжел. – Я не ради денег это делала! Отпустите меня!

– Простите, но это невозможно, – холодно сказал Поллен. – Ни то, ни другое. Терпение, мадемуазель. Терпение.

Он откашлялся и, утратив к Эйжел всякий интерес, окинул взглядом клетки. Стало как-то совсем тихо – все поняли, что нам собираются что-то сообщить.

– Уважаемые соратники! – сказал Поллен. – Да, да, соратники. Я уверен, что большинство из вас – честные пограничники, несущие возложенную на них задачу по защите Центрума и Земли! Я уверен, что среди вас – шесть честных пограничников.

Он помолчал. А потом, с прорвавшейся ненавистью, произнес:

– И еще один... человек. Предатель, работающий на Очаг. На мир, уничтоживший цивилизацию Центрума... и готовящийся уничтожить нашу цивилизацию. Наши самолеты и поезда, компьютеры и телефоны, дома и фермы. Предатель, желающий обрушить нас в средневековье... и наша катастрофа будет посильнее той, что ударила по Центруму, ведь мы сейчас более развиты, мы сильнее зависим от нефти, пластмассы, электроники...

Передохнув секунду, будто обдумывая, не добавить ли еще чего-то в список наших достижений, Поллен совсем тихо сказал:

– А может, он и не предатель? Может, он патриот... патриот Очага? Работающий под прикрытием, обманывающий вас... подумайте.

– Господин полковник, это бред! – выкрикнул Старик. – О чем вы? Мы все земляне! Мы ходим с Земли в Центрум и обратно, обитатели вашего мифического Очага на это не были бы способны!

– Вы уверены, что все вы возвращаетесь с Центрума именно на Землю? – усмехнулся Поллен. – Лично я – нет, не уверен. Это раз. Вы уверены, что жители Очага не способны открывать порталы в другие миры? Я – нет. Это два. И, к моему большому сожалению, Очаг – не миф. Это три!

Он вздохнул и деловым тоном закончил:

– Через двенадцать часов мы будем в Марине. Мы точно знаем, что один из вас работает на Очаг. И в штабе мы выясним, кто именно. Обидно будет, лишь если в процессе выяснения пострадают невинные... женщины... дети... Подумайте над этим. Присмотритесь друг к другу. Честные люди не должны страдать из-за предателя, злоупотребившего их доверием.

На этом знакомство с задержанными и речь полковника Поллена были окончены. В сопровождении Григория и второго офицера, так и не проронившего ни слова, полковник вышел из вагона. Двери за ними закрыли снаружи, а мы остались запертыми в свои клетки и закованными в наручники. Да еще и под присмотром трех пограничников в конце вагона.

– Вот ведь сволочь какая, еще и натравил нас друг на друга! – воскликнул Ашот. – Ребята, да это же бред, бред самый натуральный!

Никто не ответил. Только звякнула цепь – это Калька легла на пол своей клетки.

Я тоже сел. Мне было проще, у меня только руки были скованы.

– Ударник, ну зачем вы за нами поперлись, а? – крикнул через вагон Старик. – Ну Скрипач – человек южный, горячий. Ну Иван Иванович – человек строгих правил. А ты-то?

Как ни странно, голос Старика был даже веселым. Словно с нами

случилось забавное недоразумение, которое скоро развеется без следа, перед нами извинятся, повесят медаль на грудь и отправят на отдых.

– А я просто дурак! – ответил я в тон.

– Все равно бы не отбили у спецназа, надо же понимать, – негромко сказала Ведьма. – Надо было понимать... Как вы нас догнали?

– Не поверите, – сказал я. – Мы переехали через Разлом. На паровозе.

– Мосту – кирдык? – по-деловому спросила Ведьма.

– Абсолютный! – радостно подтвердил я, будто гибель несчастного моста как-то компенсировала нашу неудачу.

– Эй, Марек! – позвала Ведьма.

Один из охранников вышел из их отсека и подошел к клетке с Ведьмой.

– Курить охота, – сказала Ведьма. – Будь человеком, пан.

– Нельзя тебе руки освобождать, – вздохнул Марек. Говорили они по-клондальски, но акцент все равно выдавал в нем поляка не хуже, чем имя и обращение «пан». – Сама знаешь.

Но все-таки полез в карман, достал пачку сигарет, спички, раскурил одну сигарету и через решетку всунул Ведьме в рот. Дал сделать пару затяжек, забрал сигарету, затянулся сам.

– Спасибо, брат-славянин, – сказала Ведьма. Видимо, после нашего появления слегка истеричное веселье овладело всеми. – Русский с поляком – братья навек.

– Не надо нам таких братьев, – с обидой сказал Марек. – Мы – Европа.

– Хорошо, русский с поляком – соседи навек, – согласилась Ведьма.

– И не соседи, – Марек снова протянул ей сигарету. – Мы с Украиной соседи и с Белоруссией.

– Ну что ж такое, ничем тебе не угодишь... – вздохнула Ведьма. – Скажи, Марек, нас кормить будут?

– Поить будем, сладким чаем, – пообещал Марек. – А то с сортиром проблема, руки-то у вас скованы, по-большому захотите – а нам снова задницы ваши подтирать?

Я с некоторой тревогой подумал о том, что это и впрямь может стать проблемой. По-маленькому-то я со скованными руками изловчусь сходить... Тут я глянул на Романа и понял, что труднее всех приходится ему.

– Марек, скажи, а зачем ваш начальник устроил этот цирк? – спросила Ведьма в перерыве между затяжками.

– Ну как зачем? – удивился Марек. – Во-первых, чтоб попугать вас. Мол, все мы знаем, а ну колитесь, пока не поздно. Во-вторых – крыса он

штабная, глупая.

– И то правда, – вздохнула Ведьма. – Пся крев...

– Ага, – забирая у нее окурочек и втаптывая в пол, сказал Марек. – Не сердись, пани. Если ни в чем не виноваты, отпустят вас.

Ведьма хрипло рассмеялась.

В общем-то, я был согласен с Марekom. Не станет Главный штаб зверствовать. Ни одной военной или полувоенной структуре не нравятся расправы командиров над подчиненными – если нет никакой уверенности, что подчиненные и впрямь натворили бед. Да и не был никогда штаб замечен в беспричинной охоте на ведьм... надо будет не забыть сказать Ведьме этот каламбур.

Если уж вспоминать, то я знал два случая. Один – когда какая-то дальняя застава обнаглела вконец и стала грести контрабанду себе в карман. Да так сурово, что взвыли даже матерые контрабандисты – и ухитрились отснять и задокументировать процесс, после чего подбросить материалы в штаб. Расправа была суровой – начальника заставы расстреляли, все остальные получили серьезные сроки, которые до сих пор отбывают в специальной тюрьме, прозванной шутниками «Азкабан».

Второй случай был похуже. Там тоже начиналось с утаивания контрабанды. А потом начались грабежи, налеты на поселки, похищения девушек... в общем – бывшие пограничники принялись вести себя как бандиты из вестернов. Тут уже штаб выявил происходящее самостоятельно, во время какой-то инспекции – население (дело происходило в Оннели) было так запугано, что и пикнуть не смело. Заставу обложили со всех сторон, а на Земле пограничников караулили в тех местах, откуда они открывали порталы. Пограничники это просекли, поэтому бежать не пытались – бились до последнего. Их почти всех и перебили. А потом повесили – и живых и мертвых – на пепелище заставы, по другим заставам разослав фотографии экзекуции. Населению, пострадавшему от банды, выплатили компенсации.

Увы, это все равно не помогло – отношение к пограничникам в Оннели упало ниже плинтуса. Через какое-то время нас оттуда просто выдавили... и зная немножко о том, что творили эти возомнившие себя хозяевами жизни ублюдки, – я оннельцев осуждать не могу.

Так с чего же начальству пришло в голову, что среди нас – шпион или пособник Очага?

Бред, полный бред!

Даже списать на происки недоброжелателей, которые подсунули дезу, – нельзя. Нет у нас таких серьезных врагов. Да и что это за деза может

быть?

Надо разбираться. Надо думать, а не бегать с оружием наперевес, играя в рейнджеров. Те, кто бегают быстрее и стреляет лучше, – все равно в большинстве.

Нас восемь человек. Точнее – семь, Эйжел не считается. Себя я вычеркиваю, потому что точно знаю – я не шпион, я вырос на Земле и с Земли хожу в Центрум.

Кого еще я могу вычеркнуть стопроцентно?

Хмеля. Потому что, когда он открыл портал в паровозе, – я увидел его квартиру и Москву за окном. Он наш, земной.

Галину. Потому что она открыла портал из квартиры Старика. Значит, она тоже наша, земная.

Так, уже легче.

– Александр Валерьевич! – позвал я.

– Что тебе, Ваня? – откликнулся Старик.

– Давайте допустим, что штаб не ошибается. Что среди нас – шпион из другого мира. Кого мы можем стопроцентно вычеркнуть?

– Это должен быть тот, кто на наших глазах открывал портал на Земле, – сказала Ведьма. – Только это – стопроцентная гарантия, что человек – землянин!

– Любому понятно, – согласился Старик. – Галя открывала.

– Хмель открывал в паровозе, – быстро сказал Ашот. – Я его квартиру видел, Москва там, высотка торчала за окном.

Похоже, мы все сейчас думали об одном и том же!

– Вот спасибо! – воскликнула Галя. – Хмель, только мы с тобой проверенные люди, здорово! Остальные – пришельцы иномирные.

– Ребята, я же вас всех на Земле нашел, – с упреком сказал Старик. – Всех... кроме Ведьмы. Простите, Ирина Игоревна. Как вы порталы открываете – не видал, а что живете в России, что у вас работа, мамы-папы есть... – он осекся. И негромко сказал: – Рома, извини. Не хотел тебя обидеть.

– Увы, дорогой Саша, – ехидно сказала Ведьма. – Я была бы рада остаться единственной подозреваемой – в конце концов, я знаю, что я не шпион Очага. Правда на свет выйдет. Но никто из нас не проверял... тебя. Возможно, ты шпион Очага? И собрал нас на конспиративной квартире.

– Какой еще конспиративной квартире? – возмутился Старик.

– Посуди сам, – рассудительно сказала Ведьма. – Мы имеем дело с целой цивилизацией. Причем могущественной, которая больше века назад сумела уничтожить конкурирующий Центрум. У такой цивилизации

должны быть агенты в других потенциально опасных мирах. Значит – и на Земле. Как они к нам перемещаются – не знаю. Но вдруг они способны ходить не только по маршруту Очаг-Центрум-Очаг? А еще и в другие миры заглядывать? Или же у них есть пособники на Земле. Деньги многое делают, а какой-нибудь эликсир, продлевающий молодость, – так он вообще чудеса сотворит. Так что ты можешь быть казачком засланным, дорогой Саша. А нас всех собрал, чтобы в толпе затеряться.

Старик не обиделся. Крякнул и сказал:

– Логично. Вынужден признать твою правоту. Но если эти злобные шпионы умеют открывать порталы в любом мире – так значит все мы под подозрением.

Наши охранники, с любопытством вслушивающиеся в разговор, захохотали. А Марек наставительно произнес:

– Вот потому вас всех и везем.

– Марек, но в чем причина-то? – взмолился Старик. Похоже, отношения между похитителями и похищенными были нормальными, и за время нашего отсутствия все претензии были сняты. Ребята просто делали свою работу. – Хорошо, мы все поняли. Кто-то из нас под подозрением. Кого-то считают агентом мира Очаг... никогда не думал, что доживу до дня, когда об этом всерьез будут говорить! Но почему? Что у нас на заставе такого стряслось-то, что мы все под подозрением?

– Я не знаю, – меланхолично ответил Марек. – Но если бы и знал – не сказал. Сам понимаешь, не держи обиду...

И в этот момент в своей клетке пошевелилась Эйжел – брякнули наручники. Потом она откашлялась. Все это время она сидела там совершенно неподвижно, будто мечтая, чтобы о ней забыли.

Самое удивительное – мы и забыли. Даже я. Не хотелось о ней вспоминать, не хотелось о ней думать. Так вычеркиваешь из памяти близкого человека, внезапно совершившего несусветную подлость.

– Я знаю, почему вашу заставу взяли, – сказала Эйжел негромко. Кажется, ее услышал только я. Потом она повторила, уже в полный голос: – Я знаю, почему вы под подозрением.

Я повернулся, посмотрел на нее. Спрашивать не хотелось, да и не нужно было.

– Месяц назад контрразведка пограничников взяла агента Очага, – сказала Эйжел.

– У нас есть контрразведка? – насмешливо спросил Скрипач. Но его никто не слушал.

– Не знаю, человек он или нет, – продолжала Эйжел. – Человек,

наверное... Я даже не знаю, он с самого Очага или завербованный. Он нес груз... я слышала слово «детонатор». Наверное, это та штука, которая сделает вашу Землю такой, как наш Центр. Понимаете? Потом что-то пошло не так. Он то ли бежать пытался, то ли с собой покончить, в общем – его больше нет. Но перед этим его допросили, и кое-что стало ясно. Груз несли на вашу заставу. На ней есть человек, который должен будет доставить детонатор на Землю... в общем, все запустить. К кому именно он идет, агент не знал, но назвал какую-то примету или пароль... в общем – то, как можно опознать предателя. И еще сказал, что его поимка ничего не изменит, Очаг всегда дублирует курьеров, второй обязательно доберется. Потому вас и взяли, всех и быстро. Не было времени на месте все выяснять. Вы не беспокойтесь, правда. Это кто-то один из вас. Всех остальных отпустят.

Наступила тишина. Я видел, как переглянулись наши конвойные, слушавшие Эйжел с немалым интересом. Потом кто-то из них спросил: «А им разрешено говорить?» и получил ответ от Марека: «Запрета не было, в рапорте напишем».

– Эй, подруга, единственный вопрос – а ты-то как это узнала? – спросила Калька.

– Именно так, как женщины узнают мужские тайны, – ответила Эйжел. – В постели.

Я вдруг поймал себя на том, что мне совершенно неинтересно – чья это была постель. Кого-то из пограничников? Контрразведчика, проверявшего Эйжел, памятуя ее тесные связи с нашей заставой? Кого-то из клондальских чиновников самого высокого ранга?

Какая разница? Она была моей женщиной, и довольно долго. Потом мы расстались, и она стала просто другом. А потом предала – и меня, и всех нас.

Хотя, если честно, я бы на ее месте и сам себя предал.

– Эйжел... – негромко сказал я. – Это ничего не меняет, конечно. Но я тебя понимаю.

– Спасибо, Ударник, – мягко ответила она. – Спасибо и прости меня.

– Это все, что ты можешь сказать? – спросил я, повинувшись какому-то порыву. – Про агента Очага, про предателя на заставе?

И Эйжел внезапно заколебалась. Потом покачала головой.

– Нет, есть еще кое-что. Но я не хочу сейчас говорить. Это слишком глупо звучит, я, наверное, что-то неправильно поняла. Прости меня, Ударник. Ребята, простите!

У меня вдруг защипало глаза. Сентиментальным, что ли, становлюсь?

Глава 17

Я не заметил, как заснул. Зато очень хорошо заметил, как проснулся.

Болела голова. Раскалывалась. До подташнивания, до цветных искр в глазах болела.

И эта боль была мне знакома.

И то, как щипало глаза, – тоже.

Застонав, я поднялся с пола. Потрогал щеку – на ней четко отпечатались ребристый узор половых досок. Спал я не шевелясь, мертвым сном.

Впрочем – почему спал? Лежал, «выключенный» таким же газом, как тот, который вдохнул в Антарии.

Я по-прежнему был в своей клетке. Все так же стучали колеса поезда. Все так же тускло светили под потолком газовые лампы. Только что-то погромыхивало, перекатываясь в дальнем конце вагона. Я встал, шатаюсь и прижимаясь к решетке, чтобы не упасть. С какой стати нашим конвоирам вздумалось опять травить нас газом? Неужели не понравилась откровенность Эйжел? Но заткнуть ей рот можно было другими способами, обычным кляпом, в конце концов! Зачем же газ?

Я прижался к решетке и, щурясь, всмотрелся сквозь туманящие глаза слезы.

Грохотала железная кружка, катающаяся по столу, за которым сидели конвоиры. Ей никак не удавалось упасть, она натыкалась то на другую посуду – и тогда задорно звякала, то на головы конвоиров – тогда звук был тупой. Все трое наших конвоиров лежали лицами на столе, будто перепившие гуляки. Мои товарищи лежали в своих клетках – я пришел в себя первым.

Что же это такое творится?

– Эй! – позвал я. – Кто живой? Вставайте, беда пришла!

А почему беда, собственно? Может быть, есть шанс сбежать?

Но клетки закрыты, на руках наручники, ключи у конвоиров...

Я опустил взгляд на пол.

И почти не удивился, обнаружив перед дверью своей клетки две связки ключей. Одна, побольше, видимо, была от дверей клеток. Другая, маленькая, от наручников.

Вначале я пытался достать маленькую связку, но она лежала слишком далеко. А вот ключи от клеток я сумел подцепить кончиком пальца. На то, что бы исхитриться и, просунув сквозь решетку обе скованные руки,

вставить в замок ключ, ушло минут пять.

Разумеется, первый ключ не подошел. Я представил себе, как буду перебирать весь десяток, и мне поплохело. Но, к счастью, подошел уже третий ключ – я открыл свою решетку в тот момент, когда кто-то из наших начал тихо, жалобно стонать.

– Сейчас, сейчас, – пробормотал я, подхватывая ключи от наручников. – Сейчас...

За что я точно могу благодарить Эйжел – так это за то, что научился разбираться с наручниками. Разными. Бывают такие, что самому не снять, если ты не Гудини. Но большинство попроще. На мне были обычные российские наручники, которые можно открыть без особых проблем – был бы ключ... да и без него тоже можно справиться. Пограничников в основном экипировали именно такими, конвойными наручниками «Нежность» – все-таки любят в России давать оружие и спецсредствам необычные названия.

К тому же руки мне сковали спереди – гуманно, но неосторожно.

Через двадцать секунд я сбросил браслеты и кинулся... нет, не к товарищам, а к решетке, за которой сидели конвойные. А ну как проснутся?

Но дверь – закрытую дверь между тюремным отсеком и помещением конвойных – я открывать не стал. Вблизи все выглядело немного не так, как я ожидал.

Конвойные не спали. Они были мертвы. Огромная лужа крови покрывала весь пол и уже потихоньку просачивалась к нам – я вздрогнул, сообразив, что наступил на кровь кроссовками. В воздухе стоял тяжелый тошнотворный запах, если бы не вонь от отравляющего газа, до сих пор оставшаяся в носу, я бы почувствовал это сразу. У одного я даже видел рану – узкий разрез куртки на спине, под левой лопаткой, от которого тянулась вниз черная полоса.

Кто-то их убил. Кто-то погрузил весь вагон в сон, потом убил конвойных, потом снова запер их отсек... положил ключи перед моей клеткой... и притворился спящим? Этот «кто-то» никуда не убежал – я прекрасно видел единственную дверь вагона, она была закрыта изнутри на засов.

У меня волосы встали дыбом. Я обернулся.

Все наши были в клетках. Все клетки были закрыты... кажется.

Я прошел по вагону, дергая каждую дверь. Шевелился и что-то бормотал лежащий на полу Старик. Ведьма растирала руками виски, проводила меня затуманенным взглядом. Сидел, прижав руки к лицу, и ругался по-армянски Скрипач. Хмель лежал неподвижно. Калька сидела с

закрытыми глазами, но медленно мотала головой влево-вправо. Дед сидел на полу и плакал.

Это меня поразило. Дед не плакал никогда. Он мог ругаться, он мог быть испуган, он мог быть зол – но слезы в его репертуар не входили.

– Рома, что с тобой? – спросил я, отпирая решетку.

Пацан тоскливо посмотрел на меня. Потом перевел глаза вниз – на мокрые джинсы.

– Ну, обоссался, – сказал я нарочито грубо. – Вижу. Позор не твой, позор тех козлов, что тебе руки сковали.

– Если бы свободными оставили, я бы убежал, – тоскливо сказал Дед.

– Понимаю. А попросить помочь пописать ты, конечно, не хотел? – сказал я, приседая, снимая с его рук брезентовый мешок и возясь с наручниками.

– Ты бы разрешил свой член трогать? – возмутился Дед.

– Да пусть хоть затрогались бы, – все с той же грубостью, единственным, что могло сейчас успокоить опозорившегося Ромку, продолжил я. – Не бойся, просохнет.

– Отвернись, я открою портал, – быстро сказал Ромка, едва я освободил его руки.

– Подожди ты! – я встал. – Не горит пока. Надо всех освободить... и сообразить, что произошло.

– А что произошло-то? – простонал Скрипач. – Ударник? Это что, такой же газ, каким тебя накрыло?

– Вот именно, – подтвердил я. – Он самый.

Я вышел из клетки Ромки, прошел мимо своей и остановился перед той, где сидела Эйжел. Она действительно сидела, сложив руки на коленях и уронив голову на грудь. Неподвижно сложив. Дверь ее клетки тоже была закрыта.

– Да что же это!.. – закричал я, возясь с ключами. – Эйжел! Эйжел, очнись!

Я уже видел темное пятно крови под ней. И тяжелую обвислость тела. Но все равно продолжал с ней говорить, будто слова были тем, что могли удержать ее по эту сторону жизни.

Войдя в клетку, я присел рядом с Эйжел. Крови было много. Лубок на правой руке – так насквозь промок, стал бурым... И ран тоже было много – ее будто в ярости полосовали ножом, куда только могли дотянуться, – порез на щеке, на шее, три раны на теле... Но, пожалуй, все-таки крови было меньше, чем можно было ожидать при таких ранах – и у меня появилась надежда.

Я сжал пальцами запястье Эйжел. Вначале мне показалось, что сердце не бьется. А потом я все-таки почувствовал удары пульса – частые, но очень слабые.

– Она мертвая? – спросил Ромка.

– Нет, жива, только крови много потеряла, – говоря, я сбросил куртку, снял рубашку и принялся рвать ее на полосы. – Повезло. Наверное, ее били через решетку, куда дотянулись. Решили, что истечет кровью, но раны были неглубокие...

– Ага, – сказал Роман без особой радости. После предательства Эйжел сильно упала в его глазах. – Открывать портал?

Я бросил ему обе связки ключей и принялся перевязывать девушку.

– Уймись ты с порталом, успеем... Освобождай наших... Нет, стоп! Не просто освобождай. Внимательно смотри, закрыты ли наручники, понял?

Ромка кивнул, явно ничего не понимая. Покосился на отсек с конвоирами. Спросил:

– Ударник... а как ты их, а?

– Это не я, – ответил я, укладывая Эйжел на пол. Мне казалось, что так будет лучше, чем оставить ее в положении полусидя, пусть крови будет легче разойтись по телу. Как же ее изрезали... В душе была какая-то серая холодная злоба. И ведь мы уже давно как не любовники, и она нас предала – пусть и из высоких побуждений...

Все равно. Серая мерзкая ярость в груди.

Как же так?

Почему?

И кто?

– Пошли, – сказал я, вставая. Вытер окровавленные руки об обрывки рубашки. Все, что я мог сделать для Эйжел, – я сделал, она не обидится... если выживет. Она всегда была очень прагматична, да и к боли ей не привыкать. – Надо освободить наших... и не наших.

* * *

Голова болела у всех. Никаких таблеток ни у кого не было, у запасливого Ашота тоже вывернули карманы и забрали анальгин – может, предполагали, что это яд? Впрочем, эта тщательность конвоирам не помогла.

– Какая гадость, уже второй раз надышался, – пробормотал Старик. Мы собрались в центре вагона, не сговариваясь, наверное, потому, что это

было одинаково далеко от убитых конвоиров и неподвижного тела Эйжел. Кто-то сидел, кто-то стоял, привалившись к стене. Поезд шел ровно и, судя по стуку колес, быстро. – Никто ничего не помнит? Как нас вырубили? В какой момент?

– Я помню, что Эйжел нам объясняла, почему нас арестовали, – сказал я. – И все. Я стал ее уговаривать рассказать все, мне показалось, что она чего-то не договаривает... и тут я отрубился. Как уснул.

– Аналогично, – кисло сказал Ашот.

Видимо, никому добавить было нечего, все промолчали.

– Вагон заперт изнутри, – сказал Старик. – Окон нет. Вентиляционные решетки узкие.

– Тайна запертого вагона, – мрачно сказал Хмель.

– Отсюда напрашивается простой и неприятный вывод, – кивнул Старик. – Кто-то из нас на самом деле работает на Очаг.

Ведьма вздохнула.

– Почему это? – возмутился Роман.

– Потому что кто-то из нас имел при себе заряд газа... я даже не представляю, каким образом спрятанный, – Старик пожал плечами. – И он шарахнул этим зарядом, сам каким-то образом сознание не потерял, потом ухитрился отпереть решетку, убил охрану и исполосовал Эйжел, оружие куда-то выбросил... в канализационную дыру, наверное? Потом запер за собой решетку, запер свои наручники, ключи подбросил к решетке Ударника – и притворился спящим.

– Зачем нападать на Эйжел? – спросил Роман упрямо.

– Она хотела еще что-то сказать про агента Очага. И он испугался, что его вычислят.

– Да как он мог все это сделать? – продолжал спорить Роман. – Что он, фокусник?

– Он представитель цивилизации, которая опережает нашу на сотню лет, – напомнил Старик. – Что мы знаем о его возможностях?

– Тогда почему он не ушел, вот вопрос... – задумчиво произнесла Ведьма.

– Чтобы мы не поняли, кто из нас был шпионом, – ответил Старик.

– Не сходится, – Ведьма упрямо покачала головой. – Убил бы всех нас. Если он такой предатель – то я не верю в его сантименты. А хотел бы замести следы – поджег бы вагон.

– Мне кажется, ему что-то от нас нужно, – сказал я. – Потому и не убил. Потому и прячется.

– Слушайте, а ведь он... – Ведьма вздохнула и поправилась, – или она.

Он или она – с Земли. Потому что та осведомленность, с которой о нас говорил этот французский полковник, не может быть из досье, собранных на Центруме. Они знают, кто мы в земной жизни. Наши имена, наши адреса... Мы все – земляне! Даже если кто-то из нас работает на Очаг.

– Слушайте, ну чего мы сейчас рассуждаем? – взмолился Ромка. – Давайте откроем порталы и вернемся. Кто не сможет открыть сам – уйдет с другими! А то мы сидим в вагоне и приближаемся к тюрьме!

– Нет, Рома, – сказала Ведьма. – Нельзя нам возвращаться. Если штаб взялся за нас так серьезно, то и точки, откуда мы открывали свои порталы на Земле, им известны. И там сейчас ждут засады. Возьмут тепленьких, пискнуть не успеешь.

– Я каждый раз ухожу из разных мест, – упрямо сказал Ромка.

– Насколько разных? – уточнила Ведьма. – В пределах своего интерната, очевидно? То из одного сортира, то из другого? Уверена, у них хватит сил и влияния на Земле, чтобы весь твой интернат эвакуировать под благовидным предлогом. К примеру – сказать, что кто-то из детей разлил ртуть в жилых помещениях. Или что там пожарная опасность. И ждать тебя будут во всех местах, откуда ты привык уходить.

Она помолчала, потом добавила:

– А я всегда уходила из своей квартиры. Из одного и того же кресла. Сиделась с книжечкой, ставила рядом кружку чая, читала...

– Я тоже только из квартиры уходил, – сообщил я. – Мне вообще нужен душ для перехода...

– Ребята, а может... может, тот, кто это все сделал... может, он нам признается? – спросила Калька. Обвела всех молящим взглядом. – Ребята, ну мы же друзья! Я вовсе не считаю, что Очаг – зло. Вдруг он вынужден так поступать? К примеру – когда видит, что цивилизация готова сама себя уничтожить, в атомной войне или еще как-то... Сразу – раз, и запускает в этот мир пластиковую чуму! Спасает. Вы скажите! Мы же друзья!

– То-то во время Карибского кризиса никто не вмешивался, – презрительно сказал Старик. – Да уж, добряки! Довели один мир до ручки, теперь хотят... – он смутился. – Нет, ты права, Калька. Могут быть разумные объяснения! Никто не хочет сознаться?

Мы уставились друг на друга. Несколько секунд жадно всматривались в лица. Лично я смотрел в первую очередь на Ведьму, а та – на предложившую раскрыться Кальку. Роман почему-то насуплено уставился на меня. Хмель играл в гляделки со Скрипачом.

– Фигня, – сказал наконец Старик. – Не сознается. Давайте решать, что будем делать.

– Открываем порталы и пытаемся понять, если на другом конце засада? – предложила Калька. – Ну и рискнем...

– Дело не только в засаде, – Старик покачал головой. – Давайте честно – то, что среди нас предатель, можно считать фактом. Вы готовы позволить ему вернуться на Землю? Уйти, затеряться на Земле, прыгнуть в другое место Центрума, выйти на связь со своими хозяевами? Нет, ребята. Можете смеяться над словом «патриотизм», если угодно, но я сейчас выступаю как патриот всего человечества. От Японии до Португалии. От Канады до Бразилии. Мы пограничники. Мы играли в пограничников, будто не доигравшие в детстве оболтусы. Но игра стала правдой. Мы думали, что защищаем Центр, который стал для нас вторым домом. Но на самом деле мы защищаем свой мир. Свою Землю. Да, дурацкую, недобрую, с массой проблем, но нашу Землю! И я лично – не пущу на нее предателя. Если кто-то попытается открыть портал – я лично его убью. Голыми руками.

Наступила тишина. Никто такого пафоса от Старика не ожидал. Будь у него чуть другой тон – мы бы рассмеялись. Но он был очень серьезен.

– Предлагаю всем совершить самоубийство, – внезапно сказал Хмель. – Так мы гарантируем, что предатель на Землю не вернется.

Потребовалось несколько секунд, чтобы мы поняли, что он так шутит.

– Тьфу на тебя, – сказал Старик. – Нет, ребята. Мы сделаем по-другому. Мы доедем до Марине. Мы потребуем, чтобы нас судили, чтобы предателя нашли! Кто за?

И он поднял руку.

Следом за ним подняла руку Ведьма.

Потом, колебавшись, Калька.

Скрипач пожал плечами и тоже поднял руку.

Хмель вздохнул и сообщил:

– Я программист, и в одной онлайн-игре – главный боевой маг нашего клана. Мне без компьютеров никак... ну ее, эту пластиковую чуму...

Он тоже поднял руку.

– Как все, так и я, – сказал Роман. Обиженно добавил, поднимая руку: – Только я им, гадам, не прощу, что джинсы испортил.

Все уставились на меня.

– Мне кажется, – сказал я, – что мы недооцениваем этого... предателя. И сейчас делаем ровно то, чего он хочет. Но... как сказал Ромка – я как все.

Я встал и пошел к Эйжел – проверить повязки. Она так и не пришла в себя но, похоже, хуже ей не становилось.

Поезд долго маневрировал на путях.

Мы не могли этого видеть, но слышали и гудки других паровозов, и голоса людей, и весь тот набор звуков, что сопровождает жизнь города – даже ночью. Забранные мелкой решеткой вентиляционные отверстия под потолком не позволяли осмотреться, но хотя бы давали представление о времени суток.

Мы так и сидели посреди вагона, в окружении мертвых тел, пока поезд тащился по Марине, миновал городской вокзал, ушел на какой-то одиночный путь и наконец остановился. Я слышал, что в огромное, расплывшееся на треть города здание Штаба Корпуса – и не здание даже, а конгломерат зданий, крепость, казарму и бюрократический офис, сросшиеся воедино, – входит своя железнодорожная ветка. Видимо мы и въехали в крытый пограничный вокзал.

Потом в дверь снаружи постучали.

Мы сидели. Молча и не шевелясь. Мы все обговорили заранее.

Можно было, конечно, разойтись по камерам, заново приковать себя наручниками, а последний из нас выбросил бы ключи – чтобы уж у наших конвоиров совсем ум зашел за разум. Но мы решили вести себя максимально честно.

В дверь стучали снова и снова. Звали конвоиров – двое из которых так и сидели за столом, уже окоченев, а третий, бедолага Марек, еще в пути при каком-то толчке свалился на окровавленный пол.

– Давай, – сказала Ведьма Старику. – Пора.

– Помогите! – закричал Старик. Вздохнул и подбавил трагизма в голосе, впрочем, это было несложно... – Помогите! Спасите нас! Выпустите! У нас раненый!

Дверь стали выбивать. Закрыта она была на совесть, но и били хорошо. Когда дверь чуть подалась, в щель под ней просунули ломы. Тут же послышалась ругань – видимо, заметили кровь. Через несколько мгновений дверь слетела – засов выстоял, но не выдержали петли. В вагон ударили слепящие лучи прожекторов.

– Помогите! Помогите! Не стреляйте! – крикнул Старик. – Мы в вагоне, мы не вооружены!

Это был самый опасный момент. И не только потому, что у ворвавшихся в вагон и увидевших своих убитых товарищей пограничников могли сдаться нервы. Среди нас был Ашот, адреналиновый проводник, открывавший портал в момент испуга.

А любой открытый портал охрана расценила бы как попытку бегства.

Поэтому Ашота мы усадили лицом к глухой стене. Если он и откроет портал, тот будет достаточно далеко, вне вагона, и меньше шансов, что у

кого-то дрогнет рука на спусковом крючке.

– Стоять! Не двигаться! Руки вверх! Не открывать порталы! – орали на нас через решетку, пока кто-то гремел ключами.

– Помогите! Мы свои! Мы никуда не бежим! Мы не вооружены! У нас тяжелораненая девушка! – продолжал кричать Старик. – Спасите нас! Выпустите отсюда!

Разумеется, мы понимали, что никто нас выпускать не собирается. Но человек, просящий помощи, вызывает меньше опасений.

Стрелять в нас не стали. Даже почти не били, когда ворвались внутрь тюремного отсека. Уложили лицами в пол, сковали руки за спиной – на этот раз жестко, даже помимо обычных наручников надели еще и пальцевые, сделав любую попытку освободиться совершенно безнадежной. Потом подняли, тщательно, срывая одежду и не брезгуя ничем, обыскали.

И только потом повели наружу – по полу, покрытому засохшей, но еще липкой кровью.

Глава 18

Кто руководит пограничной стражей Центрума, я, конечно, знал. Абстрактно. Так рядовой коммунист в советское время твердо знал имя Генерального Секретаря ЦК КПСС, пять-шесть имен членов ЦК... ну и секретаря собственной парторганизации.

Начальником пограничной стражи (именно так должность именовалась официально) был некто Джонатон Синглтон. Я знал, что он стар – за семьдесят, в пограничниках, можно сказать, всю жизнь, а главным стал лет десять назад. Говорили, что его избрание – компромисс между русским и французским лобби, которые традиционно сильны в пограничной страже. Ну, в общем-то оно так всю европейскую историю было – пока русские с французами дружили, интриговали и воевали, британцы неспешно прибирали себе реальную власть. От французов в высшем руководстве был некий Эрнест Пинар, которого считали гениальным организатором и снабженцем, помимо всего прочего превратившим пограничную стражу в очень прибыльное предприятие, а от русских – Григорий Иванович Мороз, профессиональный военный, лет до тридцати охранявший границы СССР, а потом научившийся ходить в Центрум и оставшийся там. Мне всегда казалось, что карьеру в пограничной страже он сделал за счет замечательного сочетания фамилии-имени-отчества, отвечающего всем представлениям иностранцев о русском человеке. Был еще представитель от Центрума – Арнорек Статор, по слухам – дядька очень умный, интересы Центрума отстаивающий энергично, но с землянами прекрасно уживающийся.

Но я сейчас беседовал с Берндтом Беккером, чье имя мне ничего не говорило, в отличие от погон и нашивок. Берндт, человек немногим меня старше, был в чине полковника и служил в той самой службе внутренней безопасности, которая нас и захватила.

На немца он, впрочем, походил куда меньше, чем Поллен. Берндт как раз походил на француза в самом обобщенном представлении – жизнерадостный, улыбчивый, экспансивный. Было ему за сорок, но выглядел он очень моложаво, подтянуто. Явно не только бумажной работой занимается...

– Курите? – дружелюбно спросил, садясь за стол напротив меня.

Помещение не походило на камеру для допросов. Видимо, это был кабинет Берндта, солидный кабинет со строгими книжными шкафами,

заполненными томами книг преимущественно местного издания, с массивным столом, на котором были небрежно разбросаны бумажные папки с грифами от «общедоступное» до «секретно» и даже «только для ваших глаз». Также на столе был громоздкий телефон той модели, что ухитрились производить в Центруме, и изящная газовая лампа с витражным абажуром в стиле «тиффани». Среди бумаг лежал кинжал – не игрушка для разрезания бумаг, а вполне серьезное оружие. Также имелась тяжелая стеклянная пепельница и здоровенная металлическая зажигалка. Удивительно, сколько удобных для членовредительства предметов – ведь у меня не были скованы руки.

А еще в комнате было окно, без всяких решеток. И даже открытое. За окном была ночь, горели огни в окнах Марине – городок был богатый, газовое освещение, похоже, в каждом доме...

– Спасибо, не курю, – ответил я.

– Ну и правильно, – легко согласился Берндт. – Вредно, несовременно, забирает уйму времени. Я как-то посчитал – если выкуривать пачку в день, затрачивая на каждую сигарету три минуты, то в целом на курение уйдет час. Представляете? Целый час в день поджигать сушеную траву в бумажной гильзе и вдыхать дым! Вот оно, реальное и доказуемое, сокращение срока жизни от курения! Три-четыре года из жизни уйдет на идиотскую затею! А ведь еще время на покупку сигарет, вытрясание пепельницы...

Продолжая свой неожиданный антитабачный спич, он неспешно достал из кармана упаковку папиросной бумаги, кисет с табаком, машинку для набивания сигарет, коробочку с фильтрами. Быстро и ловко свернул сигарету, спрятал все причиндалы обратно в карман пиджака, взял со стола зажигалку и закурил.

– Вы удивляетесь, что нет ни наручников, ни конвоя? – спросил Берндт.

– Ну... надеюсь, что это хороший знак, господин Беккер, – осторожно сказал я.

– Зовите меня просто Берндт. Я почти на сто процентов уверен, что вы – наш, – улыбнулся Беккер. – Ваша биография, история появления в Центруме, послужной список... поведение после ареста товарищей... Нет, я считаю, что вы были неправы, решив кинуться в погоню и отбить друзей. Но разделяю вашу реакцию! Она очень человечна, нелогична, никак не похожа на поведение шпиона. Да и обнаружив, что охрана убита, вы не стали пороть горячку, а призвали всех остаться на местах.

– Это было общее решение, – заметил я.

– И все-таки, – Берндт последний раз затянулся, загасил окурок. – Буду откровенен, я почти спокоен относительно двух людей с вашей заставы, и насторожен относительно двух других.

Он был само дружелюбие. Конечно, напускное, но такое яркое, что все равно вызывало симпатию.

– Берндт, чего вы от меня хотите? – спросил я. – Помощи? Я готов вам помочь. В конце концов, я тоже болею за безопасность Земли.

– Да, я хочу вашей помощи, – спокойно согласился Берндт. – И не буду кривить душой – такие же душевные беседы сейчас ведутся со всеми членами вашей группы. Вы умный человек, вы сами это понимаете. Но я действительно считаю вас невиновным... почти наверняка. Знаете, почему?

– Почему? – усмехнулся я.

– У вас идиотский, неудобный, смешной портал, – Берндт улыбнулся. – Хороший агент не должен быть настолько стеснен в способности передвижения между мирами... Ладно, оставим эту неловкую тему, Иван. Давайте поговорим. Ваша бывшая подруга, как выяснилось, ввела вас в курс дела, это наш недочет, но что уж теперь... тем более учитывая ее состояние...

– Как Эйжел? – спросил я.

– Терпимо, – кивнул Берндт. – Она крепкая, а еще у нее оказалась хорошая свертываемость, иначе истекла бы кровью. Поправится. Кстати, перелома у нее тоже нет – только ушиб и трещина в кости...

– Она что, работает на службу безопасности? – спросил я в лоб. – Откуда иначе ей знать все детали?

Беккер не ответил, что само по себе было ответом. Вместо этого сказал:

– Могу подтвердить слова Эйжел. Мы схватили агента Очага. С ним был груз, условно названный нами «детонатор». Агент признался... позвольте не объяснять, как мы вызвали его на откровенность... что нес груз на вашу заставу. И что он работал в паре, потеря одного детонатора ситуацию не изменит. Человек, которому он должен был доставить детонатор, обеспечивал переброску его на Землю. А потом... – Берндт развел руками. – Хлоп – и на Земле девятнадцатый век.

– Многие не сочли бы это трагедией, – заметил я.

– О да! – с иронией сказал Берндт. – Может быть, случись это в начале двадцатого, примерно как было в Центруме, это еще было бы терпимо. Не случилось бы двух мировых войн, мир стал бы спокойнее и патриархальнее... А вот в начале двадцать первого...

Он поднял руку и начал загибать пальцы.

– Первое. Все атомные реакторы выходят из строя. Если даже и не взрываются, то начинают дико фонить. Второе. Мы лишаемся медицины, потому что производство лекарств – сложный процесс, невозможный без техники. Третье. Мы лишаемся транспорта, подчистую. Четвертое. Мы лишаемся связи. Пятое. Количество населения на Земле таково, что без современных технологий начнется чудовищный голод. Полагаю, что миллиарда два-три вымрет в течение месяца. Впрочем, наверняка начнется массовый каннибализм, так что срок можно несколько увеличить... Шестое. В наиболее бедственном положении окажутся развитые и цивилизованные страны – Европа, Северная Америка, Китай, Россия, Япония, Тайвань, Австралия... А вот из более диких мест – Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии хлынет поток необразованных, голодных, не ценящих человеческую жизнь мигрантов... Я не расист, Иван. Но наша цивилизация неоднородна. Часть мира лишь недавно вышла из состояния дикости. И с легкостью туда вернется. Да и мы сами... поверьте, цивилизационный лоск с людей слетает очень быстро...

– Берндт, не надо меня агитировать, – сказал я. – Поверьте, я не рассчитываю, что Земля превратится в патриархальный мирок, где люди ездят на лошадках, попивают пивко и музицируют на клавесинах.

– Уже хорошо, – кивнул Берндт. – Будем откровенничать дальше. Катастрофу надо предотвратить любой ценой. В крайнем случае – ценой уничтожения всей группы подозреваемых. Согласны?

Я помедлил, глядя ему в глаза. Они утратили всякую веселость, стали холодными, безжалостными.

– Нет, Берндт, – сказал я. – Не согласен, потому что я в группе подозреваемых.

Он рассмеялся.

– Хорошо. Это говорит в вашу пользу. Я знаю, что идеалисты, готовые на смерть ради человечества, существуют, но сам таких не встречал. Так помогите же мне, Иван. Поделитесь своими догадками!

– Расскажите мне чуть больше про агента Очага, – попросил я. – Он вообще – человек? Как был экипирован? На что похож этот его «детонатор»?

– Никакой информации, – Берндт сразу помрачнел. – Это все для вас неважно, Иван. А информация строго секретна.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда позвольте спросить – часть устройства уже переправлена на Землю, верно?

– Откуда вы знаете? – Берндт достал кисет и стал сворачивать новую самокрутку.

– «Детонатор», – я пожал плечами. – Обычно сам по себе детонатор не опасен, верно? Должна быть еще и бомба.

Берндт помолчал, потом кивнул:

– Да, вы правы. Пожалуй, мне придется быть с вами чуть откровеннее... – Он выпустил струю дыма в потолок, откинул голову, будто размышляя, насколько откровенным стоит быть. – У Очага, по понятным причинам, есть серьезные проблемы с доставкой бомбы на Землю. Они, как и мы, способны переходить только в Центр. Значит, им нужен пособник, который доставит груз дальше, в наш мир. А груз этот такого плана... в общем, надо быть полным идиотом, чтобы не понять, что ты доставляешь и собираешь – по кусочкам – бомбу. И учитывая судьбу Центра – понятно, что это за бомба и к чему она приведет... Вам интересно, Иван?

– Очень, – честно сказал я. – Спасибо за откровенность, я внимательно слушаю.

– И бомба уже на Земле, – продолжил Берндт. – Ее уже доставили, понимаете, Иван? Остался детонатор... один мы, к счастью, перехватили.

– Но где-то есть второй... – сказал я.

– Есть еще и фактор времени, – продолжал Берндт, кивнув. – Мы не знаем, в чем именно у них проблема. Может быть, производственные мощности слабоваты. Может быть, компоненты для бомбы редки. Может, это от фазы Луны зависит, ничего мы толком не знаем... В общем – есть «окно» для активации бомбы в нашем мире. Оно будет длиться еще неделю. Если все обойдется – то следующего «гостинца» можно ждать не раньше, чем через пару лет.

– А та бомба, что уже на Земле?

– Скиснет, – сказал Берндт. – Ей тоже неделя осталась. «Скиснет» – именно так выразился агент.

– Все-таки это вирус? – спросил я.

Берндт не ответил, да я и не ждал этого. И так услышал очень много. Пожалуй, даже больше, чем требуется для спокойного сна.

– Берндт, а может, агент вам наврал? – спросил я. – И про «скиснет», и про второй детонатор, и про сложности изготовления бомбы...

Берндт некоторое время молчал, глядя на свои руки. Потом очень сдержанно сказал:

– Иван, вы же взрослый человек. Поверьте, есть такие ситуации, когда уже никто и ни о чем не врет. К сожалению, он умер раньше, чем рассказал все.

– Я очень хочу помочь, – сказал я. – Ну... давайте по порядку. Я знаю, что я – не предатель, но вас-то это не убедит. Вот что касается остальных...

Берндт смотрел на меня.

– Бобриков разочарован в мире, – сказал я. – Он человек старой закалки. Советской еще. Я, кстати, хорошо к СССР отношусь, уж извините. Но для Бобрикова с гибелью СССР мир утратил привлекательность. Он, наверное, потому и портал открыл, что ему невольно стало в нашем мире...

Берндт приподнял бровь.

– Это что, тоже какая-то тайна? – спросил я насмешливо. – Да все проводники, кого я знаю, не хотели жить в нашем мире. Тут не только гормоны, позы, слова и медитации замешаны – надо еще и хотеть открыть дверь в иной мир. Вот Бобриков – хотел. Его мир кончился, его труд стал никому не нужен. Он хотел уйти. От тоски начал китайской гимнастикой заниматься и – ву а ля! Может Бобриков наш мир уничтожить в отместку за бывшую страну? Наверное. У него вроде семья есть, дети и внуки, ну так их он в Центр перетащит... Вероятность в целом небольшая, но Александр Валерьевич способен осознанно пойти на сделку с Очагом.

– Допустим, – Берндт кивнул. – Дальше?

– Ве... Ирина Игоревна. Тут сложнее... – я подумал минуту. – С одной стороны – она же из спецслужб, верно? То есть человек долга, как для нее пойти на сделку с врагом, инопланетным врагом? С другой стороны – тоже старый человек, советский, вдруг те же мотивы, что у Бобрикова... Не знаю, Берндт.

Полковник задумчиво покивал. Спросил:

– А девушка? Галя?

– Она очень странная, – неохотно сказал я. – У нее тяжелая судьба, мне кажется. Девчонка, которая открывает портал, когда ее бранят, – что можно сказать о ее детстве? И как она должна относиться к нашему миру?

Беккер молчал.

– Однажды она при мне убила женщину, – сказал я. – Та появилась из портала, Галя ждала ее появления. И застрелила. Без колебаний. Я был свидетелем этого, она меня специально позвала, но никаких объяснений не дала. Мол, хочешь – сдавай меня... Я промолчал. Наверное, это как-то связано с ее жизнью.

– Очень любопытно, – медленно произнес Беккер. – Нам не интересны ваши земные проблемы, но... Нам придется это проверять, Иван. И она поймет, что вы ее сдали.

– Сдал, – кивнул я. – Но пообещайте мне, Берндт, что если она не агент – то ее не станут преследовать за это убийство. Ну, по нашим обычным пограничным законам...

Беккер, похоже, развеселился.

– Что ж вы вначале не потребовали такого обещания?

– Я не в том положении, чтобы требовать.

– Хорошо, я подумаю, можно ли это сделать, – сказал Беккер, посерьезнев. – Петр Петрович?

– Надежный, обстоятельный, немножко нелюдимый, – сказал я. – Но ярый компьютерщик, как я понимаю. Для него виртуальный мир – такой же, как настоящий. Вряд ли он станет его уничтожать, правда?

Беккер пожал плечами.

– Ашот... – я задумался на миг. – Ну он такой... шумный, энергичный. Немножко чересчур порой. Но в общем – жизнелюб, родни у него тьма-тьмущая, ну как он будет Землю уничтожать, зачем?

– А мальчик? – спросил Беккер, глядя в сторону.

– Ромка детдомовец, – сказал я. – Сами понимаете, это не лучшая жизнь и не лучшее отношение к миру. А здесь он хорошо вписался, ему здесь нравится. Опять же – долго бродяжничал до того, как попал на заставу. Мало ли с кем мог подружиться и чего наслушаться? Он еще ребенок был, любой добрый дядька мог стать другом и кумиром. А если потом оказалось, что дядька из другого мира и хочет мерзкую Землю сделать такой же, как интересный Центрум... Очень не хочу наговаривать, но в первую очередь я бы его подозревал. Ребенка несложно обмануть... и завербовать.

– Чтобы вы сказали о себе, Иван? – спросил Беккер. – Негативного и подозрительного?

Я вздохнул. Почему-то я ожидал такого вопроса.

– Семьи нет, отец умер, с матерью близких отношений не поддерживает, братьев-сестер нет. Был музыкантом в третьесортной группе. Что от такого ждать? Любой глупости.

Беккер с серьезным видом кивнул. Потом сказал:

– В целом вы мыслите здраво, Иван. Не скажу, что гениально, но здраво. Я подумаю над вашими словами. Ну и... если все закончится хорошо... и вы чисты... – он помолчал. – Возьмем вас на работу в штаб. В мой отдел. Сами понимаете, с той информацией, что вы узнали, вам обратно пути нет. Либо в могилу, либо во внутреннюю безопасность.

– Спасибо, – сказал я от души. – Я выбираю безопасность, конечно же. Берндт... можно еще вопрос?

Он кивнул.

– У вас же была какая-то ориентировка, верно? – спросил я. – Ну, на предполагаемого предателя. Про это Эйжел сказала, да и вообще – раз вы

не стали дожидаться нас троих, то, значит, считали, что предатель уже схвачен. То есть вы предателя-то, по сути, ищите среди четверых – Старик, Калька, Ведьма, Дед.

Беккер занялся новой самокруткой.

– Если вы скажете, что вас насторожило, – может быть, я сумею еще чем-то помочь? – предложил я.

– А почему бы и нет? – Беккер пожал плечами. – Давайте выслушаю вас, как человека, хорошо знающего подозреваемых... Все очень просто, Иван. Если вы подумаете секунду, вы сами поймете, чем отличаются два множества – арестованных на заставе и вашей отважной спасательной команды...

Я подумал. И мне очень не понравился ответ.

– Среди нас не было женщин... – прошептал я.

– Бинго, – усмехнулся Беккер. – Агент Очага употребил слово «она».

– Надеюсь, это не Галя... – сказал я.

– Не любите свою «ведьму»? – спросил Беккер.

– Она хорошая старушка, – возразил я. – У нас вся застава славная... мне так казалось. Но она уже старая. Уж если кто-то предатель и заслуживает смерти – лучше старуха, чем молодая женщина, верно?

– Какой потрясающий прагматизм! – кажется, я впервые серьезно удивил Беккера. – Ну... наверное. Хорошо, Иван. Теперь главный вопрос – кто мог убить охрану в поезде? И рассматривайте как подозреваемых всех, не только женщин.

– Почему?

– Потому что агент Очага мог и соврать, или просто оговориться, – кисло сказал Беккер. – Потому что нападение не обязательно совершил агент – все вы были взбудоражены, напуганы и мечтали убежать.

– Не знаю, – я пожал плечами. – Все время об этом думал. Когда я очнулся, а я вроде первый пришел в себя, то все были на местах, в закрытых клетках. Следов никаких не было. Тот, кто зарезал конвоиров и ранил Эйжел, должен, наверное, быть в крови. Нож – грязное оружие, особенно если его вынимать из раны. Но вначале я не всматривался, потом все подходили к отсеку конвойных, к Эйжел, ну и перемазались... Как это технически можно было реализовать – вообще загадка. У кого-то, получается, был при себе заряд усыпляющего газа? А еще отмычка, чтобы снять наручники и выйти из клетки. Я не знаю. Всю голову себе сломал, никаких зацепок.

Беккер почему-то казался разочарованным моими словами.

– А самое главное – зачем? – сказал я. – Бежать? Но ведь никто не

убежал. Сложный портал? Тогда зачем вообще вырываться? Убить Эйжел, чтобы не сказала лишнего? Так ведь не убили. Может быть, чтобы попасть к вам? К примеру – захватить «детонатор»? Но ведь все равно нас сюда и везли!

– Да, это самый главный вопрос, – кивнул Беккер. – К чему столь кровавая, жестокая и бессмысленная акция? При этом проведенная холодно, расчетливо и, увы, удачно.

Он помолчал, глядя на меня. Потом сказал:

– Вы, разумеется, остаетесь в тюремной камере, Иван. Но я могу на свой страх и риск оставить вас без наручников. И даже разрешить пользоваться душем... вам бы это не помешало. Если вы, конечно, дадите мне честное слово, что не попытаетесь открыть портал и вернуться на Землю.

– Договорились, – кивнул я. – Даю слово. Только можно тогда попросить, чтобы те, кто караулят в моей квартире точку возвращения, покормили рыбок в аквариуме?

Беккер с очень серьезным видом кивнул.

– Хорошо, Иван. Со следующим курьером передам вашу просьбу.

Он даже взял со стола ежедневник и что-то отметил в нем. Потом обронил:

– Я на Земле держал рыбок. Это большая ответственность, они же совершенно беспомощны и зависимы от человека. Живут себе в стеклянной тюрьме и не подозревают, что полностью зависят от человека, что чуть что не так – и будут задыхаться и жрать друг друга...

Глава 19

Камера была очень комфортабельной. Кровать – как в недорогом, но приличном отеле, даже с двумя подушками. Письменный стол, на котором заботливо положили Библию, Коран (разнеся их на всякий случай в разные углы столешницы) и Доктрину Цада, основной священный труд Центрума. Еще имелась стопка бумаги, карандаш и чернильная авторучка земного производства. Даже окошко имелось, небольшое, зарешеченное и с видом на внутренний двор, но все-таки.

И наручников на мне не было. А одежду выдали новую, чистую – свободные брюки из серой материи, светло-голубую рубашку, белье, носки и что-то вроде теннисных туфель на каучуковой подошве. Все неброское, простое, но новое и чистое.

И даже душ в камере был. Душ вообще в Центруме редкость, они и в городах-то предпочитают мыться в ванне (у кого есть) или в банях (что довольно популярно). Но тут был душ и шампунь с гелем в стеклянных (разумеется) флаконах. Да здравствует мыло душистое и полотенце пушистое...

Я вымылся, размышляя, откуда за мной следят. Скорее всего, зеркало односторонне прозрачно. Но я не стал паясничать, строя гримасы невидимому наблюдателю, вымылся и оделся, почистил зубы заботливо предоставленной щеткой. Она была грубая, потому что натуральная – с настоящей свиной щетиной. Но к этому в Центруме я привык. Даже ухитрился разыскать в Москве магазинчик, где за бешеные деньги продавали такие «натуральные щетки» – деревянные и с грубой, даже на вид неприятной щеткой. Что поделаешь, чокнутых любителей всего натурального хватает. Переселиться бы им в Центрум, то-то они бы быстро осознали разницу между туризмом и эмиграцией.

Конечно, это все-таки была тюрьма. И насчет дружеского диалога с Берндтом Беккером я не обольщался. Точно такие же диалоги наверняка вели со всеми нами. Разве что Ведьме и Кальке, возможно, назвали других подозреваемых. Даже если Берндт и впрямь мне доверяет – это не значит, что наблюдение ослабят хоть на грамм. Пока штаб не выяснит, стопроцентно точно, кто именно предатель – нас не отпустят. А если не выяснит – уничтожат всех.

Возможно ли вообще это выяснить?

Едва я вернулся из ванной комнаты, как в дверь вошли, впрочем, перед

этим коротко, не ожидая ответа, постучали. Это оказались два охранника. Китайцы, что наводило на определенные мысли о том, откуда шло больше всего порталов в район Марине. В пограничной страже китайцы были, разумеется, но в целом их не очень-то жаловали. Бытовало мнение, что любой француз, немец, русский, да кто угодно, может легко оторваться от своих земных корней и стать пограничником. А вот китайцы... они всегда остаются китайцами.

– Иван, господин полковник Беккер попросил вас тщательно и точно описать все события, произошедшие с вами за последние восемь дней, – сообщил один из китайцев.

– Именно за восемь? – уточнил я.

– Именно за восемь, – повторил китаец мои слова. – У вас есть три часа времени.

– Тщательно не получится, – я покачал головой. – Я очень устал...

– Вам принесут чай, – сказал китаец и вышел, не дожидаясь ответа.

Маленький чайник принесли минут через пять, когда я, позевывая, сидел за столом и мусолил в руках чернильную ручку. Интересно, почему именно восемь дней? С того момента, как в руки пограничников попал агент Очага?

Чай был почти прозрачным и слегка пах затхлостью. Одна первая же кружка начисто смыла с меня всю усталость. Я налил вторую и принялся писать.

Москва... Какие-то житейские дела... Центрум... патруль... нарушитель... Москва... звонок Старика... встреча в его квартире... Центрум... разгромленная застава... встреча с Гольмом... встреча с Эйжел... путешествие в Марине... арест... побоище в вагоне...

Я уложился в три часа. Мне дважды приносили свежий чай, один раз – горку сладкого печенья, посыпанного какими-то зернами. Может быть, и в печенье был стимулятор, а может быть, чай оказался воистину волшебным – но я встал из-за стола куда бодрее, чем за него садился. И был даже разочарован, когда китаец собрал исписанные листки и коротко бросил:

– Отдыхайте.

Совет выглядел насмешкой – какой уж отдых после такого чайку! Но едва я лег на кровать и закрыл глаза, как тут же провалился в сон, глубокий и спокойный.

Спал я на удивление недолго и проснулся сам, чувствуя себя вполне отдохнувшим. За окном уже темнело. Я едва успел сходить в туалет и умыться, как в дверь снова постучали.

– У господина полковника Беккера возникли некоторые вопросы, –

сообщил китаец и вручил мне лист бумаги с аккуратными, бисерным почерком написанными вопросами. – У вас есть час и двадцать минут.

– А поесть? – спросил я.

– Потом, – пообещал китаец. – Вам принесут чай.

Второй раз чаепитие мне удовольствия не доставило, но голову снова прояснило. Я ответил на все вопросы Беккера, частью ожидаемые (он просил разъяснить некоторые моменты, вроде путешествия через Разлом, моего разговора с Гольмом или реакцию всех пограничников на газовую атаку и убийство конвоиров), частью странные и напрямую к делу не относящиеся – вроде той истории с Калькой и убитой женщиной или обстановки в квартире Старика.

Я ответил на все вопросы, уложившись в пятьдесят минут. Бумагу тут же забрали, а мне принесли ужин. К счастью, не китайский, а вполне европейский, со спецификой Центрума, конечно. Суп-пюре, острый и сытный; очень приличный стейк; салат из свежих овощей. Не тюремная, а ресторанная еда, только бокала вина не хватало. Я с удовольствием поел, походил по своей камере, полистал Библию (русская), заглянул в Коран – но он оказался на арабском, потом взялся за Доктрину Цада. Прочитал поэтичное описание Центрума как центра Вселенной (что ж, для этого у местных теологов было куда больше оснований, чем у наших средневековых схоластов, заставивших Солнце вращаться вокруг Земли), красочную историю первого грехопадения людей, утративших за это способность путешествовать между мирами, но в милости Божьей поселившихся в мире, связующем все остальные миры, историю второго грехопадения и войны за веру, окончившуюся изгнанием еретиков-дьяволопоклонников прямоком в ад. В общем – все то, что порождает богатое воображение проповедников, необходимость одновременно утратить паству и внушить ей чувство собственной праведности, а также знакомство с многочисленными религиозными культами сопредельных миров. Я с некоторой иронией прочитал список «праведников чужемирья», в котором был и Христос, и Мухаммед, и Будда, а также три десятка божественных и полубожественных имен из «чужемирья». Некоторых я знал – в Антарии был большой и довольно популярный храм Ахне, пророка-мученика из Сталра, мира находящегося в ранней средневековой стадии развития, но вопреки (или благодаря?) этому населенному крайне пассионарным народом. Сталрийцы были темнокожи, стройны, довольно миролюбивы, легко переселялись в Центрум (если их пускали), не брезговали любой работой и, в общем, имели хорошую репутацию. Даже удивительно, учитывая биографию их пророка, который, прежде чем

сгореть на костре, устроил в Сталре нехилую заварушку с массовой резней, разрушением городов и всякого рода странными акциями – вроде массового одновременного развода всех семей и их же последующего бракосочетания.

С другой стороны, пророкам и богам свойственны странные поступки...

Но почитать Доктрину Цада как следует, а то, может, даже просветиться настолько, что уверовать в Круги Возрождения, Восемь Грехов и Восемь Добродетелей, Божественных Отпрысков и Поганую Ересь мне не дали.

Вернулся давешний китаец.

– Господин полковник Беккер интересуется, не хотите ли вы его навестить, – произнес он сухо, тем тоном, который подразумевал, что ответа не требуется.

Я отложил книжку, кивнул.

– Спасибо. С огромным удовольствием.

К моему удивлению, в этот раз Беккер ждал меня не в своем кабинете, а в небольшом зале, судя по количеству лестничных пролетов расположенному где-то глубоко в подвале. Дверь в этот зал была стальная, толстенная, будто в бомбоубежище, а каменные стены еще и обшиты стальными полосами. В общем – тут можно было испытывать что-то очень взрывоопасное. Под потолком висели блестящие стальные рефлекторы, под которыми сияли ослепительные электрические лампы. Учитывая все понятные сложности с электричеством в Центруме – роскошь.

Но бомб в этом помещении не было. Имелся господин полковник Беккер и странная металлическая хреновина, больше всего напоминающая... да ничего она толком не напоминала... Множество маленьких золотистых трубочек, диаметром в палец, длиной сантиметров пять, со стенками тонкими как бумага. Трубочки были причудливо соединены друг с другом и торчали в разные стороны, образуя бесформенный ком примерно метрового диаметра. Ком стоял на большом приземистом деревянном ящике, видимо, исполнявшем роль лабораторного стола.

– Это что? – спросил я с интересом.

Беккер пристально смотрел на меня.

– Честно, не знаю, – сказал я. – Можно потрогать?

– Трогай, – разрешил Беккер.

Я коснулся одной трубочки, надавил. На вид она казалась совсем хрупкой, будто сделанной из фольги... всплыло в памяти давнее глупое детское развлечение – туго обмотать палец фольгой от шоколадки,

закрутить один конец и получается игрушечный «бокал», из которого даже можно пить лимонад. Но эта трубочка была крепкая, не проминалась, лишь чуть подавалась под давлением, уходя вглубь кома. Я убрал руку – трубочка вернулась на место. Весь ком шевельнулся от моего движения, он был очень легким. И еще – я ощутил слабое покалывание в кончиках пальцев. Будто электрическое, но оно некоторое время держалось и после того, как я отпустил трубочку.

– Это делается не так, – сказал Беккер. Подошел ближе, надавил на ком с одной стороны, с другой... Трубочки стали складываться, вращаясь вокруг незаметных осей, скользя друг по другу. Беккер убрал руку – ком вновь ошетинился во все стороны. – Правильно нажимая с нужных сторон, можно сложить это в небольшой контейнер.

Беккер развел руки, показывая объем, который получится. Выходило компактно – как шкатулка или толстая книга.

– Это детонатор? – понял я.

– Он самый, – кивнул Беккер. – Наверное, правильнее было бы назвать его антенной... но название уже прижилось. Хотя по большому счету никто не знает, что это такое. Он раскладывается и складывается. Плавает в воде, удельный вес низкий. Довольно прочный, хотя не сомневаюсь, что его можно сломать, мы просто не пробовали. Ничего не излучает. Не проводит электричество.

Я удивленно посмотрел на него.

– Да, пальцы покалывает, – уныло согласился Беккер. – Почему – непонятно. Агент нес его без всякой защиты и брал голыми руками, так что мы полагаем, что это неопасно. Если вдруг облысеешь или утратишь потенцию – сообщи, мы будем осторожнее... Иван, ты ничего об этой штуке не знаешь?

Я покачал головой.

– Куда ее можно приделать?

Я снова покачал головой. Предположил:

– В музей современного искусства? В дизайнерскую квартиру вместо абажура?

– Исследовать бы его хорошенько, – мечтательно сказал Беккер. – На Земле... Но на Землю мы его не повезем ни в коем случае, разумеется. Видимо, подгоним с Земли кое-какую аппаратуру и попробуем изучать очень быстро, прежде чем она сломается. Рентгеновский аппарат выдержал почти полчаса.

– Что показал?

– Да ничего, трубочки как трубочки. И ультразвук ничего не дал,

правда, сканер накрылся за три минуты.

Он помолчал, вздохнул:

– Ладно, не буду больше задерживать. Это я так, больше от отчаяния... Да, трубочек, если тебе интересно, ровно триста пятнадцать.

– А что это значит? – спросил я, подумав.

– Триста пятнадцать – это число Цукермана и число харшад, – сказал Беккер, удивленно приподняв бровь, будто я сообщил, что не умею считать до десяти. – А еще – это количество верхних треугольных матриц с ненулевыми строками!

– И что все это такое? – поразился я.

– Да ничего, – вздохнул Беккер. – Любое число что-нибудь да значит в математике, просто наши аналитики старательно изображают работу мысли, отрабатывают свои оклады... Хотя, по-моему, они просто заглянули в «Википедию».

Он невесело хохотнул и махнул рукой.

– Ладно, Иван. Надумаешь что-то умное – зови.

– Берндт, а можно мне навестить наших? – спросил я.

– Можно, – легко согласился Беккер. – Только тогда расскажи им всем про эту штуку, ладно?

К моему глубочайшему удивлению, мое появление ни у кого из наших особой радости не вызвало. Скорее – настороженность.

Старик – так даже демонстративно приподнял бровь, когда я вошел в его камеру. Порасспрашивал о допросах, сказал, что сам он общался с какой-то женщиной, вежливой, но упорно клонящей к тому, что не может начальник заставы, даже такой разболтанной, как наша, не знать, кто из его подчиненных предатель. Про детонатор выслушал с любопытством, пожал плечами, сказал, что никогда такой ерунды в Центруме не видел и видеть не желает. А потом демонстративно зевнул, после чего я встал и откланялся.

Сказать, что я был зол, – это сильно преуменьшить. Он что, считает, что я работаю на службу безопасности пограничников?

Ведьма была радушнее, но погружена в свои мысли. Выслушала, покивала, мрачно сказала, что, по ее мнению, никого из нас уже не отпустят, «разве что тебя, Иван, ты у них почему-то на особом счету». В общем, разговор тоже не сложился.

Скрипач был повеселее, но меня почти не слушал. В основном – жаловался на своего следователя, на неуважительное отношение, на плохой ужин, на скрипучую кровать. По-моему, и ужин был хороший, и кровать под ним не скрипела. Но я не стал спорить. Рассказал про детонатор

(никакой реакции), раз уж этого хотел от меня Беккер, и ушел.

Конвойные-китайцы отвели меня к Ивану Ивановичу – вот тот искренне обрадовался и довольно заинтересованно обсудил со мной и детонатор, и вопрос – почему мне разрешают такие вольности, как осмотр улик и хождение в гости. Пожалуй, с ним я бы поболтал и больше, но за окном темнело, а от меня явно хотели, чтобы я обошел всех.

Дед при моем появлении пришел в восторг и кинулся на шею. Похоже, за себя он ничуть не беспокоился, значит – вины никакой не испытывал. Это меня искренне обрадовало. О допросах и детонаторе мы поговорили довольно долго, правда, мальчишка обиделся, что ему не показали такую забавную вещь. Зато он гордо похвастался новыми джинсами, которые ему выдали взамен испорченных в процессе перевозки...

Последней, к кому меня отвели, была Калька. Вот тут все было плохо. При моем появлении она даже не встала с кровати. Покосилась, закинула ногу за ногу и продолжила чтение «Доктрины Цада». Причина стала понятно быстро.

– Калька, ты как? – спросил я.

Получил в ответ уничижительный взгляд и какое-то невнятное бормотание.

– Калька...

– Ты меня сдал, – холодно сказала девушка. – Ты рассказал... про тот случай.

– Галя, все слишком серьезно...

– Я тебе не Галя! – зло откликнулась Калька. – Пошел вон, предатель. Спаситель хренов...

– А мне детонатор показали... – глупо сказал я.

– Жаль, что в задницу не засунули, – мстительно сказала Калька. – Вдруг ты взорвался бы. Тайное оружие Очага, говно-бомба...

На какой-то миг мне показалось, что, выговорившись и обругав меня, она рассмеется. Кажется, это действительно почти случилось, на миг в ее глазах проступила та, прежняя Калька, которая могла ругаться как сапожник, оставаясь при этом совершенно дружелюбной девчонкой.

Но взгляд ее опять потемнел.

– Пошел вон, – брезгливо сказала она. – Не хочу тебя ни видеть, ни слышать.

Я вышел из комнаты и даже заслужил сочувственный взгляд конвоира. Видимо, Калька своей непосредственностью и эпатажем успела их всех достать.

– В камеру? – спросил я конвоира.

Тот молча кивнул.

– А можно навестить еще одного человека? – спросил я. – Эйжел? Наемницу, которая была с нами, раненая... Она в госпитале?

Конвоиры переглянулись.

– Нет, ее перевели в камеру, – сказал конвоир, который был за главного. – Относительно нее господин полковник Беккер не оставлял распоряжений.

– Он сказал «ко всем, кого взяли», – заметил второй. Видимо, ему не очень-то хотелось решать этот вопрос.

– Хорошо, – согласился старший. – Время есть.

И мы отправились к Эйжел.

Хоть ее и захватили вместе с нами, но камеру отвели попроще. Видать, существовал какой-то табель о рангах в штабной тюрьме – к пограничникам относились лучше, чем к чужакам, пусть даже работающим на службу безопасности.

– Ударник! – завопила она.

Как и Калька, Эйжел лежала на кровати и при свете газовой лампы (могли бы и не поскупиться на электричество для заключенных, газ – дело опасное, им и отравиться можно, и взрыв устроить), читала «Доктрину Цада». Только в отличие от невредимой, но злой Кальки, Эйжел была вся перевязана бинтами, но на лице ее цвела улыбка. И лубка на правой руке уже не было – сняли. При моем появлении она натянула на ноги одеяло – из одежды на ней были только трусики.

– Эйжел... – я остановился у кровати, улыбнулся. – Как я рад, что ты жива... и даже неплохо выглядишь.

Выглядела она, конечно, плоховато. Кожа между бинтами была бледная.

– У мьеня хорьоший орьганизм... – сказала Эйжел. Улыбнулась – и будто переключилась, весь акцент у нее ушел начисто. – Высокая свертываемость, сказал врач. Порезы были неглубокие, кровь свернулась. Я уцелела.

– Здорово, – я пододвинул стул, присел. – А меня, видишь, даже по гостям пускают. Наверное, считают, что я не предатель.

– Ты же не предатель? – строго спросила Калька.

– Нет, – я улыбнулся. – Вообще... грустно все. Кто-то из наших точно работает на Очаг. Но кто – вот вопрос.

– Ты не сердись, что я помогла вашей безопасности? – спросила Калька с тревогой. – Ударник?

– Нет, наверное, – признался я. – Вначале сердился. Потом... потом

перестал. Я и сам с ними активно сотрудничаю, как видишь. Все очень серьезно, тут уж не до обидок и корпоративной солидарности.

Эйжел серьезно кивнула.

– Ты молодец, Ударник. Так и надо. Дружба – дружбой, но когда речь идет о судьбе миров...

Повисла неловкая тишина.

– Эйжел, а почему ты иногда говоришь с акцентом? – спросил я. – Ты же можешь совершенно чисто...

– Это очень мило, – Эйжел улыбнулась. – Мужчинам нравится. Помоги сесть, Ударник...

Я помог ей сесть и подложил под спину подушку.

– Так что, пограничники кого-то подозревают? – спросила Эйжел.

Я ответил не сразу. Не хотелось это говорить, но...

– Да. Ведьму и Кальку.

– Почему? – Эйжел широко открыла глаза.

– Потому что они женщины. А захваченный агент сказал «она». Ну или что-то в этом роде. Он должен был на нашей заставе встретиться с женщиной.

Эйжел задумчиво покачала головой.

– Вот это номер. Вот это... интересный расклад.

– Я за обеих переживаю, – сказал я. – Они мои друзья, обе.

– Понимаю, – кивнула Эйжел.

– А что ты еще хотела сказать? В поезде? – напомнил я. – Еще что-то про агента...

– Больше ничего, – сказала Эйжел. – Я хотела спровоцировать того из вас, кто предатель. Чтобы он занервничал и выдал себя.

– Получилось, – вздохнул я.

– Да, все получилось, – Эйжел задумчиво смотрела на меня. – Как думаешь, Ударник, может, у нас все-таки что-то будет? Снова? Теперь, после всего этого?

Я молчал. Я честно думал.

– У меня шрамы, наверное, останутся, – вздохнула Эйжел.

– Дело не в шрамах, – сказал я. – И даже не в наручниках и плетках. Эйжел, просто мы слишком разные. Меня к тебе и тянет, и многое восхищает. Но ты... понимаешь, ты все равно остаешься чужой. Я все время думаю, что ты еще сейчас выкинешь.

– Понимаю, – Эйжел кивнула. – Да, ты прав.

И опять наступила неловкая тишина...

– А я видел ту хрень, что нес агент, – сказал я. – Детонатор.

– Seriously? – глаза у Эйжел широко раскрылись. – Нет, что, тебе действительно его показали?

– Да, – сказал я. – Они пытаются понять, что это и к чему. Держат внизу, в подвале, в бронированной камере. Даже притаскивали с Земли рентгеновскую установку, просвечивали... Так ничего и не поняли.

– Не сломали? – поинтересовалась Эйжел.

– Нет пока. Но, наверное, сломают, раз изучить не получается.

– Он... детонатор разложен?

– Да, – сказал я. – Странная такая хреновина, будто взрыв на макаронной фабрике. Трубочки торчат во все стороны.

– В подвале? – уточнила Эйжел.

Я замолчал. Я смотрел на нее и пытался вспомнить, говорил ли я, что детонатор можно разложить. Вроде бы не говорил. Но я все равно упрямо пытался это вспомнить, потому что иначе все получалось совсем уж...

В этот момент дверь в камеру распахнулась. За ней стояли не китайцы-конвоиры, а полковник Берндт Беккер собственной персоной. С маленьким автоматом в руках.

– Отойди от нее! – рявкнул Беккер.

Наверное, он и впрямь мне симпатизировал, а не только использовал как живца, раз не стал стрелять сразу. А может быть, был уверен, что раненая Эйжел, полулежащая в кровати, ничего сделать не сможет, во всяком случае быстро.

Она смогла.

Одной рукой она отшвырнула меня с кровати, так что я отлетел через всю комнату к стене. Другой рукой взмахнула – и между ней и Беккером открылось окно портала. Здоровенного, больше двух метров в диаметре. Портал был открыт со стороны Эйжел, но выглядел как-то странно, непроницаемо-черно, будто окно во тьму. То ли за ним была ночь, то ли светоизолированное помещение.

По ушам ударила короткая очередь – Беккер рефлекторно нажал на спуск. Пули отколошетили по стенам, но ни криков, ни звука падения не было. Значит, самого Беккера не задело. Повезло.

А Эйжел уже стояла у портала, погрузив в него руку.

В голове у меня был полный сумбур и одновременно – какая-то кристальная ясность.

Эйжел открыла портал! Значит, она никакая не уроженка Центрума, не младшая дочь наложницы вождя горного клана... все это было такой же пургой, как ее умильный акцент и трогательная любовь к искалеченной родине.

Она не из Центрума.

Она из Очага!

Агент действительно шел на нашу заставу. И он действительно должен был там встретиться с женщиной. Только эта женщина не была пограничником, она была подругой и любовницей пограничников... то одного, то другого.

И детонатор, который ухитрились перехватить пограничники, был действительно очень важен. Может быть, ему и впрямь не было замены – в обозримом будущем или вообще. Потому что это Эйжел перебила охрану в вагоне и сама себе нанесла раны. Рискнула истечь кровью, но гарантировала, что ее доставят в штаб, а не отпустят на перроне, всунув в зубы медаль и пачку ассигнаций.

А сейчас она уйдет. Уйдет же!

Я даже сумел встать, хотя приложился о стену довольно болезненно. Откуда в ней столько силы...

Но Эйжел не собиралась никуда уходить. Она стояла, погрузив руку в портал, а по руке из темноты ползла тьма. Выглядело это именно так, будто Эйжел сунула руку в чернила и те растекаются по ее телу матово-черной пленкой. Пленка доползла до бинтов, нырнула под них – и покрыла все тело девушки, даже лицо, даже ноздри и глаза, даже волосы.

Бинты и трусики остались снаружи, на черной пленке, и это почему-то пугало больше всего.

Я слышал, что такое вроде бы возможно – открыть свой портал и достать что-то «с той стороны». Но у меня такого никогда не получалось, и я никого не знал, кто умел бы это делать.

А Эйжел, превратившаяся в перебинтованную черную статую, уже отступала от портала, вытягивала руку, но рука была не пустая, за ее ладонь цеплялась еще одна черная фигура, а за ту – следующая. Как сцепленные лапками обезьянки, вырезанные на радость детворы из сложенного листа бумаги одним движением ножниц...

Она вытягивала к нам из Очага своих товарищей!

Я подцепил стоящую на столе газовую лампу и швырнул ее в голову Эйжел.

Лампа не взорвалась, в Центруме умели делать надежные лампы. Она даже не погасла и продолжала светить, упав на пол. Лампа была тяжелой, от такого удара любой человек потерял бы сознание. Но Эйжел даже не пошатнулась – похоже, пленка защищала не хуже бронежилета.

Но она обернулась ко мне, и портал в то же мгновение исчез.

Обрезав при этом кисть руки третьего человека, вылезающего из

портала.

Так мы теперь и стояли – с одной стороны Эйжел и еще два человека в черной пленке, с другой – Беккер и пятеро парней с экзотическими в наших местах пистолетами-пулеметами «Штайр АУГ». Это явно были не конвоиры, а ребята посерьезнее. Все они – и Беккер, и группа захвата – были в легких бронежилетах – то ли свежедоставленных с Земли и еще не успевших разложиться, то ли не пластиковых, а керамических. Лица группы захвата прикрывали какие-то маски, похожие на респираторы, но с небольшим баллоном. Видимо, изолирующие противогазы короткого срока действия.

Неплохо подготовились!

Ну а я стоял между нашим спецназом и диверсантами с Очага.

Глава 20

– Эйжел... и остальные. Вы арестованы, – сказал Беккер. – Оставайтесь на месте, поднимите руки.

Эйжел засмеялась. Голос ее не изменился даже под пленкой, но словно бы стал громче.

– Полковник, не надо лишних жертв. Вы же знаете, мы не любим убивать. В отличие от вас.

Я потихоньку смещался к стене, уходя с линии огня. На меня охранники внимания не обращали, видимо, понимали, что я из хороших парней.

– Конечно, вы не мелочитесь. Вы убиваете целые миры, – хладнокровно сказал Беккер. – Руки вверх, лицом к стене и встать на колени.

– Полковник, отдайте детонатор, – холодно сказала Эйжел.

– Иди и возьми, – Беккер оскалился. Пистолет в его руке смотрел в голову Эйжел, видимо, полковник считал себя хорошим стрелком.

– Как скажешь, – произнесла Эйжел.

И разверзся ад.

Я даже не пытался изображать героя и лезть в схватку трех пришельцев из иного мира, покрытых своей черной броней, и шести вооруженных профессионалов. Я сполз по стене, вжался в нее изо всех сил и закрыл голову руками. Будем считать, что свой подвиг я уже совершил, когда швырнул в Эйжел лампу и она закрыла портал...

Теперь же моей отваги хватало ровно на то, чтобы смотреть на происходящее.

Пришельцы не стреляли. У них, похоже, вообще не было оружия. Они просто кинулись на группу захвата, а та, разумеется, принялась стрелять. Комната мгновенно заполнилась едким пороховым дымом.

Пистолет-пулемет – оружие для ближнего боя замечательное. Вот только оно рассчитано на то, что пуля попадет в тело врага.

А черная пленка держала выстрел как хороший бронезиловый.

Эйжел и два ее товарища шли на группу захвата будто люди, идущие против сильного ветра, – чуть согнувшись и прикрывая лицо руками. Пули все-таки их замедляли, безостановочно колотя свинцовыми кулачками. Но остановить не могли.

В тот момент, когда у наших ребят кончились патроны, тройца с Очага

как раз приблизилась к ним вплотную. И началась рукопашная – до обидного короткая и предсказуемая. Группа захвата была подготовлена прекрасно, в драку они ринулись бесстрашно, а руками-ногами махали явно умело.

Вот только через пять секунд все наши валялись на полу, а трое диверсантов в черном продолжали стоять.

– Полковник... – Эйжел стояла над Беккером, ногой давя ему на грудь. – Не надо лишней крови. Где детонатор?

Беккер медленно повернул голову в мою сторону. Потом посмотрел на Эйжел.

– Я жду три секунды, – сказала Эйжел. – Вы нас не остановите, вы достаточно умны, чтобы это понимать.

– Подвал, минус четвертый уровень, – сдавленно сказал Беккер. – По коридору направо, лестница вниз... лабораторный зал номер два... Но вы не пройдете, там охрана, давайте попробуем договориться...

Эйжел засмеялась и исчезла в коридоре. В мою сторону она даже не взглянула, и это было почему-то обидно.

Беккер закашлялся, с трудом сел, прижимая руки к груди. Вокруг шевелились его бойцы – удивительно, но никого и впрямь не убили! Один сумел подняться, пошатываясь пошел к двери.

– Стоять... – прохрипел Беккер. – Стоять на месте...

Из коридора слышались выстрелы. Потом крики.

– Как работают, свиньи, – пробормотал Беккер. – Ах, как работают...

– Вы ими словно восхищаетесь, – сказал я.

Беккер посмотрел на меня. Один глаз у него стремительно заплывал, на скуле расцветал здоровенный синяк.

– А что ж не восхищаться, – сказал он. – Достойный враг... И ведь никого не убили, не искалечили, чистоплюи...

– Беккер, мы же не можем позволить им уйти! – крикнул я. – Ну что ж вы стоите!

– Я сижу, – поправил Беккер. – Кажется, у меня сломана нога.

Выстрелы стихли, потом возобновились – но где-то дальше.

– Надеюсь, никто не умрет... – с тревогой сказал Беккер. – А вы молодец, Иван. Лампой ее огрели?

– Лампой, – я приподнял лампу и вернул на стол. Столешница была в нескольких местах пробита и исцарапана, одна ножка вообще отсутствовала – ее перебило и отбросило в угол. Из вспоротой пулями подушки вывалились белые перья и пух. Все натуральное, все экологически правильное, добро пожаловать в утопию зеленых...

– Как с порталами работают... – продолжал Беккер. – Любо-дорого посмотреть! Вы бы так смогли, Иван?

– Нет, – ответил я. – А вы?

– Я вообще не проводник, – с тоской сказал Беккер. – Мой отец был проводником и работал в пограничной страже. Он меня сюда и привел. А я... чего только не делал, но, видать, не дано.

– Беккер... – взмолился я. – Ну что ж вы ничего не делаете?

Полковник вдруг лукаво улыбнулся.

– А зачем? Я уже все сделал, теперь только ждать...

В следующий миг здание тряхнуло.

Взрыв сам по себе был почти не слышен, только какой-то глухой подземный гул. Зато толчок оказался таким, что я едва устоял на ногах. Колченогий столик рухнул, мне пришлось снова поднимать лампу. Где-то завывала сирена – неровно, истерично, видимо, не автоматическая, а кто-то в панике крутил ручку.

– Вот теперь можно идти, – сказал Беккер удовлетворенно. – Иван, вы вроде как самый живой, помогите мне.

Я подхватил Беккера под руку, он, стараясь не наступать на левую ногу, довольно бодро запрыгал к двери. Его команда пыталась встать самостоятельно – это сопровождалось бранью на клондальском, русском, английском и, кажется, японском языках.

– Надеюсь, вы уже переварили свой ужин, а нервы у вас крепкие, – весело сказал Беккер в коридоре. Там тоже царил разгром – шевелились вялые, будто сонные тела охранников, раздавались стоны и ругань, часть ламп была разбита пулями, из некоторых с шипением шел газ. Беккер, проходя мимо окна, саданул по нему рукоятью пистолета, впуская свежий воздух.

– У меня очень крепкие нервы, – похвалился я.

Но, честно говоря, то, что мы увидели в подвале, едва не заставило меня расстаться с ужином. Вот если бы я поработал пару-тройку лет на бойне – может быть, было бы легче.

Нас собрали вместе на следующий день, после обеда. Зал был небольшой, типичный «переговорный зал», с длинным овальным столом и удобными стульями. На окнах не было решеток, и я счел это хорошим знаком.

Вначале нам дали четверть часа посидеть самим и поговорить. Рассказывать мне ничего не пришлось, кто-то позаботился о том, чтобы проинформировать весь состав нашей заставы о случившемся. Старик был

задумчив и, пожалуй, первый раз на моей памяти выбит из колеи. Калька непривычно весела – даже на меня глянула с обидой, а потом улыбнулась и пожала руку. Разве что Дед был мрачнее тучи.

А потом появились господа полковники – Беккер и Поллен. Беккер был на костылях, которыми орудовал с подозрительной легкостью – видимо, это не первый его перелом. Усевшись на стул, он тут же костылем пододвинул еще один, водрузил на него загипсованную ногу, довольно улыбнулся и достал свой кисет.

– Берндт, избавьте меня от табачной вони, – брезгливо сказал Поллен. – К тому же это нарушение порядка.

– Я на службе пострадал, мне можно, – отмахнулся Беккер, скручивая сигаретку.

Лицо Поллена покраснело от злости, но он промолчал. То ли Беккер был старше по должности, хоть и в равном звании, то ли вчерашняя операция подняла его авторитет на недостижимую для Поллена высоту.

– Должен быть порядок, – пробормотал он, не глядя на Беккера, и я подумал, не подменили ли их в детстве где-нибудь на франко-немецкой границе, отправив аккуратного немца воспитываться во французской семье, а веселого раздолбая-француза – в немецкую.

– Будет, будет порядок! – успокоил его Беккер, чиркая спичками. – Начинайте полковник, прошу вас.

Поллен окинул нас кислым взглядом.

– Я хочу сообщить сотрудникам шестнадцатой клондальской заставы о произошедших событиях. Возможно, вы уже в курсе, но... – он помолчал. – Вчера нами был разоблачен агент Очага, длительное время действовавший в Центруме. Это была известная вам всем Эйжел Тай-Клёус. Точнее – женщина, выдававшая себя за нее.

Царила полная тишина. Все глаза были прикованы к Поллену. Только Беккер курил, выжидая, и я подумал, что, когда Поллен закончит, Берндту найдется что еще сказать.

– Вы, вероятно, знаете, что бригады наемников горных кланов работают достаточно автономно, – продолжал Поллен. – По сути кланы просто вышвыривают из своих поселений избыток молодежи, слишком агрессивной и не приспособленной к мирному труду. Бригады охранников работают в городах, на железных дорогах, иногда даже нанимаются в регулярную армию той или иной территории. Как мы предполагаем... а скоро будем знать точно... настоящая Эйжел, кто бы она ни была, погибла много лет назад, вскоре после того, как ее бригада начала действовать самостоятельно. В таких случаях бригаде полагается вернуться в клан для

переформирования. Но они предпочли принять в свои ряды местную девушку и позволить ей выдавать себя за Эйжел. Это тоже обычная практика, в любой бригаде на самом деле через несколько лет до половины состава – уже не горцы. Эйжел оказалась прекрасным бойцом и хорошим командиром... что неудивительно... а уж учитывая ее любвеобильность – через какое-то время вся бригада оказалась абсолютно ей предана. Впрочем, я не удивлюсь, если стараниями Эйжел к настоящему моменту в бригаде не осталось уже никого, знавшего о ее происхождении.

– Они же не убивают, – заметил Старик. – Агенты Очага...

– Стараются не убивать, – покачал головой Поллен. – Тот, которого мы взяли с детонатором, уложил четверых... Так вот, Эйжел не просто стала своей для вашей заставы... точнее – ее мужской части. Она еще и с нашими резидентами в Антарии завела тесные отношения. И, в общем-то, считалась хорошей наемной сотрудницей... Когда она узнала, что агент схвачен и детонатор до нее не донесут, то предприняла авантюрный, но удачный ход – доставила в штаб отставших пограничников. А когда поняла, что ее поблагодарят, но отпустят, не позволив проникнуть в штаб, устроила массовое отравление, убила конвоиров и нанесла ранения себе. Думаю, вы понимаете, как она это сделала?

Я кивнул. Я-то видел, что она вытворяла с порталом. Остальные, похоже, не поняли.

– Она открыла портал – свой обратный портал в Очаг. И, протянув руку, достала из портала газовый баллон, маску, отмычки, нож...

– Разве это возможно? – спросила Ведьма. Она слушала очень внимательно и заинтересованно.

– Выходит, что да. Понимаете, какие возможности это дает? Похожий трюк она провернула и здесь, пытаясь добраться до детонатора. Вытащила двух боевиков, броню... и кинулась в подвал.

– Чего мы и ожидали! – весело вступил в разговор Беккер. – Из вас в подвале был только Иван, но вряд ли он задумался, что это за ящик, на котором стоит детонатор.

– Я думал – просто ящик, – сказал я.

– А это был просто ящик со взрывчаткой и электрическим запалом, – хихикнул Беккер. – Мы не знали, кто из вас и какими силами бросится доставать детонатор. Поэтому перестраховались – и правильно сделали.

– Двадцать килограммов динамита, – сказал Поллен. – Старого доброго динамита. В замкнутом пространстве.

– Да уж, мы все слышали! – подтвердил Скрипач. – Там... хоть что-то осталось?

– Лучше даже не спрашивайте, что там осталось, – сказал я. – Стены – сплошной Стендаль.

– Какой Стендаль? – удивился Скрипач.

– «Красное и черное», – сказала Ведьма. – Книжки надо читать.

Скрипач крикнул. Несколько секунд все молчали – видимо, дали волю воображению. Или, наоборот, пытались его остановить.

– Детонатор уничтожен... собственно говоря, он был частично раскурочен уже к тому моменту, как мы его показали Ивану, – Беккер развел руками. – Агенты Очага – тоже... сейчас медики пытаются установить, сколько их было в помещении. Точно – двое, так, Поллен?

– Двое точно, – кивнул Поллен. – В детали вряд ли стоит вдаваться.

– Но один из них точно был мужчина, – все-таки добавил красочности рассказу Беккер.

Ромка издал сдавленный звук и прижал руки ко рту.

– Извини, парень, – Беккер смутился. – Так вот, ситуация несколько успокоилась, нам надо решать, что делать с вами... А чтобы решить – требуется понять самое главное. Где бомба?

– А вы уверены, что захваченный в плен агент не врал? – спросила Ведьма.

– Да, – кивнул Беккер. – Он не врал, не мог врать. Бомба уже на Земле. Ее пронесли через вашу заставу. Эйжел, давайте уж продолжим ее так называть, сама не могла открыть портал на Землю. И это приводит нас к следующему вопросу – кто ей помог?

Ведьма тихо засмеялась:

– Понятно... Ну, кобели, колитесь. Кто таскал ее на Землю?

– Я не водил, – быстро сказал Старик. – Наши отношения давно уже в прошлом, но я и раньше такого себе не позволял. Это запрещено, во-первых. Эйжел всегда была слишком непредсказуема – во-вторых. И она даже не просила, в-третьих.

Теперь все смотрели на меня.

– Нет, – сказал я. – Она как-то завела речь об этом. Но я не мог... даже в силу особенностей портала. Мне было бы неловко ее проводить.

– Кто еще с ней спал? – поинтересовался Беккер. – Ну-ну, не стесняйтесь. Мы же и так знаем.

– У нас была всего пара встреч, – сказал Иван Иванович. – Нет. Не я.

– И не я! – возмутился Скрипач. – Нет, ну что вы на меня смотрите? Не я!

– Тогда все совсем плохо, – вздохнул Беккер.

Неожиданно встала Калька. Окинула нас негодующим взглядом.

– Да, я один раз у нее ночевала, в Антарии. Да, мы... дурачились. Это не мое, но мы выпили... Никуда я ее не водила! Мы вообще потом старались не общаться, ни ей, ни мне не понравилось.

Хмель картинно схватился за голову. Но тут же смутился и убрал руки.

Мы слишком любим Кальку, чтобы ее за что-то упрекать. Даже если бы она призналась в серьезных отношениях с нашим покойным пограничным псом.

– Уважаемая Ирина Игоревна, – сказал Беккер. – Я даже не рискую предположить...

– И правильно делаете, – ответила Ведьма с достоинством. – Но я, в общем-то, уже все поняла. Думаю и вы, Беккер, тоже. А эти обалдуи – вряд ли, они до сих пор считают Романа маленьким мальчиком, которого они пригрили и воспитали.

Честно говоря, это поразило меня больше, чем признание Кальки. От Гали, с ее недоверием к мужчинам, я легко мог ожидать чего-то подобного. А вот от Романа... ну он же ребенок...

Я уставился на парня.

Ну да, ребенок... Почти с меня ростом. Усы пробиваются. Скоро пятнадцать лет человеку.

– Рома, а ну-ка отвечай, – сказал Старик. – У тебя что-то было с Эйжел?

Пацан стремительно покраснел.

– Ну? – повторил Старик.

– Секс у меня с ней был! – отчаянно сказал он. – А что? Вы сами все с ней спали, даже Калька! А я что, маленький? Она у меня даже не первая, между прочим! Вот!

– Молодежь... – задумчиво сказал Ашот.

– При том количестве публичных домов, которые есть в Антарии, тут нечему удивляться, – сказал Старик. – И это вообще не наше дело. Роман, ты водил Эйжел в наш мир?

Роман затравленно посмотрел на Старика. Потом на Беккера. Полковник дружелюбно кивал.

– Водил, – сказал Роман. – Ей спрятать надо было кое-что. Деньги... она сказала. Ну, для своего клана. Я знаю, где она спрятала, я ей сам место показал!

– Юноша, – сказал Беккер уже без улыбки. – Я не знаю, чему больше удивляться – вашей глупости или удачливостью. То, что вы сейчас живы, – не ваша заслуга, а недоработка Эйжел. Возможно, ваш юный возраст и щенячья влюбленность пробудили в ней какую-то сентиментальность...

Портал, который ты можешь сейчас открыть, находится далеко от груза Эйжел?

– Нет, – Роман замотал головой. – Минут пять идти. Это в подвале детдома, туда ходить нельзя, но я знаю один ход, я там еще оружие прячу...

– Поллен, вызывайте группу зачистки, – сказал Беккер. – И пошлите кого-нибудь на Землю, пусть свяжутся с оцеплением детдома, а то перестреляют нас с перепугу... Все, кроме парня, свободны, вас проводят в камеры.

Никто даже не шевельнулся.

– Беккер, то, что Эйжел запудрила мозги мальчишке – не криминал, – сказала Ведьма. – Что с ним будет?

– А что с вами будет, вам не интересно? – спросил Беккер.

– Интересно, – Ведьма осталась непреклонной. – Но вначале про Рому. Беккер вздохнул.

– Мы не большие злодеи, чем Эйжел. Если мальчик не врет и мы найдем оставленную Эйжел бомбу – с вами всеми ничего не случится. Получите... кто взыскание и медаль, а кто просто медаль. Желающие могут перейти на работу в Штаб Корпуса. Переславского и вас, Ирина Игоревна, я готов взять хоть сейчас. Остальных... надо подумать. Или можете вернуться на свою синекуру, щипать контрабандистов и играть в пограничников... подписав обязательство о неразглашении, конечно...

Ведьма подозрительно смотрела на Беккера.

– Если вас не устраивает такой вариант, – продолжил Беккер, – то мы можем вас всех расстрелять, тела сжечь в печке и пепел развеять над морем. Выбирайте.

Ведьма встала. Погрозила Роману пальцем.

– Не глупи, мальчик. Делай все, что говорит господин Беккер.

Мы вереницей вышли в коридор, где нас поджидали охранники. Стояли те расслабленно, видимо, нас правда не держали уже за врагов.

– Ну Ромка... – пробормотал Скрипач.

– Завидно? – ехидно спросила Ведьма.

– Эйжел – сволочь! – внезапно сказала Калька с нескрываемой яростью. – Таких надо... химически кастрировать.

– Ее кастрировали путем динамита, – цинично ответила Ведьма. – Вполне рабочий метод.

«Конечно, если Эйжел была среди тех кровавых ошметков и черных локутов, налипших на стены подвала», – подумал я.

Но вслух ничего не сказал.

Глава 21

К заставе я вышел уже глубокой ночью.

Глупостью было даже портал открывать посреди ночи. Ну куда спешить? Не аэропорт же, в конце концов, двери между мирами мы открываем сами, расписания нет. Но я промаялся до часа ночи, потом плюнул, в три минуты собрался, пошел в душ и еще через минуту, как всегда спиной вперед, протиснулся через портал.

В одном повезло – седьмая точка выброса была совсем недалеко от заставы, меньше десяти километров. Я обтерся захваченным с собой полотенцем, оделся, сориентировался по звездам и зареву над Антарией (большой город, что ни говори) и потопал в направлении заставы. Пересек железку, ругая себя за глупость поднялся на холм, к мрачному и темному зданию заставы. Фонарь у ворот не горел. Я толкнул створку – нет, заперто. Уже интересно, уходя с заставы (как тогда думалось – навсегда), мы с ребятами ворота только прикрыли... Я пошарил рукой в привычном месте справа от ворот – но веревки там не оказалось. Поднял глаза – не было и колокола.

Ну что за народ! Хуже наших сельских алкашей, ей-Богу! У пограничников колокол сперли!

– Есть кто дома? – громко крикнул я. Снял с плеча «Тигр», дослал патрон. Верный АК остался в Марине – в водовороте событий я банально забыл потребовать его обратно. Пришлось довольствоваться тем, что есть...

Пальнуть в воздух, что ли?

Если на заставу забрались местные воришки – обделаются со страха и дадут деру... Впрочем, могут испугаться и настолько, что начнут отстреливаться...

Ворота заскрипели, открываясь.

– Ведьма, – сказал я.

– Ударник, – сказала удовлетворенно старуха. – Я верила, что ты вернешься. Ну проходи, что встал...

На заставе особого беспорядка не наблюдалось, видимо, воры все-таки побоялись лезть внутрь, ограничились колоколом. Зато имелся новый жилец – изрядных размеров песик, при моем появлении жизнерадостно замотавший хвостом.

– Это еще что? – спросил я, приседая. Пес радостно и как-то

дурашливо кинулся навстречу.

– Дивный. Щеночка я привезла.

– Дивный? Ну что за имя для пса... – сказал я. – Щеночек?

– Ты, Ударник, в собаках понимаешь немного, – ехидно сказала Ведьма.

– А что в них понимать-то... Это кавказец?

– Он самый, – Ведьма вдруг хихикнула. – Впрочем, в свете современной национальной политики будем называть его «уроженцем Кавказа».

– Нас самих-то не порвет на тряпочки? – озабоченно спросил я, сбрасывая рюкзак и садясь в кресло. – Серьезные ведь псы...

– Воспитаем, – отмахнулась Ведьма и посерьезнела. – Я тут уже третий день. Как вернулась домой – в ванне вымылась, в церковь сходила, свечку поставила, в магазине продуктов прикупила – и сюда. Думала, тут уже все...

Я кивнул. У меня тоже первым позывом после возвращения было немедленно отправиться назад в Центр. Но я удержался. Стал проверять квартиру. Все было чисто и аккуратно, никаких следов обыска и засады... вот только в холодильнике я обнаружил свежий батон, кусок колбасы и упаковку яиц с трогательной запиской: «Братан, мы тут твои харчи чуть подъели, вот тебе на завтрак маленько. P.S. Рыбок мы покормили, красивые!»

Очень вежливая засада меня караулила, пока я гулял по Центру.

Понимая всю глупость своих действий, я все же перемыл всю квартиру, потом купил новые личинки к замкам и лично их поменял. А после этого первый запал куда-то пропал, я извлек из бара бутылку коньяка, сел перед телевизором, включив канал «Фокс» с его бесконечными сериалами, и быстро, сноровисто напился. В одиночку. Несколько раз брался за трубку – позвонить друзьям или подругам, может, кто еще меня помнит... Но так и не позвонил.

Собственно говоря, этим я и занимался двое суток – сном и пьянством перед телевизором.

А потом отправился в Центр.

– Именно нас с тобой Беккер звал на работу в штаб, – сказал я. – А похоже на то, что мы единственные, кто не захотел карьерного роста.

– Работала я уже в одной спецслужбе, – мрачно сказала Ведьма. – Не в моем возрасте присягать новой. И вообще – в Марине порталы открываются только из Шанхая, Эквадора и Баварии. К китайцам я не хочу, к немцам тоже, а Эквадор слишком далеко. Жила всю жизнь в Москве – там

и помру... или здесь, в Клондале.

Она, не спрашивая, принесла бутылку местного виски, кувшин с водой, стаканы. Мы налили по чуть-чуть. Пограничный пес Дивный зевнул и улегся у ног Ведьмы.

– Странно все, Ирина Игоревна...

– Брось, Ударник. Ведьма – я и есть Ведьма.

– Странно, Ведьма, – сказал я. – Не стыкуется у меня кое-что.

– Ну? – заинтересовалась она.

– Во-первых – мы. Почему свет клином сошелся на нашей заставе? Неужели нельзя было завести контакты на другой и протащить детонатор там? Поближе к точке, откуда лезут агенты Очага? Даже если у них мало полевых агентов в Центруме, что само по себе странно, точку для проникновения можно было выбрать поудобнее.

– Похоже, у них и впрямь мало агентов, – предположила Ведьма. – Или адаптироваться в Центруме им сложно. И наша застава чем-то важна... Вдруг бомбу можно заложить только в районе Москвы? Может, это зависит от долготы-широты или от напряжения магнитных полей?

– Допустим, – кивнул я. – Во-вторых, сам Очаг. Неужели у них нет выходов в Центрум поблизости от нашей заставы? Из разных точек нашей Земли можно попасть в какие угодно районы Центрума. А у них что не так?

– Согласна, – кивнула Ведьма. – А в-третьих?

– Бомба и детонатор. Они забросили бомбу через нашу заставу. А потом вынуждены были к ней же тащить детонатор. Причем даже когда агента схватили, даже когда повязали нас, а наши дома на Земле попали под наблюдение – все равно их планы не изменились! И этот несчастный детонатор. Должны они были понять, что пограничники первым делом его приведут в негодность, а вторым – примутся ловить на него, как на живца! Но Эйжел провернула дикую по сложности комбинацию, рисковала с нами жизнью при переправе через Разлом, разрушила свою легенду... все ради того, чтобы попытаться детонатор вернуть! Как это понимать?

Ведьма протянула стакан, мы чокнулись и выпили.

– Это надо понимать, дорогой Ударник, как дикую нехватку ресурсов, – сказала Ведьма. – Как человеческих, так и технических. Чудеса техники, немыслимые устройства, которые сотню лет назад опережали нас нынешних... И при этом потеря одного-единственного устройства – катастрофа!

– Согласен, – сказал я. – И знаешь, что я думаю? Это не Очаг воюет с нами. Не целая цивилизация. А какая-то маленькая группа маргиналов в ней! Остальные, быть может, даже не подозревают о происходящем, о

Центруме, о Земле, о пластиковой чуме... Живут себе... может, к звездам летают... Но какая-то крошечная часть их общества, освоившая перемещение в Центр, взяла на себя функцию – вершить судьбами миров. Расправились с Центрумом, теперь мы на очереди... Но поведать об этом всей своей планете они боятся. Их, может, за это казнят немедленно. Вот они и делают свои бомбы потихоньку, на коленке...

– Хорошая версия, – сказала Ведьма, подумав. – Только она какая-то очень человеколюбивая. Очаг получается хороший, просто в нем группа сволочей завелась... плохо верю я в такие ситуации... Но хорошая версия. Рабочая.

Мы помолчали, глядя в камин, где потрескивали поленья.

– Если больше никто не придет, – сказала Ведьма, – тяжело будет. Из меня пограничник аховый, мне только на заставе сидеть. Будешь искать новых, рекрутировать. Может, кого-нибудь из Антарии взять?

– А то, – согласился я. – Не ровен час нагрянут снова...

– Ты не веришь, что Эйжел мертва, – спокойно сказала Ведьма.

– Не верю. Она не полезла бы первой в камеру. Пустила бы своих боевиков.

– Я ровно того же мнения, – сказала Ведьма.

И в этот момент снаружи донесся хлопок выстрела. Потом приглушенный крик. Не тревожный, скорее возмущенный.

– Калька, – безошибочно определила Ведьма и улыбнулась. – Иди, открывай.

Это была не только Калька. Девушка пришла вместе с Дедом. Парень насуплено посмотрел на меня и пробормотал что-то, напоминающее приветствие.

– Ударник, даже не смей над ним издеваться, – сказала Калька.

– Да я и не думал, – ответил я, пропуская их за ограду.

– Вот чтобы никаких шуточек насчет возраста Романа, происхождения Эйжел, их отношений... – продолжала настаивать Калька.

Я захохотал. Дед отчаянно завопил:

– Ну хватит тебе, Галя! Ты же сама...

– В общем – чтобы никаких разговоров на эти темы... – закончила Калька. Но, похоже, смутилась.

– Слушай, нам всем это пофиг, – сказал я. – Уймись. У меня в пятнадцать лет тоже был роман, как у Романа... извини за плохой каламбур.

– А она тоже была старше? – с любопытством спросил Роман.

– Да. Ей было пятнадцать с половиной. Я играл в школьном ансамбле, а она там пела... Все, замяли.

Уточнять, что наш роман заключался в нескольких поцелуях, после чего девочка прагматично переключилась с прыщавого ударника на смазливового лидер-гитариста, я не стал.

– Вы по пути встретились? – уточнил я.

– Нет, я к Роме приехала, – сказала Калька. – Я поняла, что сама вернуться не решусь, и он тоже будет комплексовать... Я вообще решила его... под опеку взять.

Последние слова она произнесла уже входя, и Ведьма расхохоталась.

– Ты сама чуть старше. Кто тебе позволит?

– Беккер обещал помочь, – гордо ответила Калька. – Чтобы я за ним присматривала.

– Ох уж присмотр... – покачала головой Ведьма. – Ну лучше ты, чем...

Она благоразумно не закончила, а Калька столь же благоразумно сделала вид, что ничего не слышала. Ромка же точно ничего не слышал – он уже сидел на полу, знакомясь с Дивным и, похоже, пребывая в полном мальчишеском восторге, где не было места ни Кальке, ни Эйжел.

Еще через час на заставу пришел Иван Иванович.

Еще через два – Скрипач. Впрочем, я уже засыпал и только сквозь сон слышал снизу радостные возгласы, перемежавшиеся басовитым тьявканьем. Мужики затеяли вполне ожидаемую пьянку, а мне уже не хотелось.

Старик пришел к завтраку – когда все поднялись, Ведьма варила на завтрак кашу (ее вкусы разделяла только Калька, да и то за компанию), а Скрипач – здоровенную яичницу с помидорами. Яйца и помидоры он предусмотрительно захватил с Земли.

Был Старик на удивление задумчив, ел без аппетита, Ромку хотел было потрепать по голове – но вдруг остановился и просто пожал руку. Ведьму чмокнул в щеку, а Кальку неожиданно приобнял и тут же отстранился.

Все примолкли. Даже Дивный, кормящийся у ног Ромки кусочками колбасы (несмотря на строгие требования Ведьмы не кормить пса со стола), перестал жевать и приподнял морду. Было понятно, что назревает разговор. Сразу после завтрака, когда настороженная Калька налила всем чай (такое тоже случалось нечасто, обычно она кухонными делами манкировала), Старик постучал ложечкой по чашке.

– Прошу внимания, друзья, – сказал он. – Вы все, не сговариваясь, собрались в один и тот же момент. Значит, все правильно, значит, вы остаетесь одним отрядом... И этому отряду нужен командир.

– Саша, не дури, – сказала Ведьма. – Ты наш командир. Нам другого не надо.

– Ира, оставь... – Старик отмахнулся. – Командир из меня вышел хреновый. К нашей заставе присосался враг. Я этого не понял. Более того, – он усмехнулся, – на старости лет еще и сам с ней амуры крутил... Счел обычной нимфоманкой, все прошляпил... И когда нас служба безопасности повязала – ничего сделать не смог. Только рот разевал да права качал... Нет, мальчишки-девочки. Пора давать дорогу молодым. Решайте... я бы посоветовал вам выбрать старшим Ударника или Кальку. Это уже ваше решение, но я выступаю за молодежь.

– Если за молодежь, то надо Романа в командиры, – едко сказала Ведьма. – Саша, прекрати! Ну как ты это представляешь? Ты будешь обычным пограничником, а Калька тобой командовать? У нее язык не повернется тебе приказы отдавать.

– Может быть, – согласился Старик. – Поэтому я уйду. У меня ведь дочь в Мюнхене живет, она за немца замуж вышла... я внуков два года не видел. Давно зовет к ним переехать. У немцев медицина хорошая, внуки рядом... что еще надо человеку, чтобы достойно встретить старость?

– Мюнхен, говоришь? – Ведьма прищурилась. – Порталы в Марине?

– Да, – Старик кивнул. – Я там с Полленом пообщался. У них же огромный комплекс, свои мастерские есть, производство небольшое. По степям с автоматом бегать мне уже тяжело. А вот по специальности поработать – с удовольствием. Зовут начальником токарного цеха...

Он вдруг запустил руку в нагрудный карман рубашки и достал маленькие складные очки. Разложил их и надел.

И вот это было ударом.

В очках наш доблестный Старик внезапно и впрямь стал стариком. Крепким, но уже совсем-совсем не боевым.

– Надо вовремя уходить, – сказал он. – Ребята, я всех вас люблю, мне с вами хорошо. Но пора менять образ жизни.

Мне вдруг стало ясно, что никто его уже не переубедит. Да и не надо этого делать...

Похоже, это поняли сразу все.

– Нам будет тебя не хватать, – медленно сказала Ведьма. – Очень. Говоришь – Калька?

– Калька или Ударник, – сказал Старик.

– Я – пас, – быстро сказала девушка. – Я не командир. И на мне взыскание висит, за убийство неустановленного нарушителя без предупредительного выстрела в воздух и попытки задержания. Штаб мое назначение зарубит, и правильно сделает. Я лучше за Ромкой буду приглядывать. Иван будет хорошим командиром.

– Значит, так тому и быть, – спокойно ответил Старик. Похоже, он именно такого ответа и ждал. – Ашот, Петр Петрович, вы не против?

– Все-таки лучше зовите меня Иван Ивановичем, – сказал Хмель, – я привык. Нет, не против. Ударник справится.

– Самоотвод, – быстро сказал я. – Я с Эйжел два года встречался...

– Если по этому критерию, – фыркнула Ведьма, – так только я ничем себя не запятнала. Нет, Ударник. Не отмазывайся. Голосуем, ребята?

Я смотрел на поднятые руки. Вздыхнул и спросил:

– А если не справлюсь?

– Сместим и выберем Кальку, – сказала Ведьма. – Делов-то. Ну, какие будут первые приказания?

– Рома, принеси карту, – велел я.

Старик удивленно приподнял брови. Ромка сбегал за картой, расстелил ее на столе.

– У нас безобразно налажена патрульная служба, – сказал я. – Вот наши маршруты... на половину из них мы выходим раза два в год, остальные прекрасно известны контрабандистам. Места-то у нас тихие, но сюда ведут порталы из Москвы, это огромный мегаполис, авантюристов и случайных проводников хватает. И Клондал рядом – а он для этого мира, что Лондон или Нью-Йорк для нашего. Я уверен, что на самом деле у нас под носом налажены караванные тропы, по которым контрабанду тащат вагонами. Это надо прекращать.

Старик крякнул и сказал:

– Легко говорить – «прекращать», но нас-то тут всего семь человек, это если со мной...

Дивный гавкнул.

– Семь и собака, – вежливо поправился Старик. – Нет, ты не подумай, что я качаю права и пользуюсь авторитетом, но нет же достаточного количества людей... Большинство предпочитает идти в контрабандисты, наша пограничная романтика их не прельщает.

– Есть местные, – сказал я. – Нормальные ребята. Ну не умеют они порталы открывать – и что? Свой мир любят, Очаг ненавидят. Вполне справятся. А чтобы не набралось взяточников – мы проследим. Сделаем строгий отсев, ритуалы всякие – развод караула, выдача боевого задания на день, чтение присяги и подъем флага по утрам, это дисциплинирует... Кстати, Ирина Игоревна, где флаг? Почему застава стоит без флага, будто прыщ на холме?

Ведьма смотрела на меня широко открытыми глазами. Потом сказала:

– Я сейчас принесу.

– Не принесите, а поднимите, Ирина Игоревна, – попросил я. Или уже не попросил, а приказал? – И давайте забудем о наших дурацких прозвищах. У нас есть Роман, а не Дед. Ашот, а не Скрипач. Петр Петрович, а не Иван Иванович.

– Командир, разрешите быть Хмелем? – Петр Петрович поднял руку, будто школьник. – Я привык, меня с детства так зовут, с первого класса.

– Разрешаю, – сказал я, подумав. – В порядке исключения и потому что это настоящая фамилия. Меня зовут Иван Антонович Переславский, как вы должны помнить. Все эти прозвища не имеют никакого смысла, мы знаем наши настоящие имена.

Ведьма со свернутым флагом в руках уже выходила во двор. Я окликнул ее:

– Ирина Игоревна, и осмотрите местность, пожалуйста. Хотя нет, Роман, ты помоложе, поднимись на вышку и проверь окрестности... Ашот, Хмель, смотрите сюда. Если мы отправим два патруля по восьмому и четырнадцатому маршруту, мы перекроем несколько направлений, которые традиционно не контролируются. Там очень хорошая местность для обзора, любого нарушителя увидите издалека. Не задержим, так спугнем... Александр Валерьевич, я понимаю ваше желание увидеть дочь и внуков, а также заняться любимой работой в Марине, но у меня к вам будет просьба – задержитесь на несколько дней. Вы были здесь дольше всех нас. У вас прекрасные связи в Антарии. Может быть, Гольм посоветует людей, которых мы могли бы привлечь к работе в качестве стажеров? Для начала – двух-трех человек.

– Он как-то сам предлагал, – признался Бобриков. – У него племянник закончил военное училище, но в действующие части не попал, болтается в городе на половинном содержании, Гольм беспокоится, что юноша начнет вести беспутный образ жизни...

– Прекрасно, – сказал я. – Рекомендации Гольма я доверяю. – Подберите с ним еще пару молодых и крепких ребят.

Бобриков долго и внимательно смотрел на меня. Потом вздохнул:

– Неужели я так на тебя давил?

– О чем ты? – растерялся я, невольно переходя обратно на «ты».

– Тебя словно включили, – сказал Бобриков. – Ты начал нормально... нет, не нормально, а хорошо работать. Стал пограничником, а не играешь в него.

Я подумал и покачал головой.

– Нет, Александр Валерьевич, не беспокойтесь. Дело не в вас. Надо было пережить все, что случилось, чтобы измениться.

– Наверное, это всем нам было нужно, – согласился Бобриков. – Что ж... я оставлю заставу в надежных руках. Хотя что-то здесь я сделаю правильно!

И в этот момент дверь хлопнула и в казарму ворвался Ромка.

– Ударник... Иван Антонович! – выдохнул он. Лицо у него было красным, будто в кипятки окунули. – Там идут к нам. Люди. Много. Со всех сторон...

– Какие еще люди? – не понял я.

– Не знаю, – Ромка замотал головой. – Далеко пока. Но, кажется, с оружием. Человек пятьдесят, не меньше... Я за биноклем!

И он рванулся вверх по лестнице.

– У меня с собой! – остановил его Ашот и кинулся к дверям.

Мы с Бобриковым посмотрели друг на друга.

– Кажется, я вовремя передал командование, – сказал Бобриков. – Но не в лучший для тебя момент.

Глава 22

Нет, я не удивился. Я был уверен, нет – я это знал.

Некоторые говорят, что так чувствуют друг друга близнецы. Более сентиментальные люди уверяют, что так чувствуют детей матери.

А я и без всяких родственных связей знал, что Эйжел – жива.

Она подошла к воротам, держа в руке тонкий прутик. Рядом с нами деревьев нет, так что прутик был где-то срезан заранее. На конце прутика трепетал на ветру белый флажок. Именно флажок, не второпях оторванная тряпка или клочок бумаги. Эйжел всегда была очень предусмотрительной.

– Привьет, Ударник! – весело сказала она. – Рьада тебя видьеть!

– Эйжел, говори нормально, – попросил я. Я стоял перед воротами, пускать Эйжел внутрь мне хотелось не больше, чем капитану Смоллетту – впускать в форт Джона Сильвера.

– Тебе же всегда нравилось, – она улыбнулась. – Ну как хочешь.

– А где твоё сексапильное черное трико? – спросил я. Эйжел была в брюках и просторной, мужского стиля рубашке.

– Разложилось, – Эйжел развела руками. – Высокомолекулярные соединения в Центруме долго не живут, сам понимаешь. Только для коротких акций. Очень неудобно.

– Так не надо было травить этот мир, – сказал я.

С лица Эйжел мгновенно исчезла улыбка.

– Ты ничего не понимаешь, Ударник.

– А ты объясни.

Секунду мне казалось, что она и впрямь заговорит. И скажет что-то такое, что перевернет все с ног на голову или наоборот – с головы на ноги, и все станет понятным и логичным.

Но она ничего не сказала. Вздохнула и попросила:

– Позови Старика, Ударник. Я буду говорить с вашим командиром.

– Я за него.

– Что, Старик так и не вернулся в Центр? – удивилась Эйжел.

– Вернулся. Но ты же хотела говорить с командиром.

– А, вот оно что... – Эйжел пожала плечами. – Поздравляю с карьерным ростом!

– Я внимательно тебя слушаю.

– Нас шестьдесят пять человек, – сказала Эйжел. – Все – опытные бойцы. Наши, с гор, и местные наемники... Неважно, воевать все умеют.

Вас – максимум семь человек.

– Мы в укрытии, – напомнил я.

– Это не крепость, – поморщилась Эйжел. – Это каменный дом в два этажа, но с деревянной крышей и широкими окнами. Обнесенный деревянным забором. Я много раз у вас бывала, могу начертить хорошую схему. Собственно говоря, я уже начертила несколько и раздала бойцам.

К сожалению, Эйжел была совершенно права. Нормальная пограничная застава, даже на Земле, не предназначена для того, чтобы вести длительный бой с превосходящими силами противника. Что говорить о здании нашей заставы – это было не более чем жилище и склад.

– Я тебя услышал, – сказал я. По своему опыту знаю, как бесит эта замечательная фраза, придуманная каким-то тупым специалистом по общению. – Что дальше?

– Ударник, уходите, – сказала Эйжел. – У вас есть кто-нибудь, легко открывающий порталы? Старик, Дед, Скрипач... Впрочем, неважно. Если хотите – можете уйти в Антарию. Мы не станем препятствовать, даю слово.

– Интересно, – сказал я. – Даже очень.

Эйжел поморщилась.

– Не забивай себе голову лишними мыслями. Просто уходите. Я не хочу, чтобы вы все погибли.

– Мне нужно время, – сказал я. – Обсудить с товарищами, выработать условия...

– Ударник, ты не дурак, поэтому я не могу дать вам много времени, – сказала Эйжел. – Десять минут. Если уходите – спустите флаг. Через десять минут мы начнем штурм.

– Как ты привлекла к этому кланы, Эйжел? – спросил я. – Ты же никакая не женщина клана Тай-Клёус. Ты с Очага.

– Настоящая Эйжел погибла, – сказала Эйжел. – Я ее заменила – и хорошо. Бойцы не против. Это ведь просто бизнес, понимаешь? Они продают свои стволы. А я заплатила хорошую цену.

– Мы можем заплатить больше, – вкрадчиво сказал я.

– Нет, Ударник. Когда деньги взяты, назад дороги нет. Бойцы их отработают. Потом можешь попробовать нанять их для охоты на меня, – она усмехнулась. – Но для этого тебе надо выжить. Уходите, Ударник. Один к десяти – это нехороший расклад, даже для обороны.

– Мы подумаем, – повторил я.

– Десять минут, – напомнила Эйжел. Повернулась и пошла вниз с холма, помахивая прутиком с белым флажком.

– Эй... – окликнул я. – А ты не боишься, что я выстрелю тебе в спину?

– Нет! – отозвалась она, не оборачиваясь. – Я вас слишком хорошо знаю! Всех вас!

К сожалению, она была права.

Если бы во время схватки в штабе она хоть кого-то убила... да пусть бы даже неприятного мне Поллена, тогда бы я не колебался. Но этот подчеркнуто мирный, броня против пуль, штурм лишал меня морального права стрелять в спину парламентаря. До того момента, пока она не возьмет в руки оружие – я не мог этого сделать.

И никто из наших, включая Ашота, дежурившего сейчас на вышке со снайперской винтовкой, тоже не сможет.

Я закрыл дверь. Задвинул засов. Посмотрел на заставу – свою заставу. На пограничников, стоящих рядом, наверное, самых нелепых пограничников всех миров во Вселенной.

– Слышали? – спросил я.

– Большей частью, – кивнула Ведьма.

– Им надо, чтобы мы ушли, – сказал я. – Знаете, я не гордый и ради принципа умирать не собираюсь, мы не в Брестской крепости, а на дворе не сорок первый год, но...

– Застава сама по себе ничего не значит, – Ведьма пожала плечами. – Значит, есть что-то на заставе, что им нужно. Что-то спрятанное. Ребята... а ну-ка напрягите память. Эйжел здесь бывала десятки раз. Она что-нибудь оставляла на хранение?

Увы, ответа не было.

– Она могла спрятать что угодно и где угодно, – сказал я. – Но я уверен, речь идет о наших старых знакомых – бомбе или детонаторе. Детонатор, в сложенном виде, размером с крупную книгу. С очень крупную. А бомба... Роман?

– Это рюкзак был, – сказал Ромка. – Я не знаю, что внутри, и мне не показали... Рюкзак, не очень большой, но вроде как тяжелый.

– Роман, Ирина Игоревна, Галина – ищите, – сказал я. – Ирина Игоревна за старшую. Ищите везде. Речь о небольшом предмете, но это все-таки не иголка. На складе, в угольном погребе, в казарме... все переройте! Ашот! Слезай с вышки, ты там как на ладони! Александр, Хмель... как будем обороняться? Нас четверо, ваши предложения?

– Я тоже умею стрелять! – дернулась Галя.

– Мы все умеем, – сказал я. – Но кто-то все равно должен искать, и это будут женщины и дети, ясно?

– Ты сексист, – сказала Галя. Вроде бы в шутку, но с обидой.

– Несомненно, – подтвердил я. – Если есть выбор, кому лезть под

пули, то это будут мужики... Не трать время, его мало!

– Галя – сарай, – сказала Ведьма. – Ромка – угольный погреб, потом в дом, мне на помощь.

Больше она ничего говорить не стала, заторопилась к дому.

Только когда женщины и Ромка ушли, Бобриков заговорил:

– Иван, у нас никаких шансов. Нас положат за пять минут. В лучшем случае – за полчаса.

– Я сяду на вышке и буду их щелкать одного за другим, – возразил Ашот.

– Тебя оттуда снимут через минуту, – Бобриков покачал головой. – Ты сам в бинокль смотрел – есть там люди с винтовками?

Ашот молчал.

– Хотя при таком количестве стволов и автоматного огня хватит, – добавил Бобриков. – Даже не вздумай снова туда лезть! Когда через десять минут мы не спустим флаг, а мы его не спустим, даже если будем уходить, они начнут атаку. И первым делом застрелят того, кто будет на вышке.

– Были бы в заборе бойницы... – вздохнул Хмель.

– И по ним открыли бы огонь, и застрелили бы всех, – жестко сказал Старик. – Я не уверен, что забор выдержит автоматный огонь. Вблизи – точно не выдержит, это же обычные доски, хоть и толстые...

– Хорошо, – сказал я. – Забор не обороняем. Держим оборону в доме. Стреляем по всем, кто пытается перелезть, держим под прицелом ворота. Я полагаю, полчаса мы точно сможем продержаться. Может быть – час. Женщины и Ромка тем временем ищут...

– Значит, они ищут только в доме, – заметил Хмель.

Мы даже не стали больше ничего говорить. Кинулись в разные стороны по двору. Хмель принялся разваливать поленницу дров, Бобриков бросился в сарай (Ромка пока еще не показался из угольного погреба), Ашот, ругаясь почему зря, направился к сортиру. Судя по тому, что по пути он взял стоящую у поленницы длинную жердь – Ашот собирался шуровать ей в яме, и я мысленно отметил его героизм.

Ну а я быстрым шагом двинулся по двору, глядя под ноги. Шансов заметить какие-то следы, даже если Эйжел зарыла свой груз, на хоженном-перехоженном дворе были невелики. Но надо же было что-то делать...

Минут через семь-восемь мы все собрались у дверей в казарму. Ромка был черным как негр и, видимо осознавая это, все время белозубо скалился. Хмель развел руками, Ашот мрачно кивнул.

– В дом, – решил я. – Найдём или нет – неважно, но попробуем. Да и дадим прикурить гадам.

– Какие же они гады, – рассудительно сказал Хмель. – Люди делают свою работу. Уверен, они будут рады, если мы уйдем и стрелять не придется.

– Сумеешь быстро открыть портал, если что? – спросил я.

Хмель кивнул.

– И я сумею, в любой момент, – сказал Ашот. – Поверь, напуган сильнее, чем в Разломе.

Я запер за нами дверь. Посмотрел на часы – через минуту Эйжел ожидает спуска флага. Или уже не ожидает, но ждет – я не сомневался, что лукавить и начинать штурм раньше она не станет. Спросил:

– Что по оружию? У меня только «Тигр». Я забыл АК в Марине.

– «Фал», – пожал плечами Хмель и взял автомат со стеллажа у входа.

Саркисян молча дернул плечом с ремингтоном. Я только сейчас сообразил, что он полез на вышку, прикрывать меня, с гладкостволкой. И что он собирался делать, если потребовалось бы стрелять?

Впрочем, указывать ему на совершенную глупость уже не было времени.

– Пистолеты? – спросил я.

Оба кивнули.

– У меня только «Тигр», – повторил я... – Ромка?

– Мне тоже оружие не вернули, – сказал мальчишка. – Я возьму в арсенале?

«В арсенале»! Звучало это громко, но «арсеналом» служила крохотная каморка с навешенным на дверь цифровым замком типа «замочек велосипедный, успокоительный». Наш «арсенал» даже не стали вскрывать, когда захватили ползастаны в плен, видимо, глянули в щелястую дверь, попадали на пол от смеха и решили не заморачиваться ерундой. Хранились в арсенале патроны разного калибра (не слишком много), сломанный автомат Калашникова производства шестидесятых годов прошлого века (многие думают, что калашников нельзя сломать – так вот, это близко к правде, но кто-то умудрился согнуть затворную раму), три или четыре гладкоствольных охотничьих ружья и древний немецкий вальтер, явно выкопанный «черными следопытами». Из вальтера этого я рискнул бы разве что застрелиться – ствол был такой проржавевший, что мог разорваться при первом же выстреле. Был, правда, еще десяток гранат – тоже сомнительной свежести...

– Возьми себе ружье, – сказал я Ромке. – И гранаты все тащи! Код замка...

– Да знаю я код! – отмахнулся Ромка, бросаясь к «арсеналу». Открыл

дверь, заглянул внутрь. Крикнул: – А пулемет можно?

– Какой еще пулемет? – удивился я.

– Максим! – ответил Ромка с тем же энтузиазмом, с которым произносили это слово его сверстники сто лет назад.

– Откуда у нас максим? – растерялся я.

– Я притащил, перед тем как нас повязали, – ответил Бобриков, помогая Ромке выкатить пулемет. Мать моя родная, да это же и впрямь был максим, а не центрумский аналог (а если уж быть совсем честными – центрумский оригинал)! Настоящий максим! На колесном лафете! – Давно хотел его в Центрум притащить, да боялся – засмеют. Нормальный пулемет, я его официально купил в девяностых годах. Как макет оружия, к стрельбе непригодный... только я хороший токарь, знаешь ли.

– Зачем ты его купил? – спросил Хмель с искренним любопытством.

– Да хотел как-нибудь седьмого ноября выкатить на Красную Площадь и устроить гадам последний парад, – уклончиво сказал Бобриков. – Но не сложилось, научился в Центрум ходить... Ромка, тащи полведра воды и цинки с патронами из кладовки...

– Они какие, цинки? – спросил Ромка, забравшись в «арсенал». – Деревянные?

– Цинковые, дубина! – ответил Бобриков. – Ребята, а кто-то за периметром следит?

Я встряхнулся. Десять минут уже давно прошли... хорош из меня командир...

– Ребята, по окнам! Ашот – северная сторона, Хмель – южная, Александр – восточная, напротив ворот... Ромка, ты помогаешь Старику, с максимумом одному не справиться!

– С максимумом, – поправил Старик. – Ударение на первом слоге, Макси́м – не имя, а фамилия.

– Да хоть на третьем, – огрызнулся я, занимая позицию у своего окна и открывая створки. Врагов пока не было, то ли Эйжел решила дать нам чуть больше времени на размышление, то ли они шли в атаку осторожно. – Галя, вы с Ириной продолжаете искать!

– А пострелять? – задорно спросила Галя.

– Когда кого-то из нас убьют – займете его место, – ответил я. – А пока ищите!

Нас не атаковали еще пять минут. Ромка успел залить в пулемет воду и раздать мужчинам по паре гранат. РГД-5 – граната старая, хоть и состоящая до сих пор на вооружении, но эти выпущены были еще в Советском Союзе. Оставалось надеяться, что делали их на совесть, а хранили хорошо.

– Иван, если найдем бомбу – утаскиваем на Землю? – спросил Бобриков, не отрывая взгляда от ворот.

– Ни в коем случае! – отозвался я. – Уничтожаем здесь, на месте. Одну гранату для этого поберегите...

В этот момент и начался штурм. Начался шумно и эффектно – почти одновременно прогремели четыре взрыва. Это были не хлопки гранат, то ли стреляли из гранатометов, то ли под забор заложили взрывчатку. Ворота разнесло в клочья, и Бобриков немедленно выпустил длинную очередь в затянутый дымом проем. Возбужденно взвыл Дивный, заметался по казарме, но ни у кого не было времени успокаивать пса. С моей стороны забор покосился, треснул, но устоял – а вот со стороны Ашота и Хмеля не выдержал, они тоже принялись стрелять. Я скрипнул зубами от злости – хотелось броситься им на помощь, но оставлять свой сектор обороны тоже было нельзя.

– Иван, сдавайся! – донесся из-за стены веселый голос Эйжел. – Не тронем!

Никакой злобы в ее голосе не было. Скорее, она веселилась, будто мы играли на каком-нибудь пейнтбольном полигоне. И я даже не сомневался, что если мы сдадимся – нас не будут бить, нас не расстреляют, а просто отведут в сторону и отпустят на все четыре стороны.

Логичнее всего было бы ответить классическим «Русские не сдаются!» Но я промолчал. И был вознагражден появлением на покосившемся заборе наемника – он собирался лихо перемахнуть забор, но не рассчитал сил, а подвернувшаяся под руки колючая проволока его задержала.

А надо было больше заниматься физкультурой...

Я нажал на спуск. Елозящее на заборе тело вздрогнуло и обвисло, уронив вниз руки. Автомат так и остался у наемника за спиной.

Ой-ей-ей. Вот теперь не факт, что нас отпустят, если мы сдадимся...

– Один есть! – крикнул Хмель.

– Второй есть! – поддержал его Ашот.

– Третий есть, – запоздало отчитался я.

Крепкий забор все-таки сослужил нам хорошую службу. Его проломили в трех местах (может быть, на большее просто не хватило взрывчатки?), но каждый пролом был под огнем, прорываться сквозь пули желающих было немного. Пулеметные очереди из древнего максима вообще стали для нападающих неожиданностью – после первой очереди пулемет молчал, к воротам никто не совался.

Временами в проемы постреливали, но не прицельно, скорее чтобы обозначить огонь, а еще через минуту Ашот застрелил наемника,

высунувшегося слишком медленно или слишком далеко. После этого пальба стихла.

– Иван, пока ничего нет! – крикнула Галя. – Мы все перерыли, если на заставе что-то и спрятано – то не в казарме!

– Ищите! – упрямо велел я. – Пока ведь держимся...

– Иван, похоже, тебя! – окликнул меня Бобриков.

Я кивнул Гале на свое место, она молча заняла его, взяв автомат наизготовку. А сам подошел к Бобрикову.

И впрямь – в дыре на месте ворот мотался из стороны в сторону белый флажок на палочке.

– Слушаю тебя внимательно, Эйжел! – крикнул я.

– Иван, поговорим? – она осторожно выглянула из-за стены.

– Могу срезать ее, – негромко сказал Бобриков. – В принципе могу и через стену, максим пробьет...

– Парламентер же, – ответил я. А погромче крикнул: – Говори! Нам скрывать нечего!

– Иван, давай обойдемся без лишних жертв! – попросила Эйжел. – Вы герои. Вы троих убили, одного ранили. Вы не испугались. Вы молодцы. Вас никто не осудит. Уходите!

– Скажи, где то, что ты спрятала на заставе, – и мы уйдем, – ответил я. Эйжел покачала головой.

– Иван... на что ты надеешься?

– На подмогу! – ответил я. – Ты что, думаешь, нас тут одних оставили? Мы сразу отправили человечка на Землю, там он сделал звонок по телефону, другой человек прошел в Центр, прямо в Марине... Самолеты уже летят сюда, дура! Современные самолеты, с Земли! Они развалятся, но долететь-то успеют! Лучше сама беги... и своих гавриков забирай...

Лицо у Эйжел окаменело.

– Ты блефуешь, Иван!

– Проверь! – крикнул я. – Ты нам давала шанс, ну так и я тебе шанс дал. Теперь квиты.

Эйжел молча шагнула за забор. Через мгновение я увидел брошенный на землю флажок, но сама Эйжел уже не показывалась.

– А почему мы и в самом деле так не поступили? – внезапно спросил Бобриков.

– Кому звонить-то будем?

– Поллен дал мне телефон для связи... – растерянно сказал Бобриков. – Человека в Мюнхене, с которым надо связаться... уж не знаю насчет самолетов, но чем-нибудь, может, и помогут...

– Поздно... – сказал я. – Блин! Теперь поздно... что ж ты сразу не сказал...

Тут и началась настоящая атака.

Глава 23

Вначале бросали гранаты. Но то ли никто толком не умел с ними обращаться, то ли гранаты были «не той системы» – почти все рвались во дворе и никакого вреда нам не причинили. Лишь одна, брошенная очень сильной рукой, залетела в окно второго этажа и жахнула там – к счастью, никого на втором этаже в этот момент не было. И еще одна ухитрилась влететь в крошечное окошечко сортира – после чего взорвалась внутри. Вообще-то ручные гранаты строений не разрушают. Однако сортир у нас был очень незатейливый – он развалился будто карточный домик, выбросив из выгребной ямы фонтан. В воздухе предсказуемо запахло.

Но это были только цветочки. Можно сказать – психическая атака... А вот потом все стало серьезнее.

До наемников дошло, что наш забор, так неудачно вставший у них на пути, хоть и покрепче сортира, но пули держит плохо. В нем просто прострелили кучу отверстий – после чего в отверстия протиснулись стволы и принялись поливать казарму огнем.

Мы, конечно, отвечали. Вот только стрелять приходилось почти наугад – высунуться в окно было невозможно. Жалобно звенели стекла, разлетаясь стеклянной шрапнелью, через полминуты осели перебитые створки окон.

Только со стороны ворот, куда палил из максима Бобриков, атака полностью захлебнулась. Старый пулемет, будто истосковавшись по работе, стучал будто швейная машинка, его пули пробивали забор словно бумагу – и вопли подтверждали, что за забором находились еще и человеческие тела.

Но с трех других сторон все было очень и очень плохо...

– Гранатами! – крикнул я, выдергивая чеку. Гранату мне доводилось бросать всего один раз в жизни, да и то – учебную. Сознание того, что в руках – готовый взорваться кусок взрывчатки изрядно нервировало...

Но граната исправно улетела во двор, кто-то заорал, потом бухнуло, и раздался совсем уж верещащий звук. Пограничный пес Дивный, потрясенный какофонией и этим воплем, сел на пол и завыл.

Закрепляя успех, я бросил вторую гранату, дождался взрыва – и рискнул высунуться. Результат меня порадовал – четыре окровавленных тела, все шевелились, но к бою явно были непригодны. В ту же секунду у меня мимо уха просвистела пуля – я обернулся и увидел, что Хмель, скорчившись под подоконником, торопливо меняет в «Фале» обойму, а прямо за окном стоит, целясь в меня через всю комнату и яростно щерясь,

бородатый немолодой мужик. Я не раздумывал – выстрелил навскидку, почти не целясь и рискуя попасть в Хмеля. Ствол я, впрочем, задрал насколько мог выше – и пуля снесла бородачу верхушку черепа. Зрелище было омерзительное, особенно учитывая, что секунду тот еще стоял, таращась на меня, и только потом рухнул.

– Извини, патроны! – крикнул Хмель, привставая и паля в кого-то.

Нет, этот раунд остался за нами. И будто нас хранил какой-то особый, пограничный ангел, никто даже царапины не получил. А во дворе, когда нападавшие отхлынули, осталось больше десятка тел – некоторые были неподвижны, некоторые стонали и пытались ползти – обратно. Я не удивился, обнаружив, что рядом со мной уже сидит Галя, целясь в кого-то из автомата, а рядом с Хмелем расположилась Ведьма с пистолетом в руках.

– Иван! Александр! – в голосе Эйжел я впервые почувствовал злость. – Перемирие! Позвольте вынести раненых!

– Мы не в «Зарницу» играем! – ответил я. – Можете забрать своих, если после этого уйдете!

Ответом была тишина.

– Иван, пора, – негромко сказал Бобриков. – Слышишь, Иван? У меня патронов – на одну очередь. Я же не ожидал такого... Все, ничего мы не нашли и не найдем...

– И г-г-гранат больше н-н-нет... – поддержал Хмель. Досадливо махнул рукой. – Ч-черт... оп-пять...

Они были правы. Еще один штурм – и у нас кончатся даже патроны. А пощады теперь точно не будет, уж после того, как мы положили два десятка нападавших, – никто нам уйти не позволит...

– Там же еще есть коробка, в арсенале... – запротестовал Роман. Пацан, похоже, страха не испытывал – молодость верит, что бессмертна. Но его никто уже не слушал.

– Ребята, кто откроет портал? – спросил я. – Ашот?

– Да запросто! – сказал он с облегчением. – Сейчас...

Вот тут в казарму и влетела граната. То ли это был их единственный умеющий кидать гранаты боец, тот самый, что зашвырнул одну на второй этаж. То ли им повезло. Граната упала между Бобриковым с Ромкой и Ашотом. Она не кружилась на полу, как это изображают в кино, она не дымила – она просто лежала, дожигая последние секунды своей краткой боевой биографии.

Ашот приподнялся, прыгнул вперед и упал на гранату.

Бухнуло.

Из-под Ашота вырвалась дымно-огненная вспышка и брызнуло красным. Его тело подпрыгнуло, перевернулось и упало навзничь. Я бросился к нему – инстинктивно не привставая, на четвереньках – через окна сейчас могли легко подстрелить...

Живота у Ашота, можно сказать, больше не было. Кровь и дерьмо покрывали все вокруг – смерть редко бывает опрятной.

А самое ужасное было в том, что он еще жил. Поймал мой взгляд и негромко прошептал:

– Я поскользнулся...

– Ашот... – я не знал, что еще тут можно сказать. – Ашот, не умирай... Скрипач!

Он отчаянным усилием улыбнулся:

– Скрипач не нужен...

Собственно говоря, он даже это не договорил, я прочел по губам. Через мгновение его взгляд остановился.

Я повернулся к Бобрикову. Ромка рядом с ним сидел, закрывая лицо руками. То ли его тошнило, то ли он пытался не разрыдаться. Дивный выл, страшно и горько, приносясь к запаху смерти.

– Саша, открывай портал, – сказал я.

Он сделал это так быстро и так красиво, что я испытал неуместную в этот миг зависть. Какие там тридцать секунд – и трех не прошло! Старик встал – вокруг защелкали редкие пули, развел руками, изогнулся в какой-то хитрой китайской позе... И перед ним возникло туманное зеркало.

– Быстро, все уходим! – приказал я.

Первой в портал, пригнувшись, заскочила Ведьма. За ней, подхватив щенка, заскочил Хмель. Старик стоял и держал портал. Ромка рядом с ним схватился за рукоятки максима, выпустил длинную очередь, пулемет прострекотал – и захлебнулся.

– Там же еще патроны есть, в деревянной коробке... – с яростью сказал Ромка, поворачиваясь ко мне.

И тут до меня дошло. Кажется, одновременно со Стариком – он вздрогнул и посмотрел на меня. Я, уже не пригибаясь, бросился к «арсеналу» – и в этот момент в Старика попали. Пуля ударила его куда-то в спину, он дернулся, зашатался, шагнул вперед – и рухнул в свой портал.

Портал, разумеется, закрылся.

Калька палила в окно. Ромка, схватив ремингтон Скрипача, тоже пытался стрелять, но что-то у него не ладилось. Может быть, просто не было уже патронов...

Я ввалился в крошечную кладовку, обвел ее безумным взглядом.

Россыпь охотничьих патронов... сломанный калашников... дряхлый вальтер... Деревянный ящичек размером с большую-пребольшую книгу. Очень аккуратный ящичек, можно сказать – шкатулка. Крышка была сдвинута в пазах, в ящике поблескивали золотистые металлические цилиндрики – и впрямь похожие на гильзы. Ромка же не видел «детонатора»... я его в сложенном состоянии, впрочем, тоже не видел – но ошибиться было невозможно.

– Нашли! – закричал я, а за моей спиной завопил Ромка. Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как молодой парнишка, немногим старше Деда, заламывает ему руку за спину – и тянется к горлу сверкающим лезвием ножа.

Вальтер лег в руку как влитой, немцы умеют делать оружие. Я отстраненно подумал, что лучше бы засунуть ствол в ящик с «детонатором» и пальнуть, но лезвие было уже слишком близко к мальчишеской шее...

Я нажал на спуск. Грохнуло как-то очень сильно... Голова паренька дернулась, в ней появилась аккуратная черная дырочка, и он рухнул прямо на пулемет. А ствол вальтера разорвало, он раскрылся будто металлический цветок, из него шел какой-то едкий, ненормальный дым... Что ж, напоследок нацистский пистолет послужил хорошему делу...

А в казарму уже врывались, один за другим, разъяренные, вооруженные, окровавленные люди...

– Калька, дура безмозглая, сучка бешеная, тварь! – закричал я. Но то ли у меня не было того задора, что всегда был у Ашота, то ли до нее добрались раньше, чем она открыла портал.

Меня ударили прикладом по голове – в тот момент, когда я колотил рукоятью вальтера по трубкам «детонатора». Но эти трубочки, такие хрупкие с виду, упорно не хотели даже сминаться.

В отличие от моей головы, похоже.

Почему-то ничего не болело. В ушах звенело, тело было необыкновенно легким, но боли не было. Удивительно!

Рядом со мной говорили.

– Еще раз повторю – нет.

Это Эйжел...

– Они убили двадцать человек! Ты понимаешь это? Они убили Эгиса и Канго!

– Мне очень жаль.

– Они убили Алреда! Он убил – я сам видел!

– Мне очень жаль твоего брата.
– Он был еще совсем мальчишка!
– Он был наемник, как и ты. Вы получили деньги. Виру за убитых – тоже. Все, мы в расчете.

– Не раньше, чем я его прикончу.

Кажется, речь обо мне...

Что-то щелкнуло. Потом спокойный голос Эйжел произнес:

– Он мне нужен. Еще шаг – и ты встретишься с братом.

– Ты не смеешь нами командовать! Говорят, ты даже не из клана!

– Я та, кто заключил с вами контракт и заплатил деньги. Ваша работа кончена. Проваливайте. Или можете дожидаться, пока сюда явятся их друзья. Ты слышал про самолеты?

– Он врал! – в незнакомом голосе, однако, появилась неуверенность.

– Неизвестно. Ты знаешь, какие у землян самолеты? Они из стали! Бронированные! Прилетят сюда, повиснут, вращая винтом, и начнут стрелять ракетами...

«Это вертолет, дура», – подумал я. Но тут же понял, что в клондальском языке нет слова «вертолет». Так что, может быть, она просто говорила понятными горцу словами.

– Мы еще встретимся, Эйжел.

– Конечно. И тогда ты либо извинишься за свой тон, либо умрешь. Забирайте тела и уходите.

Я дождался, пока звуки шагов и приглушенная ругань стихли, потом открыл глаза.

Оказалось, что я лежу на полу, рядом с обеденным столом. А рядом сидит на корточках, склонив набок голову и с улыбкой заглядывая мне в глаза, Эйжел.

– Как себя чувствуешь? – спросила она.

– Лучше, чем должно было быть, – ответил я. Пошевелился – и понял, что ноги у меня свободны, а вот руки крепко связаны за спиной.

– Это потому, что я сделала тебе укол, – сказала Эйжел. Поправилась: – Даже два укола. От боли и для бодрости. Думаю, ты бы не помер, у тебя оказалась крепкая голова. Но нам надо поговорить.

Я извернулся, осматривая казарму. Увидел тело Ашота. Ни Кальки, ни Деда не было. И пулемет, кстати, исчез – прибрали наемники? Их тоже, кстати, и след простыл – видимо, испугались стальных самолетов...

– Они у тебя за спиной, – сообщила Эйжел. – Живы, не беспокойся. Все живы.

Я сумел повернуться, увидел Галю и Ромку. Они действительно были

живы, но порядком избиты – у Гали заплыли оба глаза, вообще все лицо напоминало синяк, у Ромки на левое ухо была наложена небрежная, уже вся пропитавшаяся кровью повязка. Рты им обоим закрывали кляпы.

– Все живы, говоришь? – спросил я. – И даже Ашот?

– Мне жаль Скрипача, – сказала Эйжел. Как ни странно, я ей верил. Ей действительно было его жаль. – Он погиб как герой. Хороший человек, смелый солдат, настоящий друг.

В этом было какое-то мерзкое кощунство – когда она, которая привела к нам убийц Ашота, говорила о нем правильные слова. Но одновременно я понимал, что Эйжел совершенно искренна. В ней это прекрасно уживалось – так же как нежность и жесткость во время секса...

– Чего ты хочешь, Эйжел? – спросил я. – Забрала свой детонатор? Ну, проваливай...

– Мне надо, чтобы ты открыл портал на Землю, – Эйжел усмехнулась. – Тогда и ты, и твои друзья останетесь живы.

Я засмеялся. Эйжел терпеливо дождалась, пока я замолчал, потом кивнула и продолжила:

– Сейчас я объясню тебе альтернативу. Мне желательно, чтобы портал открыл именно ты. В крайнем случае я воспользуюсь любым, но твой удобнее. Я объясню почему, но позже. Ты, конечно, хочешь быть героем и портал открывать не собираешься. Думаю, ты даже готов умереть. Но есть разница между тем, как люди умирают, Иван. То, как умер Ашот, – это подвиг. Это страшная, мучительная... но быстрая смерть. А я могу обеспечить долгую и омерзительную. И где-то на полдороге к этой смерти ты сломаешься и откроешь портал. Но, возможно, уже не сможешь вернуться обратно к жизни.

– А ты не боишься, что в любой момент прилетят самолеты, крутя винтами, и застрелят тебя из ракеты? – ухмыльнулся я.

– Нет, Иван, я не боюсь появления ваших вертолетов и ракетного удара, – ответила Эйжел по-русски. Улыбнулась. – Даже если Штаб Корпуса имеет техническую возможность для переброски транспортных средств в Центр, даже если ваши современные вертолеты и самолеты выдержат время, достаточное для полета к заставе, даже если ваши бюрократыотреагируют быстро... Я просто открою портал и утащу тебя на Очаг. А потом мы вернемся в Центр, и ты все-таки откроешь портал на Землю. Понятно?

Я молчал. Я понимал, что она права. Но я не мог, не хотел с этим согласиться.

– А поскольку ты сейчас под анестезией и работать с тобой придется

долго, – сказала Эйжел, – мне придется начать не с тебя. Я начну, наверное, с Гали. Она милая девушка, я к ней замечательно отношусь, но...

Эйжел похлопала себя по бедру, где были пристегнуты ножны с кинжалом.

– Если не хватит Гали, – продолжила она, – то мне придется заняться Ромой. Он тоже хороший парнишка, но у меня нет выбора. Впрочем, я уверена, что ты передумаешь раньше. Где-то на полпути, Галя даже останется жива, но, наверное, будет обезображена до конца дней своих.

Она вдруг резко подалась ко мне, встряхнула, схватив за ворот.

– Ну же, Иван! Не валяй дурака! Ты знаешь, что не выдержишь. Я знаю, что ты не выдержишь. Ты знаешь, что я не блефую. Я знаю, что ты это знаешь. Все, борьба окончена! Вы сражались достойно, но проиграли. Не надо лишних жертв, я этого не люблю!

Роман что-то промычал сквозь кляп. Эйжел встала, подошла к нему, сдвинула кляп.

– Иван, не открывай! – крикнул Ромка. – Пусть пытается, мы не откроем! Я увидел, что у него выбиты два передних зуба.

– Ты все-таки еще ребенок, – сказала Эйжел снисходительно. – А Иван взрослый. Он понимает.

– Ребята, она права, – сказал я. – Простите... но ни вы не выдержите, ни я. Это не кино. Эйжел, я открою портал. Но ты должна отпустить ребят.

– Обязательно, – сказала Эйжел, вновь запихивая Ромке в рот кляп. – Мы сделаем так... сейчас я тебя раздену, а им развяжу ноги, чтобы они могли тихонечко двигаться. Потом принесу бадейку с водой и буду изображать душ. Ты откроешь портал. Когда ты это сделаешь, я выну у Ромы кляп и вместе с тобой войду в твой портал. А Роман как следует обругает Галю, она откроет свой, и они уйдут через него. Все честно?

– Честно, – признал я.

Она подняла меня на ноги и принялась раздевать. В этом даже не было унижения, скорее – какая-то болезненная эротика. Я стоял молча, даже когда остался без штанов и когда Эйжел ножом разрежала на мне рубашку, чтобы не развязывать руки. Голова кружилась, но не болела.

– Я не уверен, что смогу легко открыть портал, – сказал я. – Во-первых, я должен вытираться...

– Я сама тебя оботру, милый, – сказала Эйжел. – И не надо никаких «во-вторых». Ты не представляешь, как безвыходная ситуация обостряет способность открывать порталы. Почти все ваши ограничения – просто косность мышления. Не зря большинство открывает порталы напившись, медитируя или входя в транс...

Она принесла ведро с водой, набросила на плечи рюкзак. Потом разрезала Гале и Роме веревки на ногах.

– От стульев я вас отвязывать не буду, – сказала она. – Чтобы не провоцировать глупого геройства. Как-нибудь допрыгаете...

– Эйжел, – сказал Ромка. Голос его был удивительно спокойным и, несмотря на подростковую тонкость, совершенно взрослым. – Однажды я найду тебя и убью. Где бы ты ни была. В каком бы мире ни пряталась. Запомни это.

Эйжел на секунду замерла, держа в руках ведро с водой. Потом кивнула:

– Я запомнила и приняла к сведению. Мне очень жаль, но ты, похоже, говоришь серьезно. Поэтому я дам тебе пару лет подрасти, а потом сама тебя найду и убью. Разумнее было бы сделать это сейчас, но... – она вздохнула, – Иван может съехать с катушек. Как скажешь. Встретимся, Рома.

И она, больше не обращая на парня внимания, принялась лить мне на макушку воду.

Вода была холодная.

И вообще тонкая струя воды – это не мягкие ласковые струи душа.

Струйки, стекающие по моему лицу, были розовые и соленые на вкус.

А не слабо меня приложили по черепушке...

Я попытался выбросить это из головы.

Все выбросить, совершенно.

И то, что стою голый и со связанными руками перед симпатичной девушкой и подростком.

И убитого Ашота.

И раненого (или убитого?) Бобрикова.

И связанных друзей.

И обещание Эйжел убить Ромку.

И «детонатор», который, наверняка, лежит в ее рюкзаке.

На меня льется вода. Я в душе. Я очистился. Я готов к рождению в новый мир, я покидаю Центр, я возвращаюсь на Землю.

Это не лучший на свете мир, но это мой мир. Я возвращаюсь в него не потому, что меня заставляет враг, не потому, что несу в него смерть. Я возвращаюсь, чтобы дать последний бой – и победить.

Вода перестала литься. Я сделал шаг назад. Эйжел сильно, но мягко обтерла мои плечи полотенцем.

Я напрягся – и открыл портал, который никогда не видел.

– Галя, дурында, соплячка... – быстро заговорил Ромка.

Эйжел шагнула за мою спину, вцепилась мне в руку – и потащила за собой.

В мой собственный портал, в мой собственный мир, в мою собственную квартиру.

Глава 24

Я упал.

Упал на пол в собственной квартире, пройдя туда сквозь собственный портал, и это почему-то было обидно.

Эйжел стояла надо мной, держа в руках Узи-микро, надежную еврейскую машинку для фаршировки мяса свинцом. Свой похожий на маузер и калибром, и габаритами пистолет-пулемет клондальской сборки она, видимо, брать не стала.

Пока я переворачивался и пытался сесть на полу, Эйжел быстро и умело обшарила всю квартиру. Проверила, заперта ли входная дверь, обыскала спальню, посмотрела в ванной и на кухне. Даже заглянула зачем-то в стоящий в углу гостиной рюкзак, отобранный мной недавно у контрабандиста на границе с Лореей. Потом вернулась ко мне, с усмешкой посмотрела на пустую бутылку из-под коньяка, стоящую на столе, и убрала ее на пол. Она выглядела какой-то очень расслабленной и удовлетворенной.

– Эйжел, если ты рассчитываешь на бомбу, которую спрятала у Ромки, то зря, – сказал я. – Ее нашли и уничтожили.

Эйжел покачала головой.

– Сразу две ошибки. Во-первых, не рассчитываю. Во-вторых, это была не бомба, а детонаторы. Бомба – вот она.

Не выпуская Узи, она сбросила свой рюкзачок, достала из него деревянную коробку и поставила ее на стол.

– Это – бомба, – повторила Эйжел. – Если пользоваться вашей терминологией... А детонаторы... – она прошла к рюкзаку контрабандиста и принесла его к столу, – вот они.

Я молчал. Нечего было говорить, кроме матерной брани.

– Мы всегда дублируем важные моменты операций, – пояснила Эйжел. – За эту бомбу я тоже волновалась, но ее вы, к счастью, не нашли. А второй комплект детонаторов нес наш агент. Из вашего мира, кстати. Он должен был встретиться со мной, но, к несчастью, напоролся на очень упорного пограничника. В ваш мир уходить смысла не было, груз я должна была встретить в Центруме. Он попытался оторваться, но упорный пограничник его нагнал. К счастью, на этот случай тоже был предусмотрен свой вариант – сбросить груз и уходить. Но пограничник, к сожалению, оказался не только упорный, но еще и корыстный... по мелочам. Утащил груз на Землю.

– Я был далеко от заставы, – сказал я. – Поэтому и забрал рюкзак с собой, хотел потом сдать... как положено. Не успел.

Эйжел усмехнулась и продолжила:

– А я осталась с пустыми руками. Поэтому мне пришлось ехать в Марине. Мне и в голову не пришло, что бомба дожидается меня на вашей заставе, я была уверена, что ее забрал пограничный спецназ. Надо было удостовериться, конечно... но один комплект детонаторов уже был на Земле, второй комплект и бомба, как я полагала, в Марине... уговорить тебя навестить заставу не удалось... я была в панике и решилась на авантюру. Увы, бомбу уничтожили, детонаторы изъяли... мне пришлось бежать. Штурм заставы был жестом отчаянья, Иван. Я подозревала, что детонаторы у тебя, но не знала, сохранилась ли бомба на заставе. Но все сложилось! Ты видишь – все сложилось, все удалось!

– А как ты красиво рассказывала о своей ненависти к Очагу... – прошептал я. – Про ужасы, которые испытал твой род...

– Я не лгала, Иван, – лицо Эйжел помрачнело. – Я говорила правду... но не свою. Ту, что рассказывала мне настоящая Эйжел. Все правда – и выживание, и нищета, и смерти... и про людоедство... Только не думай, что я жила во дворце, у нас все было похоже, – она поморщилась. – По-другому, но похоже. Разве что друг друга не ели, а «двуногой скотиной» моя бабка называла мартышей... Ты считаешь нас злодеями? Ты ничего не знаешь про нас, Иван. Ты не понимаешь, кто настоящие злодеи и что именно делаем мы...

– Ну так расскажи, – попросил я. – Может, я еще стану вам помогать, как тот морячок...

– Какой морячок? – наморщила лоб Эйжел. – Агент? Вот уж не знала... Иван, большая просьба, сядь вон в то кресло у окна...

– Мне и тут хорошо, – сказал я. – Пол твердый, уютный, почти чистый...

– Сядь, сядь, – повторила Эйжел. – Мне сейчас придется работать, а я хотела бы все время тобой любоваться. Давай... – она очень убедительно махнула Узи.

Я с трудом поднялся, доковылял до кресла, сел. Связанные за спиной руки мешали откинуться на спинку, приходилось сидеть прямо, будто аршин проглотил.

– Сейчас я все сделаю, – сказала Эйжел. – Потом мы выпьем чая, я очень люблю земной чай... кенийский, да? Кенийский... Выпьем чая и поговорим. У тебя металлический чайник?

– Пластиковый, – сказал я мстительно.

– Жалко. Ну ничего, мы вскипятим воду в кастрюле.

– Вряд ли. У меня плита электрическая, в ней полно электроники.

– Вот это очень непредусмотрительно, – посетовала Эйжел. Она извлекла из коробочки бомбу, поставила в центр стола. Убрала коробочку, потом аккуратно щелкнула ногтем по одной из трубочек. Брикет золотистых трубочек зашевелился, разворачиваясь в бесформенное «облако». То ли я смотрел с нужного угла, то ли это была игра воображения – мне показалось, что в этом хаосе проглядывает какая-то система, какая-то внутренняя логика – может быть, недоступная человеческому разуму, но угадываемая...

– Значит, будем пить коньяк, – подытожила Эйжел. – У тебя ведь наверняка еще есть?

– Слушай, вскипяти воду вначале, – взмолился я. – Голова раскалывается, кофе хочу...

Эйжел с сомнением посмотрела на меня, но все-таки пошла на кухню, сполоснула чайник, наполнила водой из-под крана и включила. Увы, все это время она ни на секунду ни отрывала от меня взгляда, а в степени своей подвижности я не заблуждался...

– Хорошо управляешься с современной техникой, – похвалил я.

– У нас почти такая же, – ответила Эйжел. – Цель диктует форму.

– Это вряд ли, скорее вы у нас все сперли, – сказал я.

Эйжел на подначивание не отреагировала, только усмехнулась и положила Узи на стол. Достала плоскую картонную упаковку с дюжиной «батареек». Открыла ее и начала аккуратно снаряжать топорщащиеся в разные стороны трубочки черно-золотистыми «батареиками»...

– А если бы я вставил их в фонарик? – спросил я.

– Фонарик бы светил, – ответила Эйжел. – Некоторое время. Они сделаны очень похожими и даже дают ток... что за...

Я мстительно усмехнулся. Эйжел держала в руках следующую пачку – она была надорвана.

– Десять, – посчитала Эйжел. – Что это значит? Где еще две?

– Откуда мне знать, я не трогал, – честно признался я. – Может, те, кто мою квартиру проверял, взяли парочку для анализов? Или и впрямь в фонарик засунули?

Эйжел молчала, сверля меня подозрительным взглядом. Я действительно не трогал «батарейки», хоть и не собирался тащить их на заставу и сдавать клондальским властям. Но я предполагал, где эти цилиндрики сейчас – у телевизора давно уже барахлил пульт, и сидевшие в засаде оперативники, наверное, решили поменять батарейки...

– Ничего страшного, – сказала Эйжел и отложила вскрытую пачку. – Мы всегда все дублируем, помнишь? Детонаторы уложены с некоторой избыточностью.

Но все-таки она теперь хмурилась, вставляя детонаторы в бомбу. Понятное дело, вдруг пропало не две батарейки, а несколько упаковок? Судя по тому, как они тряслись над этими детонаторами, давались они им нелегко...

– Может, все-таки объяснишь? – спросил я. – Вашу цель? Почему вы готовы убить миллиарды землян?

– Мы не убиваем.

– Но они умрут. Когда рухнет наша техническая цивилизация – умрут миллиарды.

– Это будет уже не наша вина, – твердо сказала Эйжел. Ее пальцы ловко сновали по бомбе, вставляя детонаторы в гнезда. – Вам стоило развиваться более гармонично. Кстати, твоя страна не самая технически развитая, она пострадает меньше, это должно тебя утешить.

Я невольно рассмеялся.

– Мы – меньше? Когда у нас не станет ядерного оружия, нашу страну разорвут на клочки соседи. Именно потому, что страна большая.

Эйжел вздохнула:

– Что ж, значит – это ее судьба. Атомное оружие вообще зло...

– Вы из-за этого уничтожаете технику? – предположил я наугад. – Чтобы не допустить ядерной войны?

– Ну что ты, я не думаю, что люди Земли такие идиоты, чтобы начать ядерную войну... – отмахнулась Эйжел. – Если бы думала – я бы и спасти вас не стала...

– Спасать? – я не выдержал и заорал. – Спасать, говоришь? Ты сейчас закончишь собирать эту дрянь – и самолеты упадут с небес на Землю, в больницах начнут умирать дети...

– Вот всегда как аргумент приводят детей, – сказала Эйжел. – Какие же вы дурачки...

Она искоса посмотрела на меня.

– Но ты мне все-таки нравишься, Иван. Ты искренен. Ты просто не понимаешь.

– Объясни, – упрямо повторил я.

Нет, я не хотел ее понять. Я был уверен, что понять ее – невозможно. Я тянул время. Старик, Хмель и Ведьма на Земле. Надеюсь, что и Калька с Дедом тоже. Если Старик ранен, а не убит, то он скажет мой адрес... и телефон своего пограничного контакта на Земле. Ребята позвонят и скажут,

что случилось. А сами рванут ко мне. Уж Калька с Дедом – точно, ничто их не остановит, ни раны, ни веревки.

И, может быть, мы успеем...

Эйжел вздохнула, достала еще одну пачку детонаторов. Сколько там трубочек? Триста пятнадцать? Сколько она уже заполнила? Судя по горке пустых упаковок – не меньше пары сотен, а может, и все три...

– Подожди чуть-чуть, – попросила она. – Я допускаю, что твои друзья сейчас спешат к тебе. А мне бы не хотелось их убивать. В конце концов, я вас всех очень хорошо знаю и люблю.

Я засмеялся.

– Ну да, я такая... – вставляя детонаторы, задумчиво сказала Эйжел. – Ладно. Тридцать секунд ничего не решат.

Она залезла в свой рюкзак, достала из него тоненькую брошюрку с серой обложкой. На обложке было напечатано одно-единственное слово: «ОЧАГ».

– Держи, – Эйжел небрежно бросила мне брошюру. – Это стандартный текст для мира Земля, территории Россия. Он ничем не отличается от текстов для других территорий и миров, кроме языка, этот – на русском.

– И как читать? – насмешливо спросил я. – Ногами переворачивать странички?

Эйжел, похоже, была сама не рада своим действиям, но отступить она не любила. Обошла стол, достала кинжал. Я встал и повернулся к ней спиной. Лезвие скользнуло по веревкам, не коснувшись кожи, – Эйжел прекрасно обращалась с холодным оружием. Я сбросил обрезки веревок, повернулся – она уже была с другой стороны стола и, глядя на меня, постукивала пальцем по Узи.

– Что это? – спросил я, нагибаясь и поднимая брошюрку. Она была не толще школьной тетрадки, страниц десять-двенадцать. Голова отреагировала на мое движение болью – видимо, введенный Эйжел препарат прекращал действовать.

– Это ответы, – спокойно сказала Эйжел. – Ответы на все твои вопросы. Объяснение, что такое Очаг, объяснение, что и почему он делает. Если мы считаем, что человек достаточно умен, чтобы перейти на нашу сторону, – мы даем ему это прочесть. И дальше он начинает нам помогать. Самозабвенно и честно.

Брошюра задрожала в моей руке.

– Что тут написано? – спросил я. – Это какой-то гипноз? Внушение?

– Нет, всего лишь правда, – сказала Эйжел, убирая руку с оружия. Ее пальцы теперь двигались медленнее – практически вся бомба была

снаряжена. – Двадцать шесть упаковок, – произнесла Эйжел задумчиво. – Еще одну украли. К счастью, есть вскрытая, а осталось только три гильзы...

Она прищурилась, осматривая бомбу. Торжествуя сказала:

– Ага... вот одна...

– Ты не врешь мне? – спросил я.

– Нет. Где же еще...

Я открыл брошюру. Прочитал первый абзац.

«Этот текст даст вам ответы на все вопросы, касающиеся Очага, Центрума и пластиковой чумы. Вы поймете смысл наших действий и сможете сделать собственный свободный выбор, владея всей полной информацией».

– Тут темно, – сказал я, делая шаг. Эйжел нахмурилась и положила руку на Узи. Но я подошел к окну, а не к ней, отдернул шторы. Снова взял брошюру, оставаясь стоять спиной к Эйжел.

– Вторая, – радостно сказала Эйжел. – Читай, Иван. Читай. Потом поговорим.

– Читаю, – сказал я.

Но я соврал. Я не читал. Глаза мои были закрыты.

Ограничения – это косность мышления, как сказала Эйжел.

Наверное, это так и есть.

Открыл же Старик портал за считанные секунды, вместо обычных тридцати.

Умела ведь та женщина, которую застрелила Калька, выходить из портала всегда в одной и той же точке Центрума – а ведь про такое даже легенд не ходило...

Это просто косность нашего ума.

Как открыли портал первый раз – так и открываем всю жизнь...

Так ли необходим мне душ, полотенце и все остальное, что я делаю?

Струи воды льются мне на голову, стекают по телу... Я выключаю воду... Вытираюсь... Сейчас я открою портал... но только не так, как обычно, в паре шагов за спиной, а дальше... в паре метров...

– А вот и третья! – радостно сказала Эйжел.

Нет, я совершенно не был уверен, что у меня получится. Это был такой же жест отчаянья, как предпринятый Эйжел штурм заставы. Шансов победить ее, даже с развязанными руками, даже если она не успеет схватить пистолет-пулемет, у меня не было ни малейших.

Только портал.

И откровенная радость, звучащая в голосе Эйжел, будто сорвала в

моем мозгу какой-то стопор. За этой радостью наверняка стояла правда – чужая, страшная правда, которая заставит меня радоваться гибели Ашота и мучениям Центрума, сделает добровольным и фанатичным агентом Очага. Эта правда убьет миллиарды людей – не важно, детей или взрослых, русских или китайцев, французов и прочих шведов, молодых и старых, белых, черных и желтых. У нас, конечно, очень несправедливый и несовершенный мир, про политиков я вообще не говорю. Но это наше дерьмо и наша несправедливость. Не надо нам чужой правды.

Я открыл портал – и сразу понял, что он открылся именно там, где я хотел, – за кромкой стола.

Вопль, который издала Эйжел, был чудовищным. Надо быть не пограничником, а солдатом удачи, поливающим из огнемета хижины где-нибудь в джунглях, чтобы услышать такой крик.

Я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как портал гаснет. Все равно он у меня остался нелепым и неудобным, он открылся ко мне «внешней» стороной, ртутно-дымчатой, непроницаемой.

Когда портал погас, Эйжел в комнате уже не было. Она вывалилась куда-то в Центрум.

Но не вся.

С моей стороны остались нога по бедро и рука по локоть. Они лежали на полу у стола, в маленькой лужице крови (на стол и то крови брызнуло больше). Пальцы на руке подергивались. Я доковылял до стола, посмотрел на ампутированные части тела. Меня всегда занимал вопрос, что будет, если портал откроется в том месте, где есть какой-то предмет или, не дай Бог, человек. Но меня уверяли, что такого не бывает, портал по своей природе не способен открыться в уже занятом твердыми предметами месте. Значит, и это не было аксиомой. Не соврал Старик, что однажды открыл портал в воде...

Я посмотрел на брошюру, которую все еще сжимал в руке. Подошел к книжному шкафу и аккуратно впихнул ее между «Справочником туриста-водника» и самоучителем английского языка. Хорошо, когда в доме много старых бумажных книг, всегда есть куда поставить еще одну. Как там говорил Честертон? Где умный человек прячет лист? В лесу. А мертвый лист? В мертвом лесу.

Потом я вернулся к столу. Нагнулся и взял из судорожно сжатых пальцев последний детонатор.

Интересно, его достаточно вставить, чтобы запустить бомбу? Или надо что-то сделать? Сказать секретное слово, нажать на какую-нибудь трубочку...

Проверять я не собирался.

С минуту я стоял, выковыривая из бомбы детонаторы. А потом услышал звонок в дверь. Длинный, настойчивый.

Конечно, это могла быть мама, решившая навестить непутевого сына, не отвечавшего на звонки.

Или кто-то из старых друзей и подруг.

А может быть, это услышавшие вопль Эйжел соседи?

Приволакивая левую ногу – почему-то нога стала плохо меня слушаться, – я доковылял до двери. Глянул в глазок – там была какая-то муть. Я подумал и посмотрел другим, правым глазом.

За дверью стояла Ведьма.

Повозившись немного, я открыл дверь и отступил в коридор.

Ведьма стояла неподвижно. В руке у нее был пистолет, кажется, та самая полицейская «Беретта», которую она использовала в Центруме. Ну да, она же с пистолетом ушла на Землю...

– Я ее убил, – сказал я, отступая. – Проходи.

Ведьма вошла, прикрыв за собой дверь. Глянула на стол, на снаряженную бомбу... потом ее взгляд остановился на окровавленных частях тела Эйжел, и ее глаза расширились.

– Я успел, – сказал я. – Бомба не запущена... я думаю. Но лучше ее убрать в Центрум. И там сломать.

– Господи, как ты это сделал, Ударник? – воскликнула Ведьма. – Бензопилой?

– Порталом, – объяснил я. – Ухитрился открыть прямо через нее. Ведьма, ты извини, я сейчас упаду. Только скажи вначале, Старик жив?

Ее губы зашевелились – но ответа я уже не услышал.

Упал.

Как и обещал.

Эпилог

Солнце жарило вовсю, и ребята от жары осоловели. Было их четверо. Один – наш, с Украины. Трое других – клондальцы, двое из Антарии, третий, совсем салага, из Гранца.

Я прошел перед строем, помахивая тростью. Сказал:

– Итак... Посадка в боевого человекообразного робота осуществляется через левую псевдоноздрю... Повторяю – через левую!

Ага, встряхнулись! Глаза вылупили, даже встали прямее.

– Но до этого нам еще далеко, – продолжил я с улыбкой. – Итак, вы получили форму, оружие, карту. Сейчас вам предстоит первое самостоятельное боевое патрулирование. Вы знаете порядок своих действий, давайте сверим часы...

Олександр – парень упрямо называл себя украинским вариантом имени, ни на Ивана, ни на Александра не соглашаясь, – быстро глянул на часы. Клондальцы подходили к делу серьезнее. Раньше наручные, да и вообще любые часы носил из них только Готир Гольм, юноша пусть и беспутный, но все-таки из хорошей семьи. Но даже он на часы не столько смотрел, сколько их демонстрировал окружающим. Увы, но теперь Готиру было нечем похвастаться – двое его товарищей, включая беспризорного паренька из Гранца, которого на заставу приволок Дед, хмуро бросив: «Я за него ручаюсь. А не возьмем – пропадет», носили точно такие же «командирские» часы, выпущенные в России.

– Ровно полдень, – сказал Олександр. Для ярого фаната украинской независимости он говорил по-русски слишком хорошо, а по-украински – никак. Ну ничего, Центрум быстро лечит от мелких национальных комплексов – когда человек понимает, что миров много, а разумное существо не обязательно похоже на человека – все люди Земли становятся братьями и сестрами.

– Ваши маршруты короткие, – сказал я. – Мы ждем вас к восемнадцати ноль-ноль. Раньше не ждем – это будет значить, что вы невнимательно шли по маршруту и не делали секретов в заданных местах. Позже тоже – это означает, что вы не умеете ходить и распределять силы. А теперь, прежде чем вы отправитесь в свое первое патрулирование, позвольте задать вам вопрос... Как называется наша застава?

Некоторое время новобранцы мялись.

Потом Готир, будучи парнем находчивым и поднаторевшим в светских

интригах, сказал:

– Застава Скрипача?

Я покачал головой.

– Нет. Ашоту бы это не понравилось. Да, я знаю, что в официальных документах ее так иногда называют, но... Как называют на самом деле? Все остальные?

– Инвалидная застава, – сказал парнишка из Гранца. И настороженно замер в ожидании реакции.

– Правильно, – сказал я. – В языке Клондала, как и в русском, кстати, инвалид – человек с каким-то дефектом. Но у нас есть еще и старое значение этого слова. Ветеран. Человек, который отдал себя военной службе. Мы – не военные. Мы – пограничники. Не стану лукавить, мы защищаем не только и даже не столько Клондал, мы защищаем мир, откуда большинство из нас родом, – Землю. Но все-таки это тоже военная служба. И все-таки мы защищаем все миры. Может быть, даже... Ладно, это лирика. Мы – инвалидная застава. И мы этим гордимся. Понятно?

– Да! – разноголосно, но довольно дружно ответили новобранцы.

– Приступить к несению патрульной службы, – сказал я.

Постукивая тростью по земле, я смотрел, как они уходят на свои маршруты. Готир и паренек из Гранца шли вместе. Из них точно получится толк, и, похоже, они подружатся. Насчет двух других я не был уверен, но...

Поживем – увидим.

Когда они отошли метров на двести, я развернулся и пошел к заставе. Забор давно уже был восстановлен и даже укреплен, сторожевую вышку полностью сменили (это был личный подарок от советника Гольма) – и наверху теперь размещалось закрытое бронепластинами пулеметное гнездо. Пулемет, конечно, был максим.

Наши ждали меня во дворе. Даже Старик, которому, в общем-то, врачи пока не советовали много ходить, вышел из казармы.

Дед как раз заканчивал разжигать костер.

Я остановился перед друзьями. Они терпеливо ждали.

– Ничего вроде как ребята, – сказал я. – Будет толк.

– Ты нас не ради этого всех собрал, – заметила Калька. – Половина направлений не прикрыта.

– Подождите, – сказал я. – Успеете нагнать, знаю я вас, ходоков. Месяц назад я не рассказывал вам одной детали... моего разговора с Эйжел.

Все напряглись. И даже пограничный пес Дивный, за этот месяц вымахавший в размерах вдвое, возмущенно гавкнул. Хмель строго дернул его за шкуру.

– Пока Эйжел собирала бомбу, я пытался отвлечь ее разговором, – сказал я. – Ну... надеялся, что Старик сможет назвать мой адрес, Ведьма или Хмель кинутся ко мне... не знаю, на что я надеялся. И я просил объяснить, за что они уничтожают технологии в иных мирах. Эйжел в какой-то момент согласилась. Но она не стала отвлекаться на разговор, а дала мне книжку... брошюрку... Вот эту.

Я достал из кармана ветровки брошюру и продемонстрировал ее.

– Эйжел сказала, что, когда я прочитаю это, – я перейду на сторону Очага. Что я пойму правоту их действий. И буду сам, с радостью и добровольно, уничтожать собственный мир. Что любой умный человек так поступит, что именно таким образом они вербуют себе агентов в других мирах... Я не знаю, что там написано, я прочитал только первый абзац, так... преамбула, ничего особенного. Обещания рассказать правду. Я не думаю, что тут скрыто какое-то колдовство, психотехника, зомбирование... Скорее всего – тут и впрямь правда.

– Правда Очага, – сказала Ведьма с отвращением, будто сплюнула.

– Да, конечно. Но – правда. И теперь я хочу, чтобы мы решили – что с этим делать. Мы все имеем на это право. Если кто-то хочет прочесть – берите. Если кто-то считает, что это нужно отправить в Штаб Корпуса, передать властям Клондала – пожалуйста, берите и отдавайте. Тут должно быть единогласное решение, я считаю.

– Что тут считать-то? – спросил Старик. – Жги, Иван.

Он закашлялся и приложил к губам платок.

– Я знаю много разной правды, – задумчиво сказала Ведьма. – Есть правда в том, что люди – жадные и жестокие животные. Есть правда в том, что люди способны на благородство и самопожертвование. Есть правда левая, есть правда правая, есть правда с винтом и с подвывертом. Есть правда в том, что целый мир лежит в руинах. Жги!

– Я вообще дурак малолетний и оболтус ленивый, – хмуро сказал Дед, глянув на Ведьму. – Так что мне эта правда не повредит. Но я читать не люблю. В огонь!

– К-книги ж-жечь нех-хорошо, – заметил Хмель. – Но это не к-книга. Пусть г-горит.

– А я бы многие книги сожгла, – негромко заметила Калька. – И для этой не хочу исключений.

Дивный гавкнул.

– Единогласно, – сказал я. – Думаю, Ашот бы тоже согласился...

Я подошел к костру и бросил в него брошюру. Пламя начало переворачивать страницы, Калька наклонила голову, спросила:

– А что такое «топологическое пространство»?

Ведьма молча взяла ее за ухо и отвернула голову в сторону от огня. Параллель с Хмелем и Дивным была такой очевидной, что я невольно улыбнулся.

Несколько секунд казалось, что выпущенная в Очаге брошюра в огне не горит. Пламя прыгало по страницам, а те все оставались чистыми, белыми, запятнанными лишь типографской краской.

Но потом огонь победил.

Брошюра вспыхнула вся, разом, и обратилась в клочья черного пепла, вырвавшиеся из костра и улетевшие по ветру.

– Вот и все, – сказал я. – Может быть, мы сделали ошибку, но это была наша ошибка.

– Не жалею, – спокойно сказала Ведьма. – Правды бывают разные, как я уже говорила. Если Эйжел сказала, что это – правда для умных, то значит для большей части людей она правдой не будет. Иначе они раскидали бы свою брошюру по всем мирам – и люди сами прекратили бы пользоваться техникой. Это не правда, это лишь ее часть. А часть правды всегда бывает только ложью.

Все-таки хорошо, когда в твоей команде есть кто-то достаточно старый, чтобы быть мудрым.

– Ну, кто со мной пойдет по четвертому маршруту? – спросил я. – Только я медленно буду идти, ничего?

– Я пройду, – решила Ведьма. – Года три уже как в дозоры не ходила. Подожди только минутку, я новый флаг повешу.

Я кивнул и оперся на трость. Врачи говорят, что это последствия травмы головы. И что они, возможно, пройдут, если очень стараться.

Что ж, займусь физкультурой. Вот только пусть Ведьма поднимет над заставой флаг.

Потому что пока флаг не спущен – граница на замке...

– А ключ – в кармане, – шепотом добавил я то, что пограничники чужим не говорят.

июнь 2013 г.